Б 6 6/83

П6 6/83

С. Поповъ.

РЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ПРОТОІЕРЕЙ

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(ОПЫТЪ БІОГРАФИЧЕСКАГО ОЧЕРКА).

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1897.

С. Поповъ.

РЕКТОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ПРОТОІЕРЕЙ

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(ОПЫТЪ БІОГРАФИЧЕСКАГО ОЧЕРКА).

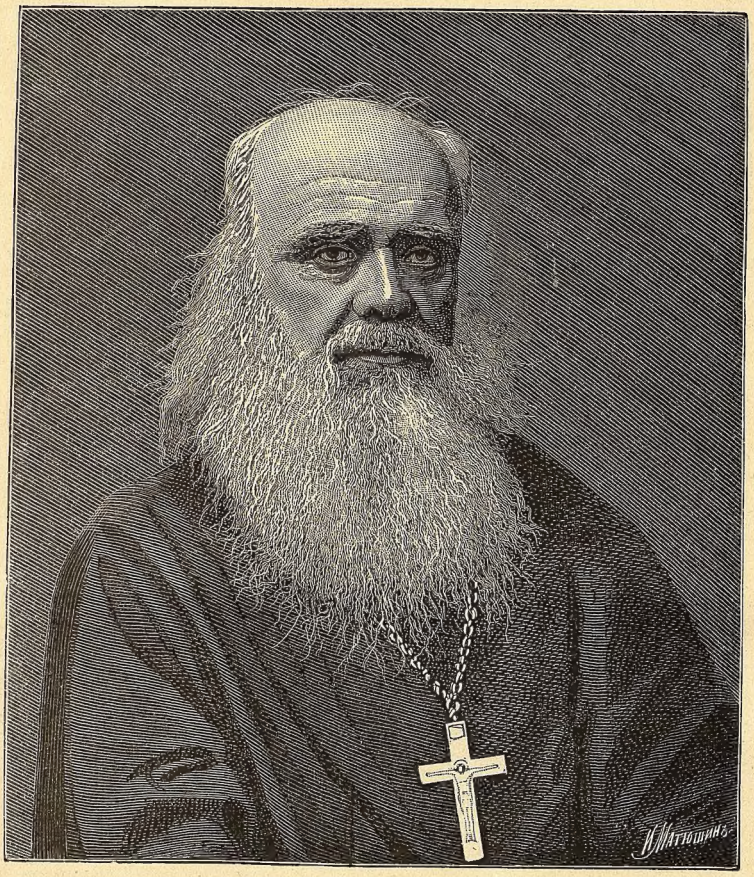
Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1897.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.
(360)

Гос. ... ка
Инвент. 479554
... 193 г.

Печатать дозволяется. Декабря 8 дня 1896 года.
Ректоръ Академіи *Архимандритъ Лаврентій.*

Оттиски изъ №№ 1—12 „Богословскаго Вѣстника за 1896 годъ.



Александръ Васильевичъ Горскій

(1812—1875)

Приложеніе къ „Богословскому Вѣстнику“ 1896.

Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ.

(Опытъ біографическаго очерка).

„Просимъ помнить насъ, доколѣ мы живы, и поминать, когда умремъ“.
А. В. Горскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача нашего труда помимо насъ, раньше опредѣлена желаніемъ Преосв. Николая, епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, на премію котораго, учрежденную въ М. Д. Академіи, этотъ трудъ предназначался. Мы должны составить „обстоятельную“ біографію Александра Васильевича; причемъ, въ біографіи — „обращать вниманіе не столько на характеристику его ученыхъ трудовъ, сколько на отношенія покойнаго къ его сослуживцамъ, студентамъ, начальникамъ-іерархамъ, и къ роднымъ“. На нашу долю оставлено лишь—изыскать болѣе удобные способы для исполненія этой задачи и исполнить ее.

Соображая требованія, а съ другой стороны — время и средства, мы положили себѣ:

1) раздѣлить біографію на двѣ части: историческую и другую, если такъ можно сказать, — нравственно-практическую;

2) останавливаться въ жизни А. В-ча на такихъ событіяхъ и данныхъ, которыя не извѣстны еще въ печати;

3) пользоваться по преимуществу тѣми матеріалами, которые хранятся въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ, и

4) приводить для большей документальности словъ подлинныя изъ матеріаловъ мѣста. (Къ этому мы побуждались еще и тѣмъ, чтобы сохранить отъ возможнаго уничтоженія матеріалы рѣдкіе).

Матеріалы наши были слишкомъ богаты; масса ихъ подавляла насъ. Поэтому, можетъ быть, мы и не всегда умѣли выбрать изъ нихъ болѣе цѣнные для біографіи; поэтому, можетъ быть, и она вышла не такъ, какъ хотѣлось, полна.

Изъ печатныхъ мы располагали:

а) „Дневникомъ“ А. В-ча, прежде всего. — Его началъ А. В-чъ съ 1830 года, когда въ Академіи перешелъ на старшій курсъ, и продолжилъ, съ перерывами, до 1840 года. Съ этого года онъ велъ, — очень рѣдко, впрочемъ, — только отрывочныя дневныя записи, до самаго года своей смерти включительно (1875). Въ печати дневникъ сталъ извѣстенъ лишь съ 1876 года, а появился уже въ 1884 году. Цѣлью его у А. В-ча было: „усугубленіе вниманія къ самому себѣ и наблюденія за собою какъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ въ особенности со стороны нравственной“. Но для насъ особенно дорога была только первая его часть, заключающая въ себѣ почти исключительно изображеніе внутренней, духовной жизни А. В-ча. Вторая, гдѣ записаны большею частію одни разговоры съ А. В-чемъ м. Филарета, не имѣла для насъ большаго значенія.

б) Статьями объ А. В-чѣ:

— С. К. Смирнова, — „Воспоминанія о покойномъ ректорѣ Моск. Дух. Академіи, прот. А. В. Горскомъ (Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ М. Д. Академіи 1 окт. 1876 года. — Прав. Обозр., 1876, III). — Его статья имѣла всецѣлое значеніе, пока въ академическомъ журналѣ не былъ напечатанъ дневникъ. Мы пользовались изъ нея только тѣми письмами отца и матери къ А. В-чу, которыхъ намъ не пришлось достать въ подлинникахъ.

— Н. И. Троицкаго, — „Воспоминанія о прот. А. В. Горскомъ“ (по поводу трехъ его писемъ. — Чт. въ Общ. люб. дух. просв., 1881, III).

— Студента XXVII курса (А. П. Смирнова), — „Изъ студенческаго дневника“ (воспоминанія объ А. В. Горскомъ. — Душепол. Чт., 1891, III).

— П. С. Казанскаго, — „Изъ моихъ воспоминаній объ

А. В. Горскомъ по поводу рѣчи проф. С. Смирнова (Прав. Обозр., 1876, III).

— Г. П. Смирнова-Платонова, — „Изъ области воспоминаній и мечтаній“ (curriculum vitae.—Дѣтская помощь, 1885 г.).

— М. В. Толстаго, — „Хранилище моей памяти“ (Душ. Чт., 1890, III).—Авторы этихъ статей дали намъ много характеристичныхъ разсказовъ объ А. В-чѣ, начиная съ лѣтъ его студенчества.

— А. П. Лебедева, — „Нѣсколько свѣдѣній о покойномъ Горскомъ, какъ профессорѣ церковной исторіи“ (Чт. въ Общ. л. д. пр., 1879, I).—Здѣсь представлена характеристика классныхъ чтеній А. В-ча и вообще ученыхъ его трудовъ.

в) Печатными письмами къ А. В-чу:

— Филарета, архіеп. Черниговскаго (Прибав. къ твор. св. отцевъ, XXXI, XXXIII, XXXVI).

— Евсевія (Орлинскаго), архіепископа Могилевскаго (Приб. XXXVII), и

— м. Московскаго Филарета (Приб., XXIX, XXX).

Брошюрами и мелкими статьями: „Памяти о. Ректора Моск. Дух. Академіи, прот. А. В. Горскаго“ (оттискъ изъ Прав. Обозр., 1875, III); Г. А. Воскресенскаго, — „А. В. Горскій“ (оттискъ изъ „Славянскаго Обозрѣнія,“ СПБ. 1892, Окт.); А. Д. Бѣляева, — „А. В. Горскій“ (Москва. 1877); И. Н. Корсунскаго, — „А. В. Горскій“ (Историч. зап. о дѣятельности Имп. Моск. Археолог. Общ.); С. К. Смирнова, — „Sortes sanctorum“ (Прав. Обозр., 1876, III); „А. В. Горскій“ (некрологъ, Прав. Обозр., 1875, III); „А. В. Горскій“ (по поводу 35-лѣтія служебной дѣятельности.—Прав. Обозр., 1867, III).

Справочною книгою, когда мы должны были касаться Академіи, служила намъ „Исторія Моск. Дух. Академіи до ея преобразованія (1814—1870)“ — С. К. Смирнова.

Но главный нашъ матеріалъ заключался въ подлинникахъ-письмахъ А. В-ча и къ нему. Бо́льшая часть ихъ хранится въ Академіи въ архивѣ Горскаго; а нѣсколько доставлено было намъ обязательными—Дм. Ѳед. Голубинскимъ и Ольгой Петровной Салмановой, племянницей А. В-ча.

Писемъ А. В-ча сравнительно очень немного; напр.,— къ отцу мы не нашли ни одного, къ сестрѣ—тоже; къ брату Влад. Вас-чу только три. Были у насъ письма—къ Ѳ. А.

Голубинскому (10-ть), ректорамъ Филарету (2) и Евсевію (3), инспектору архим. Михаилу (2), В. Д. Кудрявцеву (1), и нѣсколько черновыхъ—къ м. м. Филарету и Иннокентію, и епископамъ—Леониду и Антонію (Казанскому); а также переписка съ К. И. Невоструевымъ (болѣе 500 писемъ).— Послѣдняя началась у него съ года окончанія Невоструевымъ въ Академіи курса (1840 г.) и продолжалась до смерти его въ 1872 году. Большая половина писемъ къ нему падаетъ на тотъ періодъ времени, когда А. В-чъ занимался съ нимъ описаніемъ синодальныхъ рукописей (1849—1863 г.). Кто задумалъ бы писать исторію книги: „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки"—Горскаго и Невоструева, тотъ нашелъ бы въ нихъ богатѣйшій на эту тему матеріалъ; а намъ пригодились изъ нихъ лишь нѣсколько писемъ,—тѣ, въ которыхъ А. В-чъ касается кстати или лично себя и своихъ обстоятельствъ, или домашнихъ, или Академіи. Изъ писемъ его къ другимъ лицамъ особенно были цѣнны для насъ—къ Евсевію и Филарету Черниговскому. Обращаясь къ нимъ по различнымъ вопросамъ духовнаго дѣланія надъ собою, А. В. раскрывалъ имъ всю свою душу. По значенію, какое эти письма имѣютъ для характеристики нравственной личности его, они достойны занять мѣсто на ряду съ „дневникомъ". Письма къ остальнымъ особамъ важны просто какъ историческій матеріалъ; ими мы и пользовались въ первой части своего сочиненія.

Изъ писемъ къ А. В-чу мы имѣли: письма его отца (съ приписками матери, всѣхъ—27), сестры (1), брата (1) и др. родственниковъ; также—обоихъ митрополитовъ, нѣкоторыхъ сослуживцевъ, бывшихъ учениковъ, знакомыхъ и почитателей его (всего около 2000 шт.). — Изъ нихъ мы отдали предпочтеніе, разумѣется, первымъ: они ознакомили насъ съ домашней жизнію и средой А. В-ча; а вмѣстѣ съ послѣдними они были характеристичны для отношеній А. В-ча къ ихъ авторамъ.

Кромѣ всего этого намъ были открыты архивы академическій и семинарскій (московскій). Но время не позволило намъ воспользоваться всѣми предлагаемыми въ нихъ матеріалами. Изъ семинарскаго архива мы взяли правленскую аттестацію семинарской службы А. В-ча, его конспекты и разрядные его списки учениковъ. Изъ академическаго архива

мы извлекли кое-какія свѣдѣнія о костромской семинаріи, гдѣ учился первоначально А. В-чъ (семинаріи и училища въ старину были подвѣдомственны академіямъ), о пріемныхъ въ Академіи экзаменахъ въ годъ перехода въ нее А. В-ча, кое-что объ ея состояніи въ это время, разрядные списки студентовъ, академическій аттестатъ А. В-ча и нѣкоторые документы, касающіеся его послѣдующей жизни, когда онъ состоялъ на службѣ въ Академіи.

Намъ, пришлось, наконецъ, выслушать живые разсказы объ А. В-чѣ его живыхъ учениковъ: А. П. Лебедева, И. Н. Корсунскаго и П. И. Горскаго. Они лучше всякихъ этихъ мертвыхъ книгъ, писемъ и бумагъ познакомили насъ съ личностію А. В-ча; за что мы и приносимъ имъ свою сердечную благодарность.

I.

Біографіи, сколько намъ не приходилось ихъ читать, подробному изложенію обстоятельствъ и условій жизни описываемаго лица обыкновенно предпосылаютъ, хотя краткую, его „родословную".

Едвали это—для того, чтобы только удовлетворить простому любопытству иного читателя, охотника до подобныхъ мелочей; думаемъ, здѣсь преслѣдуется болѣе глубокая и достойная дѣла цѣль—на основаніи психологическаго факта наслѣдственности основныхъ характерныхъ чертъ выяснить, въ возможно большей мѣрѣ, предъ читателемъ изображаемую личность. Такому примѣру намѣрены были послѣдовать и мы, когда въ первый разъ бѣгло набрасывали свой планъ. Къ сожалѣнію, предположенная было нами въ началѣ экскурсія въ родовыя записи, — отъ которой многаго готовы были мы ждать, — на дѣлѣ намъ не удалась: въ складѣ главныхъ нашихъ источниковъ — въ архивѣ покойнаго Александра Васильевича ничего подобнаго имъ не нашлось. Сохранившіяся въ немъ бумаги и письма дали намъ нѣсколько свѣдѣній лишь о ближайшемъ къ Ал. В—чу поколѣній—его родителяхъ. Этими-то свѣдѣніями и, въ дополненіе къ тому, кое-какими воспоминаніями людей, лично знавшихъ почившихъ [1]), мы и спѣшимъ теперь воспользоваться здѣсь.

[1]) Ольги Петровны Салмановой, племянницы и крестницы А. В-ча и

Родители А. В—ча—Василій Сергѣевичъ и Ольга Косминична происходили изъ духовнаго званія, а по мѣсту рожденія были коренные Костромичи. Василій Сергѣевичъ—сынъ псаломщика или, по старинному, просто — дьячка Успенскаго городскаго собора; Ольга Косминична — дочь протоіерея при Іоанно-Златоустовской церкви. Родная Кострома наградила обоихъ и первоначальнымъ образованіемъ. В. С. сначала обучался въ духовномъ училищѣ, потомъ перешелъ въ семинарію. Окончивъ здѣсь философскій курсъ, онъ какъ „подававшій о себѣ хорошую надежду какъ по дарованіямъ и добронравію, такъ и по успѣхамъ“, по назначенію семинарскаго правленія и съ утвержденія преосвященнаго костромскаго Евгенія, отправился „для усовершенствованія въ познаніи высшихъ наукъ и образованія къ учительскимъ должностямъ“, въ Троицкую лаврскую семинарію [1]). Пробывъ въ ней четыре года до полнаго окончанія курса, онъ возвратился (въ 1807 году) [2]) на родину и занялъ каѳедру россійской словесности и краснорѣчія въ своей семинаріи. Ольга Косминична въ это время жила у своего отца, воспитываемая по старинному—больше въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи у родителей.

Судьба обоихъ устроилась чрезъ два три-года службы В. С—ча въ семинаріи; но какъ и благодаря чему: были-ли они раньше знакомы между собою домами или встрѣтились только предъ свадьбой случайно, благодаря участію какихъ нибудь „сватовъ“, совершенно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, думаемъ, — къ общему удовольствію ихъ родителей, потому что онъ былъ человѣкъ съ виднымъ положеніемъ, а она была дочь виднаго въ городѣ протоіерея. Два года послѣ брака В. С. съ молодой супругой жилъ у своего тестя (изъ нихъ одинъ—на полномъ его иждивеніи, по уговору); а потомъ, когда въ соборѣ освободилось мѣсто священника, онъ опредѣлился туда и перешелъ на собствен-

---

Маргариты Алексѣевны Соколовой, супруги старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ его, протоіерея Александра Кирилловича Соколова.

1) См. „Св.-Троицкія Сергіевы Лавры въ Семинарское правленіе Костромскаго Семинарскаго Правленія сообщеніе“ отъ 7-го сентября 1803 г. за № 171. хран. въ архивѣ Горскаго.

2) Письмо В. С. Горскаго къ А. В-чу отъ 19 Янв. 1834 г., въ арх. Горскаго.

ную квартиру въ церковномъ домѣ, гдѣ жили всѣ соборяне. Въ это же, должно-быть, время онъ промѣнялъ и учительскую свою должность въ семинаріи на смотрительскую въ духовномъ училищѣ, которое помѣщалось около него рядомъ, въ другомъ лишь домѣ.

Первымъ плодомъ брака В. С—ча и О. К—ны и былъ А. В—чъ. Онъ родился 16 Августа 1812 года [1]). Послѣ Богъ благословилъ ихъ и еще дѣтьми — дочерью Юліей и сыномъ Владиміромъ. Всѣ трое не намного были старше одинъ другаго, разница заключалась не болѣе какъ въ двухъ годахъ между каждымъ. Съ такимъ юнымъ и небольшимъ семействомъ и зажили своимъ домомъ, по хозяйственному, его родители.

Не знаемъ точно, а думаемъ, что не долго смотрительствовалъ въ училищѣ В. С—чъ. Объ этомъ, впрочемъ, едвали онъ и жалѣлъ. Уроки, которые онъ постоянно имѣлъ у губернатора и во многихъ дворянскихъ домахъ [2]), доставляли ему гораздо больше матеріальныхъ средствъ, чѣмъ училищная служба. Вознагражденіе за нихъ и окладъ соборнаго жалованья въ общей ихъ сложности давали почтенную цифру, на которую, во всякомъ случаѣ, можно было жить безбѣдно; а при умѣньи хозяевъ—В. С. и О. К. иной разъ сократить себя и, что называется, соблюсти должную экономію, и вовсе это было легко. Совѣтъ В. С—ча, который онъ подавалъ дѣтямъ, когда они устроились и жили самостоятельно,—помнить и держаться въ жизни того правила, что „благоразумная хозяйственность, чуждая скупости и незнакомая съ расточительностію, и при посредственныхъ доходахъ можетъ устроить самое богатое довольство“ [3]), это—его собственное убѣжденіе, составившееся не путемъ какихъ-нибудь ариѳметическихъ соображеній и выкладокъ на счетахъ, а вынесенное имъ прямо изъ самой дѣйствительности жизни. Этого правила всегда держался онъ самъ, и оно не обмануло его. В. С. и О. К., говорятъ про

---

1) См. дату въ брошюрѣ Е. Н. Воронца: „Къ воспоминаніямъ о скончавшемся въ Бозѣ протоіереѣ А. В. Г-мъ“. Харьковъ. 1877 г. стр. 6.

2) Письмо В. С. Гор—го къ А. В—чу. отъ 19 Февраля 1834 г., въ арх. Горскаго.

3) Письмо В. С. Г—го къ А. В—чу отъ 23 Марта 1834 г., въ арх. Горскаго.

нихъ,—жили въ достаткѣ, хорошо. Мы вполнѣ этому вѣримъ, ибо читая ихъ письма къ дѣтямъ, то и дѣло наталкиваешься на словечки, а по мѣстамъ—и на цѣлыя строки, которыя только подтверждаютъ это. На основаніи этихъ писемъ, въ нашемъ представленіи и сейчасъ предносится картина полнаго довольства въ ихъ домѣ во всемъ, начиная съ самыхъ стѣнъ. Вотъ на высокомъ берегу Волги, на самомъ его краю, предъ зеленой лужайкой—двухъэтажный бѣлый домъ. Въ бельэтажѣ свѣтлая, просторная квартира соборнаго священника, а потомъ протоіерея В. С—ча. Три большихъ комнаты, чистыя обои, заново выскобленные сосновые полы, устланные разными ковриками и половичками, до которыхъ и теперь охочи у насъ въ домахъ сельскихъ священниковъ; по стѣнамъ старинная мебель—какіе нибудь тяжеловѣсные, сплошь изъ дерева, стулья, массивныя кресла, диванъ, круглый предъ нимъ столъ [1]) съ узорчатой льняной салфеткой, собственнаго на торгу выбора Ольги Косминичны [2]); на окнахъ горшки цвѣтовъ. Вездѣ все прибрано, все у мѣста. Пріятно чувствовалось-бы въ такой квартирѣ. Здѣсь живутъ сами хозяева съ дѣтьми. Сзади, въ какой нибудь маленькой пристройкѣ, кухнѣ, обитаетъ прислуга. На широкомъ дворѣ, у протоіерея полный хозяйственный инвентарь—сараи, сараюшки и погреба. Все свидѣтельствуетъ о благосостояніи дома.

По пословицѣ: „не красна изба углами, красна пирогами“; а въ избѣ у В. С-ча все было и красно и хорошо. Хороши прежде всего были сами хозяева. Оба они были люди глубоко религіозные, въ особенности—В. С. Онъ никогда не опускалъ службы церковной и сильно тосковалъ по ней, если по какимъ нибудь обстоятельствамъ не приводилось ему быть за ней [3]). Выдающаяся другая черта его религіозности—упованіе на Бога и полная покорность волѣ Его. Прочитайте его письмо, послушайте его живую рѣчь,—„такъ угодно Провидѣнію“, „все отъ Бога“, „Божіе

---

[1]) Письмо Влад. Вас. Горскаго къ В. С—чу отъ 25 Декабря 1837 г., у О. П. Салмановой.

[2]) Приписка О. К. на письмѣ В. С. Гор—го къ А. В—чу отъ 10 января 1833 года, въ арх. Горскаго.

[3]) Приписка Ю. В. на письмѣ В. С-ча Г-го къ А. В-чу отъ 18 Марта 1857 г., въ арх. Горскаго.

благословеніе", „Господь знаетъ", „Господь благоспѣшитъ", вотъ все такія слова на устахъ его. Тоже и у Ольги Косминичны. Не знаемъ, откуда, рѣдкостная, говорятъ, доброта ихъ: природная ли была она у нихъ, или явилась просто какъ результатъ ихъ живой вѣры. Они умѣли сочувствовать горю и радости человѣка и всегда были готовы помочь ему и услужить. Правда, О. К-на была нѣсколько жестче В. С-ча: не обсудивъ предварительно цѣны для нея самой ею оказываемаго кому-нибудь одолженія, она не бросалась съ нимъ каждому на встрѣчу; а если ужъ рѣшалась на него, то старалась меньше потерпѣть отъ него урону для себя. Но въ общемъ всетаки и она была добрая женщина. Эти двѣ отличительныя черты характера и В. С-ча и О. К-ны вершила въ нихъ еще третья — замѣчательный у обоихъ умъ, не какой нибудь книжный, наживной, а — природный, природная здравая разсудительность. Не даромъ многіе въ Костромѣ по семейнымъ дѣламъ за совѣтомъ обращались къ В. С-чу. Прекрасная-бы рекомендація и для всякаго.

Отличные были и домашніе порядки у нихъ. Все было патріархально, просто. В. С. былъ главою дома, — лицомъ, около котораго группировались и члены семейства и равно интересы его. Всему и надъ всѣмъ былъ онъ здѣсь набольшій: все дѣлалось и шло съ его вѣдома и съ его спроса. Свое главенствующее положеніе онъ никому никогда не навязывалъ; но въ семьѣ всѣ одинаково хорошо его чувствовали и понимали. При всемъ этомъ его отношенія къ супругѣ и дѣтямъ ни чуть не походили на домостроевскія отношенія главы — отца къ своимъ чадамъ и домочадцамъ. При добротѣ и мягкости В. С-ча и при твердости характера О. К-ны здѣсь не возможны были они. Даже больше, — выходило у обоихъ приблизительно вотъ что: О. К-на, напр., по домашнимъ дѣламъ обращалась и докладывала о всемъ В. С-чу; но умѣла сдѣлать всегда это такъ, что В. С. у ней же и спрашивалъ мнѣнія по нимъ, и оно было рѣшительнымъ. На дѣлѣ ея голосъ имѣлъ перевѣсъ. Благодаря видимому во всемъ согласію съ нею В. С-ча значительно поднимался въ глазахъ другихъ ея собственный авторитетъ, и ее всѣ уважали. Замѣчательно для нихъ обоихъ то, что на семейную жизнь вообще они

смотрѣли какъ будто другими глазами, чѣмъ всѣ; именно—какъ на особое дѣло Божіе, содѣваемое каждымъ на сози даніе свое ко благу ближнихъ. Оттого въ ней выходила у нихъ такая уставность, чинность, торжественность во всемъ. Возьмите, напр., ихъ семейные или годовые праздники: 14 марта—день празднованія Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, 8 іюня—память Ѳеодора Стратилата, Успеньевъ день, Рождество, Пасху, имянины ихъ и дѣтей. Это, вѣдь, не обычные, какъ у людей, праздники—пиршества и веселіе, а дни тихаго, скромнаго времяпровожденія въ обществѣ родныхъ и знакомыхъ, скорѣе—во славу Божію, чѣмъ ради какого-либо удовольствія. Потому и справлялись они у нихъ по особому, на свой ладъ. Храмовой, напр., праздникъ 14 марта начинался съ торжества въ церкви. Утромъ къ В. С. пріѣзжалъ архіерей, всегда приглашаемый на этотъ день, а изъ его дома, при торжественныхъ проводахъ, отправлялся къ литургіи въ соборъ. Послѣ нея у В. С-ча, обыкновенно, учреждалась для знатныхъ гостей обильная трапеза. Присутствовали архіерей, губернаторъ, предводитель дворянства, купеческій голова и болѣе уважаемые изъ духовенства. Когда этимъ оффиціальная, такъ сказать, часть празднества кончалась, начиналось домашнее, семейное. Являлись всѣ родные, которыхъ, кстати замѣтить, не мало было въ городѣ у В. С-ча, и проводили день до вечера. Послѣ поздняго обѣда они расходились, оставляя въ радушныхъ хозяевахъ одно лишь пріятное чувство общенія съ глазу на глазъ съ своими „кровными“. Или вотъ посты, и особенно великій постъ. Ужъ ничѣмъ не нарушится, бывало, въ домѣ В. С-ча ихъ святость. Самъ онъ положительно истощалъ себя постной пищей [1]); а службу церковную, которую и всегда-то онъ не опускалъ, тутъ посѣщалъ особенно усердно, привлекая къ ней и домашнихъ [2]). На одной какой-либо недѣлѣ они обязательно всѣ вмѣстѣ говѣли. Всѣ дѣла откладывались тогда въ сторону. О своемъ говѣньѣ, бывало, они заранѣе извѣщали въ посадѣ А. В-ча и онъ уже зналъ [3]), что нельзя

[1]) Приписка Ю. В. на письмѣ В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 18 марта 1857 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Тамъ же.

[3]) Письмо В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 9 марта 1834 г., въ арх. Горскаго.

ихъ тревожить ничѣмъ, и письмами. Порядокъ, порядокъ во всемъ—именно въ такомъ духѣ, какъ его мы представили — первое у В. С-ча дѣло: безъ него, по его понятіямъ, не существуетъ счастливо ни одна семья, ни одинъ домъ. Вотъ почему, осуществляя его у себя, онъ постоянно чрезъ А. В-ча, послѣ, справлялся относительно Ю. В-ны и ея мужа: „все-ли семейное у нихъ идетъ такимъ добрымъ порядкомъ, какому надобно быть“ [1]), и былъ покоенъ, когда отвѣчали ему—да [2]).

Въ такихъ семейныхъ условіяхъ и такой домашней обстановкѣ протекли дѣтскіе годы А. В-ча,—„Сашеньки“, какъ всегда звали его родители. Воспитывался онъ,—будемъ говорить теперь почти словами А. В-ча,—подъ грозящимъ жезломъ скромности; рука отеческой попечительности, всегда опасливой, лелѣяла его и въ туже пору ковала ему тяжелыя оковы, которыя глубоко заросли потомъ въ его душу. Домашнее его обученіе было недолговременно; онъ скоро понималъ, что ему передавали. Но не осуждая его воспитателей, нужно замѣтить, что передавали ему пищу не въ томъ видѣ, въ какомъ требовалось по его способностямъ; они держались того застарѣлаго правила: учи, что тебѣ дано, послѣ подумаешь о томъ, что выучилъ; его не понимали, не понимали можетъ быть и труднѣйшей науки воспитанія. Оттого онъ болѣе оказывалъ себя съ той стороны, гдѣ мало требовалось его самодѣйствіе, гдѣ довольно было обставить себя трудами чужими. Бѣдно было образованіе ума его, еще бѣднѣе—его сердца. Этимъ не то хотимъ сказать, чтобы нравственная сторона его души оставлена была въ совершенномъ пренебреженіи; напротивъ, впослѣдствіи онъ благодарилъ Бога за такихъ вѣрныхъ пѣстуновъ, которыхъ мудрыя наставленія, переданныя его душѣ, и правила, затверженныя въ глубинѣ души, все время держали его на добромъ пути. Но онъ тогда жалѣлъ: для чего они не постарались основать его нравственность на его собственныхъ чувствованіяхъ, для чего въ его сердцѣ не потрудились раскрыть ему Бога и Его святую религію; и для чего то, что должно быть его собственностію на всю

---

[1]) Письмо В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 9 Марта 1834 г., въ арх. Горск.
[2]) Письмо В. С. Г-го къ А. В-чу отъ 23 марта 1834 г., въ арх. Горск.

вѣчность, занято имъ со стороны. Главнымъ и почти общимъ методомъ воспитанія сердца въ тѣ времена было образованіе чувства строжайшей подзаконности, основывающейся не на любви сердца, а на чувствѣ страха и боли наказаній. Такимъ образомъ лѣта его дѣтства текли тихо, скромно, мертво, его не выводили ни въ какое общество, а дома онъ жилъ всегда только со взрослыми, какъ монастырка въ своей кельѣ. Лѣтъ восьми его отдали въ духовное училище. Нѣсколько дѣятельнѣе пошла его жизнь, когда въ училищѣ онъ ознакомился со множествомъ шалуновъ; онъ былъ не изъ послѣднихъ между ними, но и не между первыми; буйныя силы души его прорывались, но скоро входили въ границы, для нихъ строго опредѣленныя. Вотъ очеркъ его дѣтства [1]). О ходѣ его образованія въ училищѣ и потомъ въ семинаріи намъ мало извѣстно. Знаемъ только то, что благодаря помощи отца онъ хорошо учился [2]). Его высоко писали между товарищами и особенно хвалили за скромность [3]).

Шли одинъ за другимъ годы. А. В-чъ былъ въ философскомъ отдѣленіи и держалъ предъ лѣтнею вакаціей экзаменъ, готовясь перейти на богословскій курсъ. Случилось пріѣхать тогда въ семинарію ревизору,—и жизнь юнаго философа сразу приняла иное теченіе, къ совершенной неожиданности и его самаго и родителей его: вопреки семинарскимъ порядкамъ, онъ прямо изъ философскаго класса, минуя богословскій, назначенъ былъ для продолженія образованія въ Московскую Духовную Академію. Случилось это такъ. Въ Московской Академіи 1828-й годъ былъ „курсовымъ“ годомъ,—такимъ, въ который одни студенты, оканчивая курсъ, выходили изъ нея, другіе въ нее поступали. Академическое правленіе, озабочиваясь составленіемъ новаго курса, въ апрѣльскомъ собраніи своемъ постановило:

---

[1]) Дневникъ А. В-ча Г-го, въ „Прибавленіяхъ къ изданію Твореній Св. Отцевъ“. Т. XXXIV, стр. 86—88.

[2]) Въ архивѣ А. В-ча сохранился отъ семинарскаго времени собственноручно сдѣланный имъ переводъ съ латинскаго языка одного чьего-то разсужденія „о пользѣ наукъ и искусствъ“. Видно, рука отца не разъ прошлась по нему, чтобы сдѣлать его сноснымъ для учителя.

[3]) См. разрядные списки и вѣдомость о поведеніи учениковъ Костромской семинаріи за 1827 и 1828 гг. въ дѣлахъ Академ. Правленія.

1) „для составленія будущаго учебнаго курса вытребовать пятьдесятъ воспитанниковъ изъ семинарій Московскаго и Казанскаго округовъ (изъ Костромской, между прочимъ, троихъ); 2) препроводить таковое распоряженіе Академическаго Правленія Коммиссіи Духовныхъ училищъ на утвержденіе, представивъ въ тоже время на ея благоусмотрѣніе мнѣніе Академическаго Правленія о томъ, чтобы при истребованіи изъ помянутыхъ семинарій воспитанниковъ дозволить семинарскимъ правленіямъ избирать на сей предметъ учениковъ и изъ средняго отдѣленія, буде въ высшемъ не найдутся ученики къ тому способные: такъ какъ—объясняло Правленіе свое требованіе—съ сей стороны извѣстна Академическому Правленію Нижегородская семинарія“ [1]). 7 іюня отъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ послѣдовало въ Академію на ея постановленія согласіе [2]), въ силу чего Правленіе съ своей стороны сдѣлало соотвѣтствующее по семинаріямъ распоряженіе и при этомъ опредѣлило: „выборъ воспитанниковъ въ составъ 8-го Академическаго курса въ семинаріяхъ: Рязанской, Тульской, Ярославской и Костромской препоручить назначаемымъ туда ревизорамъ“; о чемъ и дано было имъ знать [3]). Ревизоромъ Костромской семинаріи былъ тогда баккалавръ Академіи іеромонахъ Аѳанасій. Прибывъ въ семинарію 11-го іюля, онъ въ теченіи недѣли до 18-го числа выполнилъ главное свое дѣло и уже рапортовалъ въ Академію, что онъ произвелъ внутреннія и публичныя испытанія воспитанникамъ семинаріи, разсмотрѣлъ ихъ сочиненія, ознакомился въ ней съ воспитательною и экономическою частями и что можно было, къ исправленію въ нихъ, сдѣлать личнымъ на мѣстѣ распоряженіемъ, то сдѣлалъ“ [4]). Тутъ на экзаменахъ онъ замѣтилъ выдающіяся способности ученика Горскаго: ему онъ отвѣчалъ четыре раза [5]) и всегда такъ удачно, что по окон-

---

1) Копія журнала внутр. Акад. Правлен. отъ 23 апр. 1828 г.

2) Комм. Д. У. Моск. Акад. Правл. предписаніе отъ 7 іюня 1828 г., въ дѣлахъ внутр. Акад. Правлен.

3) Копія журн. внутр. Акад. Правл. отъ 18 іюня 1828 года.

4) См. „Въ Правлен. М. Д. А. обозрѣвающаго Костром. Семинар. бакк. іеромон. Аѳанасія донесеніе съ выпискою изъ журналовъ его занятій при обозрѣн. Семинаріи отъ 25 іюля 1828 г., въ дѣл. Акад. Правл.

5) 11-го іюля—по греческому яз., 12-го по философіи, 13-го—по мате-

чаніи экзаменовъ въ разрядномъ спискѣ былъ записанъ первымъ [1]). Когда въ богословскомъ классѣ не оказалось достойныхъ перевода въ Академію учениковъ, выборъ ревизора палъ на Горскаго. Въ августѣ мѣсяцѣ Семинарское Правленіе предлагало было Академическому Правленію къ переводу въ Академію еще двухъ воспитанниковъ,—предшествующаго только выпуска, но оно отклонило это предложеніе [2]). Александру В-чу предстояло такимъ образомъ одному быть представителемъ костромской семинаріи на экзаменахъ въ Академіи.

А. В-чъ, услышавъ о своемъ назначеніи, едва ли сознавалъ всю важность дѣла, какъ и всѣ молодые люди, еще легкомысленные и самонадѣянные; онъ скорѣе мечталъ объ академической жизни — какъ пойдетъ она, когда будетъ принятъ онъ въ Академію. За то, думаемъ, удивленію, опасеніямъ и душевнымъ тревогамъ родителей, не было и конца: сынъ былъ слишкомъ молодъ, духовныя силы его еще не окрѣпли, а между тѣмъ его посылаютъ въ Академію,—въ святилище науки, гдѣ онъ долженъ будетъ подвергнуться предварительно испытанію — не такому, какъ въ семинаріи, въ присутствіи двухъ-трехъ давно съ ними знакомыхъ учителей, а серьезному предъ цѣлымъ ареопагомъ ученыхъ профессоровъ по всѣмъ правиламъ строгости. Не мало безпокоилъ ихъ также отъѣздъ Сашеньки за нѣлыя сотни верстъ, когда онъ дальше своей Костромы никуда и не выѣзжалъ,—и предстоящая ему жизнь, въ новой,—Богъ вѣсть, какой, думали они,—средѣ, въ новой обстановкѣ. Къ всегдашней попечительности ихъ о дѣтяхъ прибавлялась теперь для нихъ новая тяжелая забота—отправить въ Академію сына.

Лѣтній мѣсяцъ, который полагался въ семинаріи ученикамъ на каникулы, вѣроятно, въ этихъ заботахъ и прошелъ у родителей и у А. В-ча. В. С., думаемъ, не мало

матическ. наук. и 17-го на публичномъ экзаменѣ. (Бакѣ. іером. Аѳанасія донесеніе отъ 25 іюля 1828 г., въ дѣл. Ак. Прав.).

[1]) „Правленія Костр. Дух. Семинаріи представленіе въ правлен. М. Д. А. отъ 31 іюля 1828 г. за № 405. Съ разрядными списками учениковъ", въ дѣл. Акад. Правл.

[2]) „Копія предписанія Правлен. М. Д. Ак. Правленію Костр. Семин. отъ 10 авг. 1828 г. за № 673.

положилъ труда въ приготовленіи сына. Въ половинѣ августа, запасшись нужными изъ семинаріи документами, обрядивъ себя въ новый, выданный въ семинаріи ему костюмъ: суконный сюртукъ, казинетовые брюки, бѣлую на шею косынку, сапоги и картузъ, отправился А. В-чъ въ путь [1]). Отецъ сначала хотѣлъ сопровождать его, но приключились, должно быть, какія нибудь въ дорогѣ обстоятельства и онъ вернулся въ Кострому [2]).

А. В-чъ прибылъ въ Академію одинъ. Ждать въ Академіи экзаменовъ собравшимся въ нее воспитанникамъ семинарій пришлось очень недолго. Къ 15 августа по распоряженію Академическаго Правленія они должны были явиться въ Академію, а 18-го экзамены у нихъ уже начались. На первый разъ экзаменующимся была предложена для письменнаго упражненія задача на латинскомъ языкѣ: „Num ratio, quae lux veritatis et dux vitae nuncupari solet, hominem ad veram sui destinationem perducere queat“? Потомъ, 20 числа, было устное испытаніе по классу богословія; 21-го дана задача на россійскомъ языкѣ на тему: „Что значатъ и чѣмъ между собою различаются человѣкъ плотскій, душевный и духовный“? Въ слѣдующіе три дня производились испытанія по философіи, греческому и еврейскому языкамъ. Каждый разъ въ экзаменаціонной коммиссіи засѣдали всѣ члены Правленія и Конференціи, человѣкъ до семи [3]).

Не знаемъ, о чемъ спрашивали на экзаменахъ А. В-ча и какъ онъ отвѣчалъ, но мы имѣемъ подъ руками обѣ его экзаменическія задачи [4]). На первой, латинской, уложившейся на трехъ страницахъ, читавшимъ ее профессоромъ (кажется,—Ѳ. А. Голубинскимъ) написано: „bona spes de te pollicetur. Радуюсь“; на второй стоитъ отмѣтка: „очень

---

[1]) Копія предписанія правлен. М. Д. А. въ правлен. Костр. Семин. отъ 23 іюля 1828 г. за № 515. Сн. Представлен. правл. Костр. Семин. въ правлен. М. Д. Акад. съ отчетами въ Семинарск. суммахъ отъ 31 янв. 1828 г. за № 49, въ дѣл. Акад. Правл.

[2]) Письмо В. С. Г-го къ Ѳ. А. Голубинскому отъ 18 авг. 1828 года, у Дм. Ѳед. Голубинскаго.

[3]) Копія журнала внутр. Акад. Правл. отъ 18 авг. 1828 г., въ дѣлахъ Правленія.

[4]) Хран. въ арх. Горскаго.

хорошо“—Любопытно взглянуть, какъ авторъ рѣшалъ тогда вопросъ въ послѣдней, напр., задачѣ. Въ началѣ своей „диссертаціи“ онъ первымъ долгомъ указываетъ свою точку зрѣнія на предметъ. „Вѣрное и внимательное, — пишетъ онъ, — око наблюдателей разнообразныхъ дѣйствій человѣческихъ невольно замѣчаетъ въ людяхъ различныя степени ихъ просвѣщенія въ вѣрѣ и усовершенствованія въ добродѣтели. И слово Божіе по сему неравенству однихъ называетъ плотскими, другихъ душевными, третьихъ духовными“... Опредѣленія: плотскій, душевный и духовный, по нашему, не больше, значатъ, какъ простыя обозначенія различныхъ степеней нравственнаго совершенства человѣка. Къ развитію и поясненію того и клонится у него дальнѣйшая рѣчь. Человѣкъ плотскій — „который мыслитъ по плоти и живетъ единственно для плоти, забывъ Бога“, душевный—типъ евангельскаго фарисея — лицемѣра: его благочестіе лишь показное и къ нему прибѣгаетъ онъ по мѣрѣ надобности, въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. „Какъ душа по раздѣленію нѣкоторыхъ любомудровъ и по словамъ ап. Павла (1 Солунян. 5, 23) занимаетъ среднее мѣсто между тѣломъ и духомъ, такъ и душевный человѣкъ—нѣчто среднее между духовнымъ и плотскимъ“. Духовный человѣкъ—храмъ Божій, „и языкомъ его, и мыслію, и желаніями—всѣмъ и во всемъ управляетъ Духъ Святый“. „Вотъ немногія отличительныя черты людей плотскихъ, душевныхъ и духовныхъ“ — заканчиваетъ свое разсужденіе авторъ.—Если бы послѣднія слова не были пустой, ничего не значущей фразой для „казеннаго“, что называется, заключенія въ сочиненіи, а были употреблены авторомъ въ смыслѣ оговорки въ томъ, что изъ нѣсколькихъ возможныхъ и ему извѣстныхъ рѣшеній вопроса онъ „по независящимъ отъ него обстоятельствамъ“ (краткости времени для исполненія работы) выбираетъ только одно: тогда слѣдовало-бы воздержаться отъ рѣшительнаго сужденія объ умственномъ развитіи его; но здѣсь авторъ постарался, кажется, выложить всѣ свои знанія; значитъ никто не лишается этого права. „Вѣрное и внимательное око наблюдателей“, по нашему, сейчасъ же должно замѣтить въ авторѣ разсужденія еще не обильный запасъ богословскихъ познаній и не глубокую силу мышленія. Рѣшеніе вопроса у него вышло слиш-

комъ узко, шаблонно, а это оттого, что онъ не сдѣлалъ справокъ съ греческимъ подлинникомъ и контекстомъ. Сочиненіе не безупречно даже и со стороны языка и склада. Вообще, философъ виденъ въ авторѣ еще юный и далеко не зрѣлый. По требованіямъ, какія теперь предъявляются къ экзаменическимъ работамъ поступающихъ въ Академію, задача А. В-ча оказалась-бы неудовлетворительной и самъ авторъ ея очутился бы, вѣроятно, далеко за чертою тѣхъ счастливцевъ, которые совѣтомъ академіи признаются „подготовленными къ слушанію академическихъ лекцій“ и оставляются въ ней. Но, вѣдь, tempora mutantur. А. В-чъ былъ удостоенъ за нее даже одиннадцатаго мѣста въ разрядномъ спискѣ вновь принятыхъ въ академію студентовъ [1]).

Во время пріемныхъ экзаменовъ въ академіи А. В-чъ, по всей вѣроятности, извѣщалъ отца о своихъ успѣхахъ. Посмотрѣть эту переписку было-бы интересно теперь: она во многомъ дополнила-бы наши сообщенія о нихъ. Къ сожалѣнію, она не сохранилась. Уцѣлѣло только одно письмо отца и то не къ сыну, а къ профессору Ѳеодору Александровичу Голубинскому, съ которымъ, какъ землякъ, онъ былъ давно знакомъ. Поручая его доброму вниманію и надзору шестнадцатилѣтняго сына, В. С-чъ пишетъ ему: „высокопреподобнѣйшій отецъ, неизмѣнный благодѣтель! Ѳеодоръ Александровичъ! Чрезъ двадцать одинъ годъ съ тѣмъ единственно ѣхалъ я въ Лавру, чтобъ лично поручить Вашему отеческому покровительству незрѣлаго сына: между тѣмъ Вы видите его безъ меня: — и первый взоръ Вашъ ясно проникаетъ, какъ рано молодое деревцо съ отечественнаго грунта пересажено въ вертоградъ, требующій и возмужалости и крѣпости. Такъ суждено начальствомъ, такъ угодно Провидѣнію! Не смѣю пререкать ни тому,—ни другому. Но я до тѣхъ поръ устрашался за сына моего предлежащаго ему поприща, доколѣ не успокоилъ себя мыслію, что въ Вашемъ Высокопреподобіи буду имѣть искусившагося попремногу путеводителя. Добротою сердца Вашего умоляю Васъ принять неопытность въ Ваше опытнѣйшее водительство. Полной Вашей волѣ ввѣряя участь сына, я

---

[1]) Копія журн. внутр. Акад. Правл. отъ 18 авг. 1828 г., въ дѣлахъ Правленія.

Гос. Ист. ... Инвент. № 479554 ... 193 г.

не сумнѣваюсь въ его счастіи — а въ моемъ спокойствіи. Не исчисляю нужды, его ожидающія, потому что оставляю его въ безусловной его къ Вамъ преданности. Ваше слово, Вашъ взоръ, Ваше желаніе, Ваша мысль — для него правило. — Среди множества вашихъ занятій не отрекитесь осчастливливать его Вашимъ безцѣннымъ для него вниманіемъ. Все то признаю я для него и полезнымъ, и нужнымъ, и священнымъ, что Вы ему назначите, что Вы отъ него потребуете. Вотъ чѣмъ ограничиваю мою всепокорнѣйшую до Васъ просьбу. Не болѣе-бы осмѣлился я и желать отъ Васъ и безпокоить Васъ при личномъ моемъ съ Вами свиданіи [1]). Характеристичное для отношеній В. С-ча къ сыну, письмо это важно какъ документъ, устанавливавшій будущія отношенія студента Горскаго къ знаменитому профессору. Ѳеодоръ Александровичъ, къ чести его замѣтить, въ продолженіи всего академическаго курса былъ настолько добръ къ А. В-чу, что постоянно помогалъ ему въ работахъ и совѣтомъ и наставленіемъ, а иногда — и самымъ дѣломъ [2]), принялъ его у себя въ домѣ и доставилъ потомъ еще другія знакомства [3]). Родители А. В-ча видѣли это расположеніе Ѳеодора Александровича къ ихъ сыну. Василій Сергѣевичъ не разъ въ письмахъ глубоко благодарилъ его за такое вниманіе, а Ольга Косминична присылала его супругѣ, въ благодарность за ея ласки, даже гостинцы, прося каждый разъ принять ихъ „для любезнѣйшей малюточки ея“ [4]). При благотворномъ вліяніи и содѣйствіи Ѳеодора Александровича А. В-чъ шелъ въ числѣ первыхъ студентовъ въ Академіи.

Академія въ то время, когда въ ней приходилось учиться А. В-чу, многимъ отличалась отъ настоящей и по устройству своему, и по порядкамъ, и по самому быту студентовъ. Искушеніе посвятить здѣсь нѣсколько страницъ ей

---

[1]) Письмо отъ 18 августа 1828 г., у Д. Ѳ. Голубинскаго.

[2]) Въ арх. Горскаго между его студенческими сочиненіями сохранилось въ черновомъ видѣ слово его на день Іоанна Богослова. Видны на немъ поправки карандашемъ—рукою, кажется, Ѳ. А. Голубинскаго.

[3]) Дневникъ А. В. Г—го, въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“. Т. XXXIV, стр. 89.

[4]) Письмо къ Ѳеодору Александровичу Голубинскому отъ 16 августа 1831 года.

тѣмъ сильнѣе для насъ, что представляетъ случай воскресить предъ собой давнишнее—прошлое дорогой нашей almae matris.

Стѣны Академіи, и онѣ теперь уже не тѣ, что были въ старину, въ годы ученія А. В-ча. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Академія успѣла нѣсколько разъ и перестроиться и передѣлаться. Главный теперь корпусъ, столовая, библіотека, больница, баня—это все новыя постройки, сороковыхъ и позднѣйшихъ годовъ; нетронутымъ отъ того времени уцѣлѣлъ лишь инспекторскій корпусъ, да ректорскій,—„чертоги“, по прежнему. Но и этотъ во многихъ своихъ частяхъ потерпѣлъ значительныя съ тѣхъ поръ видоизмѣненія. Наружныя стѣны его были покрыты свѣтловатою краскою; входныхъ въ него крыльцевъ не существовало. На мѣстѣ чугунныхъ теперь лѣстницъ во второй этажъ были деревянныя. Расположеніе и назначеніе комнатъ внутри было не то. Въ трехъ комнатахъ теперешней актовой залы тогда помѣщалась конференція, правленіе и канцелярія правленія. Арокъ, соединяющихъ теперь комнаты, тогда не было, онѣ пробиты послѣ. Двѣ оригинальныя кафельныя печи и рельефныя на сводахъ изображенія существовали и тогда. Среднюю часть этажа занималъ ректоръ; а на мѣстѣ большей части нынѣшней академической церкви [1]) была зала для публичныхъ собраній, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и богословскою аудиторіею. Въ нижнемъ этажѣ по передней его сторонѣ, гдѣ теперь спальни и редакція, и въ смежной съ нею комнатѣ къ сѣверной монастырской стѣнѣ шли студенческіе номера. Остальныя три теперешнія, по той же линіи, спальни были заняты кухней, хлѣбной и мелочной съ нѣкоторыми съѣстными припасами; а подъ церковью была столовая. Отъ самыхъ чертоговъ вплоть до восточной монастырской стѣны, на пространствѣ 40 сажень, тянулось узкое трехъэтажное каменное зданіе—„кишка“, по студенческой кличкѣ, а по оффиціальнымъ бумагамъ того времени—желтый корпусъ. Здѣсь квартировали профессоры и баккалавры Академіи; впрочемъ въ одной комнатѣ помѣщались и студенты—монахи. Передній фасадъ обоихъ зданій выходилъ въ академическій садъ, тогда еще очень молодой, на-

[1]) Церкви въ Академіи тогда не было.

саженный въ 1816 году на мѣстѣ семинарскаго огорода и зарытаго „цисаревскаго“ пруда. Садъ былъ обнесенъ каменною стѣною съ рѣшетками и столбами. Чрезъ дорогу отъ сада, вдоль монастырской восточной стѣны стоялъ „инспекторскій“ корпусъ. Въ немъ, въ верхнемъ этажѣ помѣщались инспекторъ и трое изъ монашествующихъ баккалавровъ Академіи; а въ нижнемъ жили младшіе студенты. Наша столовая въ то время служила фундаментальной библіотекой. Въ нее вели два входа: одинъ отъ чертоговъ чрезъ каменный корридоръ, другой, въ восточной стѣнѣ корпуса, — снаружи. — Кромѣ этихъ четырехъ зданій, въ распоряженіи Академіи были еще собственныя больница и баня, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ въ настоящее время. Та и другая были деревянныя, весьма ветхія, доставшіяся Академіи еще отъ Троицкой семинаріи. Въ одноэтажной, но довольно все-таки просторной и удобной больницѣ при А. В-чѣ цѣла была та аптека, надъ дверьми которой митр. Платонъ, въ напоминаніе, — говорятъ, — одному, не всегда трезвому лѣкарю приказалъ сдѣлать надпись: „врачу, исцѣлися самъ“. Пространство между больницей, баней, библіотекой и желтымъ корпусомъ все было занято садомъ съ плодовыми деревьями. Срубленная въ прошломъ году близъ бани старая яблоня выросла, можетъ быть, отъ зернышка тѣхъ яблокъ, которыя кушали студенты при А. В—чѣ [1]).

Не тѣ были и порядки въ Академіи. Внутреннее управленіе ею сосредоточивалось тогда въ рукахъ конференціи и правленія. Но собственно къ студентамъ непосредственное отношеніе имѣлъ лишь инспекторъ Академіи. Онъ былъ ближайшимъ ихъ начальникомъ — въ смыслѣ административномъ. По дѣйствовавшему при А. В-чѣ въ Академіи Уставу, онъ слѣдилъ за ихъ нравственностію и исполненіемъ правилъ и предписаній Устава. Надзоръ его не ограничивался тогда только внѣкласнымъ временемъ, но простирался и на учебные часы студентовъ. Въ виду того, что самъ онъ непосредственно не могъ во время классныхъ занятій наблюдать за студентами, помощниками ему въ этомъ являлись отчасти профессоры, но главнымъ образомъ, такъ называемые „старшіе“. Послѣд-

[1]) Этотъ отдѣлъ составленъ нами по „Исторіи М. Д. Академіи“ С. К. Смирнова. См. 311—329 стр.—Срав. также воспоминанія гр. М. В. Толстаго въ Богосл. Вѣстникѣ за 1894 годъ.

ніе опредѣлялись, на каждый номеръ по одному, академическимъ правленіемъ, по представленію инспектора, изъ „благонравнѣйшихъ“ и „отличныхъ“ студентовъ старшаго курса. Въ руководство каждому изъ нихъ дано была спеціально составленная для нихъ инструкція. По параграфу Устава, касающемуся ихъ, „должности старшихъ суть сокращеніе должностей самого инспектора въ отношеніи къ сословію, имъ ввѣренному“ [1]). Поэтому, инструкція вмѣняла имъ въ непремѣнную обязанность—каждый день въ 9 часовъ доносить инспектору о поведеніи студентовъ и о проступкахъ, ими замѣченныхъ; о происшествіяхъ же, заслуживающихъ особенное вниманіе, доносить ему безъ малѣйшаго промедленія [2]). Для собственной памяти они записывали въ особыхъ у каждаго журналахъ: „а) замѣчательные похвальные или предосудительные поступки студентовъ съ означеніемъ случая, причины и обстоятельствъ оныхъ; б) признаки природнаго характера соживущихъ съ ними, измѣненія сего характера и причины разныхъ состояній онаго; в) исправность или неисправность студентовъ, усердіе или маловнимательность ихъ въ домашнихъ учебныхъ занятіяхъ, въ занятіяхъ собственно нравственныхъ; г) въ немъ же помѣщали донесенія о хожденіи студентовъ къ богослуженію и въ классъ, о чтеніи молитвъ утреннихъ и вечернихъ и о вниманіи къ онымъ“ [3]). Журналы эти ежемѣсячно представлялись инспектору [4]); а тотъ на основаніи ихъ и собственныхъ наблюденій составлялъ къ концу каждаго полугодія вѣдомость о поведеніи студентовъ, а къ концу года—общій списокъ по поведенію, обозначая его не баллами, но представляя въ видѣ разряднаго списка, какъ бы въ порядкѣ успѣховъ по поведенію [5]). Время свое студенты по инструкціи должны были располагать такъ. Въ шесть часовъ въ зимнее время должны вставать; седь-

[1]) § „Проэкта Устава для Дух. Акад.“ СПБ. 1823 г.

[2]) Обыкновенно доносили записками такого содержанія: „въ номерѣ такомъ-то все благополучно. Студенты всѣ здоровы, занимались лекціями, особыхъ происшествій не было“. См. Богослов. Вѣстн. 1894, ноябр., стр. 374.—„Инструкціи комнатнымъ старшимъ“ ст. 33—у С. К. Смирнова, стр. 600.

[3]) „Инструкціи комнатнымъ старшимъ“, ст. 35.

[4]) Тамъ же, ст. 36.

[5]) У С. К. Смирнова, стр. 268.

мой часъ употреблять на одѣяніе и молитву, совершаемую совокупно въ каждомъ номерѣ; восьмой на приготовленіе уроковъ. Въ инструкціи на этотъ счетъ особо замѣчено: „было-бы полезно, если бы каждый принимался за дѣло по прочтеніи какой нибудь главы изъ Св. Писанія". Съ девятаго часа по первый, а потомъ съ третьяго по пятый всѣ должны оставлять комнаты и идти въ классъ. Здѣсь каждый долженъ занимать опредѣленное свое мѣсто, преподаваемые уроки слушать со вниманіемъ, давать отвѣты, или въ случаѣ сомнѣнія излагать свои мысли съ обдумчивостію и скромно. Первый и второй часъ должны употреблять на обѣдъ и прогулку; въ продолженіи стола студенты должны соблюдать скромность и слушать предлагаемое чтеніе изъ святоотеческой литературы. Пятый часъ—употреблять на отдыхъ и прогулку; отлучку изъ академіи они не должны продолжать подъ рядъ 5 часовъ безъ испрошенія на то позволенія инспектора. Часы—шестой, седьмой и восьмой должны идти на домашнія упражненія. Относительно послѣднихъ въ инструкціи сказано было: „занятія, необходимыя для исправности по классу, должны быть предметомъ особеннаго и главнѣйшаго вниманія; книгами же полезнаго и пріятнаго содержанія, каковы суть различные журналы и т. п., студенты должны заниматься сколько можно менѣе; чтеніе пріятнаго можетъ быть дозволяемо какъ отдыхъ; пристрастное же занятіе таковымъ чтеніемъ: „а) убиваетъ время, столь нужное для дѣлъ необходимыхъ; б) порождаетъ мало по малу отвращеніе отъ занятій обязанностями званія; в) пріучаетъ къ легкомыслію и къ чувствамъ неприличнымъ для духовнаго воспитанника. Посему будутъ браты на особенное замѣчаніе тѣ, которые стали-бы заниматься чтеніемъ журналовъ и т. п. книгъ [1])". Какъ легкое и вмѣстѣ пріятное занятіе, студентамъ рекомендовалось инструкціей пѣніе. „Оно,—сказано,—будучи употребляемо въ приличное время, каковымъ вообще можно почесть время по принятіи пищи, и притомъ многими вмѣстѣ, и съ соблюденіемъ мѣрности и согласія, требуемыхъ правилами нотнаго пѣнія, оно можетъ быть столько же полезно для здоровья тѣла, какъ и для благоустроенія духа" [2]). Въ девять часовъ студенты ужи-

[1]) Инструкція ст. 18.
[2]) Инструкція ст. 20.

наютъ; въ десять по данному звонку, непремѣнно совершаютъ вечернюю молитву и потомъ уже ложатся спать. Въ воскресные и праздничные дни по первому удару благовѣста они собираются въ залу, становятся по комнатно, и пропѣвъ приличный празднику стихъ, идутъ изъ залы — въ порядкѣ, благочинно въ монастырскую трапезную церковь. Касательно вообще поведенія студентовъ, инструкція имъ предписываетъ „въ отношеніяхъ къ начальникамъ и наставникамъ быть почтительнымъ, скромнымъ; въ обхожденіи другъ съ другомъ — благороднымъ, учтивымъ; а въ отношеніяхъ ко внѣшнимъ должна отличать ихъ приличная духовнымъ воспитанниковъ степенность, кротость и благоразуміе [1]).

Въ близкія отношенія и знакомства никто изъ студентовъ не долженъ вступать безъ предварительнаго объясненія съ инспекторомъ. И вообще — инструкціей въ особенныхъ нуждахъ или особенныхъ состояніяхъ духа, для коихъ потребны совѣтъ и вразумленіе, предоставляется студентамъ объясняться предъ инспекторомъ во всякое время [2]). Собственно учебныя обязанности студентовъ заключались, кромѣ слушанія лекцій въ классѣ, въ домашнихъ письменныхъ упражненіяхъ. Курсы въ академіи были прежде двухгодичные, и на первомъ курсѣ, въ теченіи первыхъ двухъ-лѣтъ ученія, студенты обязаны были, въ извѣстные сроки, представить пять сочиненій — одно по философіи, два по словесности и два по гражданской исторіи, въ третій годъ — одно по догматическому богословію, одно по нравственному, одно по истолкованію Св. Писанія, одно по пастырскому богословію или по гомилетикѣ, одно по церковной исторіи, и сверхъ того двѣ проповѣди [3]). Въ продолженіи послѣдняго года студенты писали, такъ называемое, „курсовое“ сочиненіе, „диссертацію“ на степень [4]). Кромѣ того, по временамъ профессора назначали имъ темы для классныхъ экспромптовъ, которые писались и на латинскомъ и на русскомъ языкахъ [5]). Для повѣрки успѣховъ студентовъ слу-

[1]) Инструкція стат. 23, 24, 26.
[2]) Инструкціи ст. 30.
[3]) У С. К. Смирнова, стр. 170.
[4]) У него же, стр. 172.
[5]) Въ арх. Горскаго сохранилось нѣсколько такихъ экспромптовъ.

жили профессорамъ экзамены, устные и письменные, — въ декабрѣ и іюнѣ мѣсяцахъ. Въ іюнѣ у студентовъ было собственно два устныхъ экзамена — предварительный и рѣшительный. Въ уставѣ относительно обоихъ было опредѣлено: „предварительный экзаменъ производится вопросами профессоровъ и двухъ или трехъ присутствующихъ при оном членовъ конференціи. По окончаніи такого экзамена въ каждой наукѣ порознь и подробно, составивъ съ общаго согласія особые списки по двумъ разрядамъ, члены экзаменаціонной коммиссіи взносятъ ихъ въ конференцію, которая послѣ того приступаетъ къ рѣшительному испытанію студентовъ, приглашая къ оному знатнѣйшихъ какъ изъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званія особъ. Рѣшительное испытаніе производится въ общемъ собраніи также вопросами профессоровъ и присутствующихъ, но объ однихъ только важнѣйшихъ предметахъ; при чемъ студенты въ логической формѣ имѣютъ преніе между собою о философскихъ матеріяхъ, отвѣчаютъ на задачи, неожиданно имъ предложенныя отъ членовъ конференціи и другихъ посѣтителей; говорятъ съ каѳедры разныя диссертаціи своего сочиненія на латинскомъ и россійскомъ языкахъ“ [1]). Рѣшительное испытаніе производилось въ трехъ общихъ собраніяхъ: предметы для нихъ располагались программою. Въ огражденіе точнаго со стороны студентовъ исполненія ихъ обязанностей, уставъ выставлялъ инспекціи цѣлый рядъ воспитательныхъ мѣръ, которыми она могла пользоваться въ случаяхъ надобности. Въ поощреніе благонравію имъ назначались отличія, какъ напр.: а) похвала и одобреніе инспекторомъ студента въ комнатѣ предъ товарищами; б) причисленіе студента къ сословію старшихъ не по должности, но для почести, со всѣми преимуществами, сему присвоенными; в) изъявленіе одобренія студенту въ полномъ присутствіи правленія; г) объявленіе на экзаменахъ и въ другихъ академическихъ собраніяхъ съ каѳедры имени студента и подарокъ съ надписью книги. „Неблагонравіе“ и „строптивость“ рекомендовалось пресѣкать увѣщаніемъ и выговоромъ инспектора, назначеніемъ особеннаго мѣста за столомъ ниже всѣхъ и въ сторонѣ отъ прочихъ, осужденіемъ

[1]) § „Проэкта Устава для Дух. Акад.“ 1823 г.

на хлѣбъ и воду до семи дней, по благоусмотрѣнію инспектора. Когда такія наказанія не приводили къ желаемой цѣли, предоставлялось прибѣгать къ строгому выговору въ правленіи, уединенному заключенію въ карцерѣ и исключенію изъ академіи; но этими мѣрами инспекція могла пользоваться лишь постепенно и съ разборомъ, какъ сказано было въ уставѣ.

Ознакомившись подробно съ требованіями академическаго устава, можно подивиться чрезмѣрной строгости ихъ и, пожалуй, позавидовать доброй жизни студентовъ. Но это значило-бы дивиться и завидовать тому, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было. Въ дѣйствительности все было гораздо проще: на дѣлѣ требованія не были строги. Вотъ, напр., инспекторскій надзоръ за студентами. Онъ, по самому существу дѣла, не могъ быть и не былъ слишкомъ строгимъ. Надсмотрѣть одному въ академіи надъ всѣми прямо не было физической возможности, а потомъ—не всегда и не у всякаго бываетъ къ тому особенная охота: дознано,—вмѣшиваться въ чужую жизнь значитъ наживать себѣ непріятностей; и всѣ, къ тому же,—люди. А помощники инспекціи,—такъ называемые—старшіе были изъ числа самихъ же студентовъ, свой имъ братъ, и потому тоже не были придирчивы къ неисправностямъ. Надо полагать, что и сами студенты не особенно стѣсняли себя разными уставными предписаніями, тѣмъ болѣе, что эти предписанія иногда были мелочны и уже по этому самому неудобоисполнимы. Возмемъ распредѣленіе уставомъ времени у студентовъ. Въ шесть часовъ утра они должны вставать, въ семь назначалась молитва; надо имѣть особую ревность, чтобы подниматься за цѣлый часъ до молитвы и дожидаться ея. Студенты вставали, вѣроятно, предъ самой молитвой. Восьмой часъ уставомъ предназначался на приготовленіе студентами уроковъ. Едва ли студенты, какъ встали, такъ и за уроки. Естественнѣе полагать, что этотъ часъ употреблялся просто на чаепитіе,—тѣми, по крайней мѣрѣ, кто имъ тогда занимался. Можетъ быть, нѣкоторые и брали книги въ руки; но это скорѣе „для услажденія пріятнымъ чтеніемъ“. Бывали между студентами и такіе, которые не всегда исправно посѣщали лекціи. На прогулку студентамъ полагался пятый часъ дня. Но извѣстно, что студенты иногда гуляли на Кор-

бухѣ и около скитовъ [1]), а для этого конечно требовалось времени болѣе часа. Соблюдалось строго одно только требованіе устава—относительно посѣщенія студентами службъ церковныхъ; неисполненіе этого требованія, какъ нарушеніе прямой заповѣди Господней, въ воспитанникахъ всякаго заведенія учебнаго, тѣмъ болѣе духовнаго—проступокъ, предосудительнѣе котораго и быть не можетъ [2]). Не задолго до поступленія въ академію Александра Васильевича ректоръ архимандритъ Кириллъ, когда студенты въ праздничный день шли изъ залы въ церковь, самъ, говорятъ, стоялъ на пути и по четкамъ считалъ проходившія мимо его пары и потомъ сопровождалъ ихъ съ инспекторомъ въ церковь [3]). Подъ руками у себя мы не имѣемъ ни инспекторскихъ вѣдомостей о поведеніи студентовъ, ни журналовъ старшихъ, и потому не знаемъ, какъ и что писалось тамъ о всѣхъ такихъ студенческихъ отступленіяхъ отъ академическихъ правилъ. Но о нихъ, во всякомъ случаѣ, было извѣстно и митрополиту, въ то время—Филарету, строгому ревнителю порядковъ Въ 1831 году жизнь студенческая, должно быть, уже слишкомъ далеко отступила отъ начертаннаго для нея въ Уставѣ идеала, когда онъ счелъ нужнымъ писать въ академію: „членамъ конференціи академическаго правленія и наставникамъ академіи рекомендую содѣйствовать начальству въ узнаніи поведенія студентовъ къ соблюденію долга присяги, незазорности мѣста и чести духовныхъ училищъ“ [4]).

Всѣхъ лекцій (двухчасовыхъ) въ недѣлю у студентовъ было тогда семнадцать [5]). Такъ какъ главнымъ предметомъ въ высшемъ отдѣленіи было догматическое богословіе, которое обыкновенно читалъ ректоръ, а въ низшемъ—философія, то на занятія этими предметами и обращено было преимущественное вниманіе студентовъ. Прочіе предметы считались второстепенными; а языки стояли еще ниже во мнѣніи студентовъ, и даже начальства. Студенты знали, что если кто изъ нихъ не дастъ на экзаменѣ удовлетворитель-

---

[1]) У С. К. Смирнова, стр. 266.
[2]) § 75 проэкта Устава для Дух. Акад. 1823 г.
[3]) У С. К. Смирнова, стр. 273.
[4]) У С. К. Смирнова, стр. 272.
[5]) См. росписаніе учебныхъ въ Акад. часовъ у С. К. Смирнова, стр. 168.

наго отвѣта по второстепеннымъ предметамъ, а тѣмъ болѣе — по языкамъ, — не будетъ пониженъ въ разрядномъ спискѣ, только бы хорошо отвѣчалъ по главному предмету. Записывать лекціи въ классѣ, исключая лекцій весьма немногихъ наставниковъ, не было обычая въ Академіи; по мнѣнію студентовъ въ этомъ не было даже и особенной нужды: къ экзаменамъ каждый наставникъ сдавалъ имъ свои въ сжатомъ видѣ лекціи, ихъ и выучивали студенты; а если по какому предмету было печатное руководство,— тогда готовились къ экзаменамъ по печатному [1]).

Пробнымъ камнемъ для узнанія силы мышленія и степени познаній въ студентѣ—служила диссертація. Не столько отвѣты на повтореніяхъ и экзаменахъ давали студенту извѣстное мѣсто въ разрядномъ спискѣ, сколько диссертаціи. Темы для одного изъ богословскихъ и для двухъ по философіи задавались на латинскомъ языкѣ; такъ какъ студенты приносили съ собою изъ семинарій вполнѣ удовлетвирительное знаніе этого языка, то на немъ и писались сочиненія по указаннымъ предметамъ. Важнымъ пособіемъ для составленія диссертаціи, кромѣ латинскихъ книгъ, служили преимущественно нѣмецкія; потому студенты тотчасъ по поступленіи въ Академію напрягали всѣ силы, чтобы изучить нѣмецкій языкъ такъ, чтобы понимать книги, написанныя на этомъ языкѣ; большая часть изъ нихъ начинали изученіе его съ грамматики. Знаніе нѣмецкаго языка пособляло многимъ занять высшее мѣсто въ спискѣ. Въ Академіи было принято считать лучшимъ то сочиненіе, которое испещрено было цитатами изъ Отцевъ церкви, изъ классическихъ и изъ лучшихъ новѣйшихъ писателей; сочиненіе такого рода показывало, что студентъ много читалъ, что эрудиція его довольно обширна. Были подаваемы иногда такія диссертаціи, въ которыхъ, не преувеличивая можно сказать, каждая страница скрѣплена была нѣсколькими учеными цитатами. Сочиненіе, содержащее собственныя сужденія автора и не скрѣпленное печатями посторонихъ авторитетовъ, имѣло меньшее достоинство. Это обстоятельство, требовавшее много времени для чтенія источниковъ и для выписки мѣстъ изъ различныхъ писателей, было причиною того, что

1) У С. К. Смирнова, стр. 170.

не всѣ изъ назначенныхъ диссертацій были подаваемы студентами, и что иные по цѣлому году писали напр. одно философское сочиненіе. Случалось и то, что вслѣдствіе обширности темы студентъ не успѣвалъ кончить всего сочиненія и представлялъ только часть его, которая, если написана была весьма ученымъ образомъ, цѣнилась иногда выше, нежели у другаго цѣлое сочиненіе. За сроками, назначаемыми для подачи сочиненій, строго не слѣдили. Обремененный своею задачею, зная, что отъ нея зависитъ его судьба, студентъ просиживалъ за нею ночи, и это было даже въ модѣ. Были такіе, которые только ночью и работами надъ сочиненіемъ, а вечеромъ спали. При такомъ положеніи дѣлъ диссертація, задаваемая собственно на два мѣсяца и подаваемая иногда чрезъ десять, достигала значительной толщины. На это въ 1828 году обратилъ вниманіе и митроп. Филаретъ, предписавъ академическому правленію „требовать не слишкомъ обширныхъ сочиненій“ [1]).

Учебная дѣятельность студентовъ усиливалась предъ экзаменами. Тогда наставники вмѣсто лекцій занимались со студентами репетиціями. Частные экзамены, собственно говоря, мало имѣли значенія: дѣло велось домашнимъ образомъ, и хотя въ спискахъ дѣлались отмѣтки о качествѣ отвѣтовъ студенческихъ, но въ конференціи, при составленіи переводныхъ списковъ, отвѣты экзаменическіе въ разсчетъ не слишкомъ брались, а руководствовались при оцѣнкѣ достоинства студента диссертаціями. Случалось, что первый студентъ давалъ на частномъ экзаменѣ плохой отвѣтъ и это однако не имѣло особеннаго вліянія на его судьбу, если „задачи“ у него были лучше всѣхъ. Экзамены публичные не такъ легко сходили съ рукъ студентамъ,—особенно когда ихъ производилъ митр. Филаретъ. Въ 1828 году онъ предписалъ Правленію Академіи: 1) при испытаніи наблюдать, чтобы испытуемые отвѣчали изъ ума и знанія, а не слѣпо изъ учебныхъ книгъ или записокъ. 2) Напомнить студентамъ, хотя сіе само собою должно быть извѣстно, что знаніе главныхъ истинъ, готовое къ отвѣту всякому вѣрующему, есть первое на потребу, ко-

[1]) У С. К. Смирнова, стр. 171. 172. 204.

торое можетъ быть украшено и дополнено знаніемъ подробностей, но въ которомъ усмотрѣнный недостатокъ не былъ бы покрытъ изученнымъ знаніемъ подробностей въ той или другой части наукъ [1]). Вотъ эти-то отвѣты „изъ ума и знанія“ и доставляли много горя и хлопотъ и студентамъ и наставникамъ [2]).

Число студентовъ, по штату, не превышало 120 человѣкъ. Главный и почти исключительный элементъ студенческаго общества составляли воспитанники изъ духовнаго званія; лица изъ другихъ сословій почти не встрѣчались. При ограниченномъ, сравнительно съ теперешнимъ, числѣ студентовъ, въ помѣщеніяхъ студенческихъ не было тѣсно. На каждый студенческій номеръ приходилось человѣкъ семь, не болѣе. О чистотѣ, порядкѣ и хорошей мебели въ номерахъ сказать нечего: при незначительности суммы, отпускаемой на содержаніе Академіи, объ этомъ нельзя было и думать тогда. Два простыхъ деревянныхъ стола — одинъ большой, другой маленькій, штукъ семь незатѣйливой работы стульевъ, аналой въ переднемъ углу, шкафъ для книгъ, гардеробъ, а то просто кованая укладка, два или три подсвѣчника желѣзныхъ и щипцы для сниманія съ сальной свѣчи нагорѣвшей свѣтильни, койки по числу обитателей, умывальникъ и тазъ [3]), — вотъ и все убранство номера. Разумѣется, всякій студентъ старался устроиться въ немъ, по возможности, уютнѣе. Поэтому охотниковъ до мѣстъ у большаго стола всегда было мало. Большая часть студентовъ пристраивалась какъ-нибудь у своихъ коекъ; здѣсь и удобнѣе было: стоялъ стулъ, сундучекъ съ вещами, висѣло полотенце на стѣнѣ, — словомъ все было здѣсь подъ рукой, что ни понадобится; располагаясь у коекъ и мѣшали другъ другу меньше. Не мудрено, что въ теченіи четырехъ лѣтъ студенты и роднились съ такимъ угломъ.

Содержаніе студентовъ было скудно. Столъ студенческій былъ очень незатѣйливъ и даже грубъ. Ежедневно предлагались имъ только щи и каша, а въ воскресные и праздничные дни прибавлялись къ тому пироги. При постномъ

---

[1]) У С. К. Смирнова, стр. 193.

[2]) У него же, стр. 178.

[3]) См. опись принадлежащихъ Академіи вещей, въ 1828 г., въ дѣлахъ академ. Правленія.

столѣ въ постное время употреблялось конопляное масло. Однажды, говорятъ, когда студенты жаловались инспектору на дурно пропеченный хлѣбъ, о. Евлампій сказалъ: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“..... Одежда студентовъ состояла изъ выдававшихся на два года суконнаго сюртука синяго или сѣраго цвѣта и пары замшевыхъ перчатокъ и изъ устрояемаго ежегодно шлафрока таковаго или затрапезнаго, китайчатыхъ панталонъ и жилета; кромѣ того, каждый годъ назначено было выдавать по три сорочки съ исподницами, одному черному платку, или двумъ косынкамъ, по три пары нитяныхъ чулокъ, по двѣ пары сапоговъ и одной парѣ головъ сапожныхъ, и по пуховой круглой шляпѣ. При окончаніи курса студентъ получалъ фракъ синяго или сѣраго сукна съ гладкими бронзовыми пуговицами безъ герба. Такое устройство одежды требовалось академическимъ уставомъ. Шинели не полагалось и студентъ долженъ былъ устраивать для себя зимнюю одежду на собственныя средства. Конечно, большинство студентовъ имѣло свое собственное верхнее платье, но были и такіе бѣдняки, которые должны были въ однихъ сюртучкахъ проходить изъ Академіи въ трапезную церковь [1]). Въ отношеніи стола и одежды студентамъ вообще было плохо.

На первыхъ порахъ пребыванія А. В—ча въ Академіи, ему пришлось привыкать къ ней. Не легко, по всей вѣроятности, доставалось ему это. Живя дома у отца, онъ ни въ чемъ не испытывалъ нужды или недостатка: предусмотрительная рука родителей всегда во время устраняла лишенія. Въ Академіи, волей-неволей, приходилось знакомиться съ разными неудобствами, а подъ часъ — съ голодомъ и холодомъ. Среда едвали могла прійтись ему по вкусу. Студенты, тогда народъ все рослый, съѣхавшійся въ Академію за тысячи верстъ, изъ разныхъ концовъ Россіы, представляли изъ себя самое разношерстное общество, какъ по нарѣчію, такъ и по нравамъ и привычкамъ. Есть пословица: „что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай“; тоже самое было и въ Академіи среди студентовъ. Въ частности относительно ихъ нравовъ можно су-

[1]) Гр. М. В. Толстой,—Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ. „Богосл. Вѣстн.“, 1894, ноябрь.

дить по слѣдующему, случайно намъ встрѣтившемуся примѣру въ бумагахъ Академическаго Правленія. Въ 1829 году, на страстной недѣлѣ великаго поста, изъ Академіи вдругъ неизвѣстно куда скрылся студентъ, по курсу товарищъ А. В—ча, нѣкто И. Львовъ. Комнатный старшій, какъ и слѣдовало, доложилъ о томъ инспектору. Произведены были частнымъ образомъ возможные поиски и разспросы о пропавшемъ въ посадѣ, но слѣдовъ его никакихъ не нашлось. Академическое Правленіе принуждено было послѣ того сообщить отъ этомъ случаѣ полицейскимъ властямъ. Ничего не сдѣлали бы можетъ быть и онѣ, если бы пріѣхавшій послѣ Святой изъ Москвы студентъ не донесъ Академическому начальству, что онъ и двое его товарищей, отправившись изъ Академіи въ Москву въ Великій Четвертокъ, настигли Львова верстъ за восемь отъ Лавры; онъ шелъ по дорогѣ къ Москвѣ одинъ, въ двухъ сюртукахъ. Повстрѣчавшись съ ними онъ отвернулся отъ нихъ. По причинѣ поспѣшности, съ какою ѣхали, они опередили его, ничего не сказавши; а видѣли только, что онъ продолжалъ попрежнему идти впередъ. Послѣ оказалось, что Львовъ ушелъ изъ Академіи безъ спроса, въ намѣреніи идти въ Калугу, на свою родину. „Поелику,—говорится въ документѣ, изъ котораго этотъ случай мы беремъ,—онъ и съ начала поступленія въ Академію обнаруживалъ въ себѣ охоту возвратиться обратно домой,—Академическое Правленіе полагаетъ исключить Львова изъ числа студентовъ за самовольную изъ Академіи отлучку“ [1]), и дѣйствительно,—исключило. Правда, это единственный примѣръ. Положимъ, подъ вліяніемъ однообразныхъ занятій наукою и одинаковаго устройства образа жизни черты мѣстнаго быта и нравы съ теченіемъ времени, обыкновенно, сглаживаются и облагораживаются; но, вѣдь, этого долго надобно ждать. Поступивъ въ Академію, А. В—чъ сблизился только съ двумя—тремя студентами [2]), а съ остальными, какъ видно, сойтись онъ не могъ.

---

[1]) Инспекторская записка о состоян. Акад. отъ 6 по 26 апрѣля 1829 г. за № 74, въ дѣлахъ Правл. Акад.

[2]) Съ Аеиновымъ, Мещеринымъ и Орлинскимъ. (Дневникъ приб. къ Твор. Св. Отц. Т. XXXIV, стр. 85 и 93).

Впрочемъ, и не до товарищей А. В—чу было, когда пришлось ему учиться первый годъ. Перейдя въ Академію изъ философскаго класса, онъ многаго, что знали другіе, конечно, не зналъ. Нужно было догонять однокурсниковъ и для этого нужно было приналечь на науку. И онъ,— дѣйствительно, со всею силой на нее приналегъ. Дѣла было не мало. Чего стоило изученіе нѣмецкаго языка: въ семинаріи его онъ не изучалъ, а въ Академіи онъ былъ необходимъ. Помимо добровольныхъ занятій на А. В—чѣ лежали и обязательныя, какъ и на другихъ. Вскорѣ послѣ пріемныхъ экзаменовъ, курсу даны были темы для домашнихъ сочиненій. Приходилось работать надъ ними. Не опускались и классныя лекціи. Нынѣ здравствующій, графъ М. В. Толстой, и теперь вспоминаетъ, какъ въ старину они съ А. В—чемъ „всегда сидѣли рядомъ на лекціяхъ Ѳ. А. Терновскаго". Ѳ. А. „преподавалъ всемірную исторію среднихъ вѣковъ, весьма краснорѣчиво и подробно излагалъ основаніе новыхъ государствъ на развалинахъ Западной Римской имперіи и еще увлекательнѣе описывалъ крестовые походы. Ни въ одной исторіи нельзя было найдти такихъ занимательныхъ подробностей и такой живой связи между событіями, какъ въ его запискахъ. Старательно записывали мы съ Горскимъ эти лекціи". Часто сидѣли они вмѣстѣ и на лекціяхъ исторіи философіи, еврейскаго и греческаго языковъ [1]).

Въ усиленныхъ занятіяхъ прошелъ весь учебный годъ. Изъ разрядныхъ списковъ студентовъ, представленныхъ профессорами въ Правленіе предъ началомъ іюньскихъ экзаменовъ, видно, на сколько А. В. успѣлъ за это время въ классныхъ предметахъ: въ спискѣ баккалавра гражданской исторіи онъ былъ записанъ восьмымъ студентомъ; у баккалавра греческаго языка—вторымъ; у лектора нѣмецкаго языка—одиннадцатымъ [2]). Точно не узнаемъ, какъ шелъ онъ по другимъ предметамъ; но судя потому, что въ общемъ спискѣ, составленномъ послѣ экзаменовъ, ему было отведено пятое мѣсто [3]), надо думать,—также успѣшно, какъ

---

[1]) „Хранилище моей памяти". Душеп. Чтен. 1890 г. III, стр. 506.
[2]) См. разряды. списки въ дѣлахъ Правлен. Ак. за 1828 г.
[3]) Тамъ же.

и по этимъ. Нельзя назвать совсѣмъ удачными его письменныя работы. Во время декабрьскихъ экзаменовъ онъ подалъ экспромптъ, въ цѣлый листъ мелкаго письма, на тему: „Quaenam est dignitas logica in relatione ejus ad alias scientias?“ Баккалавръ логики Новскій написалъ на экспромптѣ такой отзывъ: „sunt quaedam, quae ad rem faciunt“. А на семестровомъ сочиненіи, поданномъ въ томъ же году на тему: „Какія были причины успѣховъ философіи у Грековъ“? читавшій его профессоръ подписалъ только „есть надежда“ [1]). Изъ этихъ первыхъ опытовъ академическихъ упражненій А. В—ча видно, что онъ еще не созрѣлъ для серьезнаго умственнаго труда. Это сознавалъ, кажется, и онъ, когда ѣхалъ на вакацію домой съ твердымъ намѣреніемъ посвятить ее научнымъ трудамъ. Ѳ. А. Голубинскій далъ ему и дѣло и планъ занятія имъ.

Лѣтомъ, въ продолженіе одного мѣсяца, не много успѣлъ сдѣлать А. В—чъ. Отецъ, въ августѣ, провожая его въ Академію, отправилъ съ нимъ къ Ѳеодору Александровичу письмо, въ которомъ благодарилъ его за неоставленіе сына и извинялся за него въ неисполненіи имъ всей своей задачи. „Достопочтеннѣйшій о. протоіерей, Ѳеодоръ Александровичъ! Какъ и чѣмъ благодарить мнѣ Васъ за то, что видѣли глаза мои въ безцѣнныхъ строкахъ Вашихъ отъ 5 іюля! Все отъ Бога, довольство и скудость, крѣпость и слабость, развитіе насъ самихъ извнѣ и извнутри, и противоположная сему оцѣпенѣлость—все отъ Бога; но сколько бы обязательная скромность Ваша ни скрывала попеченія свои, свою заботливость, свою отеческую любовь къ питомцу Вашему, приписывая благоуспѣшность теченія его на поприщѣ его занятій разновиднымъ причинамъ: я слѣпъ бы былъ, если бы не видѣлъ, безчувственъ, если бы не сознался, что Вы, незабвенный благодѣтель, и путь ему показываете, и въ пути его предваряете, и на пути его поддерживаете. Я не наблюдатель, и не изъ собственныхъ опытовъ, по крайней мѣрѣ изъ опытовъ опытнѣйшихъ знаю, что самыя добрыя сѣмена, на доброй землѣ сѣемыя, гибнутъ, если не мѣрно и не во время орошаются, и заботливо не очищаются отъ плевелъ само-собою растущихъ съ пшеницею. Благо-

[1]) Обѣ работы хранятся въ арх. Г—го.

творитель отличнѣйшій. Отеческая Ваша попечительность о сынѣ моемъ такъ велика, что сдѣлавъ все для него и нужное и полезное при глазахъ Вашихъ,— озаботились оградить его и внѣ крова Вашего мудрыми совѣтами и наставленіями. Кто меня разувѣритъ, что это не особенная Ваша къ нему любовь? Не знаю, не уклонился-ли слишкомъ далеко отъ Вашихъ начертаній много—до преизбытка взысканный Вами юный Горскій, ничего почти не собравъ подъ отечественнымъ небомъ—на поляхъ родныхъ, и возвращаясь, повидимому, тощъ подъ Вашу священную сѣнь. Успокоивась на добротѣ сердца Вашего, съ совершенною довѣренностію возвращаю Вамъ въ полное Ваше распоряженіе преданнѣйшаго и признательнѣйшаго предъ Вами Горскаго [1]).

Во второй разъ (въ 1829 году) А. В—чъ пріѣхалъ въ Академію почти какъ домой: въ теченіе предшествующаго года онъ свыкся съ ней. Обстановка, среда и пр. его не пугали какъ годъ тому назадъ; для него все это было теперь своимъ. До января занятія и все—шло своимъ чередомъ. Но тутъ случился съ А. В—чемъ одинъ эпизодъ.

Въ Академіи 19 января происходило постриженіе въ монахи студента Дм. Гумилевскаго, впослѣдствіи знаменитаго Филарета Черниговскаго. Обрядъ сильно тогда подѣйствовалъ на душу А. В-ча. Подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній онъ тотчасъ же послалъ родителямъ письмо, въ которомъ просилъ ихъ дать ему благословеніе на принятіе чина иноческаго. Наступили дни тревожнаго ожиданія отвѣта и внутренней къ тому борьбы. Наконецъ 28 января послѣдовалъ изъ Костромы отвѣтъ, гнѣвный и довольно рѣзкій. „Другъ нашъ милый, любезный сынъ Александръ Васильевичъ! писалъ ему отецъ. Благоговѣйныя твои чувствія къ равноангельному иночеству поставили меня въ такое недоумѣніе, что я не знаю, чему оныя приписать и какъ ихъ назвать. Щастливый путь къ небесамъ юному Филарету! но неужели только на воскрыліяхъ иноческихъ и влетаютъ въ горнія области? И за нами и предъ нами и вокругъ насъ тысячи, не сотни опытовъ доказали и будутъ доказывать, какъ скользка и какъ опасна стезя монастырская. Если бы не блескъ митры и панагіи обманывалъ своимъ сіяніемъ пылкую и порывистую юность; то

[1]) Письмо у Д. Ѳ. Голубинскаго.

пустыни вѣрно были бы пустыми. Прямое самоотверженіе не въ словахъ, слѣдовательно и не въ повтореніи клятвъ и обѣтовъ, и мною и тобою данныхъ и принятыхъ. Сдѣлай милость, если впередъ случится тебѣ быть зрителемъ церемоніи постриженія какого-либо сотрудника, то смотри на это безъ жару, гораздо поравнодушнѣе, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, безъ всякой зависти. Вообще на все обворожительное и прелестное надо-бы глядѣть со стороны невыгодной; въ противномъ случаѣ мишуру примешь за золото, или пустую тѣнь за тѣло. Торопливая, необдуманная поспѣшность въ моихъ глазахъ ничего болѣе не обѣщаетъ, какъ минутный метеоръ, который блеснетъ и исчезнетъ. Мать твоя все это прослушала и говоритъ: хорошенько его!“ [1]). Разумѣется, послѣ такого письма А. В. не пошелъ въ монахи; но вся эта исторія на долго всколыхнула его.

Не смотря на это къ концу учебнаго года успѣхи А. В-ча оказались отличными. Декабрьское сочиненіе его по логикѣ было написано имъ „основательно“, по отзыву профессора; на сочиненіи по философіи, которое А. В-чъ писалъ на тему: „Изъ началъ философскихъ какое можно вывести справедливое заключеніе о внутреннемъ послѣ смерти состояніи той души, которая въ теченіи настоящей жизни пріобрѣла дурныя наклонности?“ Ѳ. А-вичъ Голубинскій написалъ: „есть нѣкоторыя сужденія догадочныя, но много и основательныхъ изслѣдованій. Слогъ чистый и живой. Очень хорошо“; а ректоръ Поликарпъ рядомъ приписалъ: „можно надѣяться, что сочинитель останется между первыми студентами“. По гражданской исторіи два сочиненія его вышли прямо прекрасными. Ѳ. А. Терновскій, читавшій тогда этотъ предметъ, писалъ на одномъ: „и мысль и слогъ цвѣтущіе; несомнѣнно можно ожидать плода“; и на другомъ: „разсужденіе по основательности мыслей, правильности расположенія ихъ и по обработанности слога очень хорошее“, и тутъ же было прибавлено: „изъ многихъ историческихъ подробностей видна въ сочинителѣ охота заниматься чтеніемъ книгъ историческихъ“ [2]).

[1]) Письмо помѣщено у С. К. Смирнова въ статьѣ: „Воспоминанія объ А. В. Г-мъ“. Правосл. Обозр. 1876 г. Ш. 482.

[2]) Сочиненія хран. въ арх. Горскаго.

При переходѣ на богословскій курсъ А. В-чъ занялъ уже четвертое въ разрядѣ мѣсто [1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ, по обыкновенію онъ поѣхалъ домой. Ѳ. А. Голубинскій воспользовался этимъ случаемъ и подробно отписалъ родителямъ, какъ успѣлъ ихъ сынъ. В. С-чъ былъ растроганъ извѣстіемъ до глубины души. Онъ видѣлъ, что это было единственно по его милости и расположенію его къ ихъ сыну, и потому въ августѣ, когда А. В. отправился въ Академію, опять писалъ ему: „на пріятнѣйшее для меня по всему и обязательнѣйшее письмо Ваше что буду отвѣчать?—Благодарить Васъ—въ мѣру Вашихъ благодѣяній—на дѣлѣ и не могу и не умѣю; оставаться же безгласнымъ—по безсилію моему и неумѣнію, и стыжусь и совѣщусь. Ваши милости поставляютъ меня въ крайности такого должника, который заимодавцу своему заплатить долга своего никогда не будетъ въ состояніи. Если покровительствуемый Вами и хвалящійся особенно Вашею къ себѣ любовію сынъ мой взошелъ въ кругу сверстниковъ своихъ на такую степень, о которой Вы извѣстили меня; то безъ сумнѣнія симъ лестнымъ и для меня и для него счастіемъ онъ обязанъ Вашему къ нему отеческому благорасположенію и вниманію, которое и способы къ сему открыло, и руководствовало въ пути, и подкрѣпляло въ изнеможеніи". В. С., должно быть, опасался за успѣхи сына на богословскомъ курсѣ, котораго въ семинаріи онъ не слушалъ и потому еще продолжалъ: „какъ бы щастливы мы были всѣ, если бы ожидающая его (сына) вторая половина академическаго поприща также протекла благоуспѣшно, какъ и первая! Ласкать себя такою надеждою тогда только можно, когда и на будущее время Вы, Благодѣтель незабвенный, ввѣряемаго Вамъ не оставите всѣмъ тѣмъ, что искушенная Ваша опытность и доброта сердечная признаютъ для него нужнымъ и полезнымъ. Ваши совѣты, Ваши наставленія тѣмъ болѣе будутъ необходимы для моего сына на новомъ поприщѣ, что онъ съ ожидающими его предметами вовсе почти не ознакомленъ. — Не откажитесь озарить мрачный для него путь преизбыточествующимъ Вашимъ совѣтомъ". Въ виду моло-

[1]) См. разр. списки студ. въ дѣлахъ Акад. Правл. за 1830 г.

дыхъ лѣтъ сына отцу не хотѣлось, чтобы сынъ назначенъ былъ старшимъ въ номерѣ; и сынъ раздѣлялъ это желаніе. По этому поводу отецъ дальше въ письмѣ пишетъ Голубинскому: „и мнѣ и ему (сыну) хотѣлось бы остаться еще на два года въ той комнатѣ, въ которой онъ два года былъ и тепелъ, и покоенъ, и подъ особеннымъ вниманіемъ; а паче всего не быть старшимъ (если падетъ на него такой жребій) надъ сверстниками своими. Извините меня, что и этимъ осмѣливаюсь безпокоить. Вы разгадываете, недожидаясь объясненія, причину общей, моей и его, объ этомъ заботливости [1]). Начальство Академіи, не смотря на просьбу Голубинскаго, не исполнило ихъ желанія, и А. В. назначенъ старшимъ въ тогдашнемъ четвертомъ номерѣ.

Въ этомъ именно номерѣ и въ этотъ годъ засталъ въ Академіи А. В—ча покойный профессоръ П. С. Казанскій. Тогда онъ только что началъ ходить изъ Виѳаніи учиться къ своимъ братьямъ—студентамъ, изъ которыхъ одинъ жилъ подъ старшинствомъ А. В—ча въ четвертомъ номерѣ. Вспоминая потомъ то далекое время въ Академіи, номеръ, обстановку его, порядки и самихъ обитателей, Петръ Симоновичъ пишетъ, распространяясь объ А. В—чѣ, въ одномъ мѣстѣ: въ четвертомъ номерѣ, кромѣ Горскаго, было шесть человѣкъ, двое изъ Виѳанской, и четверо изъ Ярославской семинаріи. Горскаго всѣ студенты, жившіе у него, боялись какъ близкаго къ инспектору Евлампію. Онъ почти ежедневно послѣ ужина, вмѣстѣ съ А. В. Восторговымъ (товарищемъ Горскаго) ходилъ къ Евлампію для какого-то толкованія писанія и просиживалъ у него до 12-ти часовъ. Къ Горскому въ комнату изъ товарищей почти никто не ходилъ, изрѣдка приходили земляки. Онъ ни съ кѣмъ почти изъ жившихъ съ нимъ въ комнатѣ студентовъ не говорилъ и всегда былъ за дѣломъ. Всѣ студенты занимались за общимъ столомъ, но у комнатныхъ старшихъ былъ особый столикъ, на немъ они и занимались и чай пили. Столикъ Горскаго былъ поставленъ въ самомъ углу между двумя окнами и онъ, когда садился за него, то не видалъ никого. Впрочемъ, когда онъ былъ за дѣломъ, то никто изъ студентовъ не дозволялъ себѣ говорить громко, а говорили

[1]) Письмо отъ 17 авг. 1830 г., у Д. Ѳ. Голубинскаго.

шопотомъ, и никто не ходилъ по комнатѣ. Всѣ студенты вели себя смирно; ярославцы по бѣдности и чаю никогда не пили. Послѣ еще перевели ярославца Зоровскаго сухорукаго. Этотъ иногда шумѣлъ, но товарищи стращали его Горскимъ и онъ утихалъ“ [1]).

Вѣроятно, при переходѣ же на богословскій курсъ А. В-чъ былъ поставленъ и уставщикомъ въ академической церкви. По крайней мѣрѣ, П. С., въ томъ же мѣстѣ, говоритъ: „и читалъ, и канонаршилъ онъ очень громко. Это было для него самое пріятное занятіе. Когда онъ на праздники уѣзжалъ, то ощутительно было въ академической службѣ его отсутствіе“ [2]).

Учебный годъ, первый—ученія на богословскомъ курсѣ, какъ то неловко начался для А. В—ча; а начавшись, неловко продолжился, хотя отъ другой причины, и для всѣхъ студентовъ.

По осени, въ одинъ изъ долгихъ вечеровъ, для провожденія свободнаго часа времени, А. В. съ другими двумя товарищами сѣли въ карточную игру въ вистъ. Двое тѣхъ позволили себѣ на счетъ его какія-то шутки. Это непріятно подѣйствовало на А. В—ча. Игра чрезъ нѣсколько времени прекратилась. — Повидимому, самая обыкновенная и простая вышла исторія; но она повлекла за собою не столь обыкновенныя послѣдствія. А. В. сразу отшатнулся послѣ того отъ своихъ товарищей и рѣшилъ твердо въ душѣ начать новый родъ жизни—уединенный, одинокій, только съ собою съ глазу на глазъ; и тогда же, какъ видимый вещественный залогъ своей рѣшимости, повелъ свой дневникъ [3]). Эти слѣдствія, въ свою очередь, вызвали было дальнѣйшее. Начавъ уединенную жизнь, А. В. вспомнилъ о монашествѣ и опять обратился къ отцу съ моленіемъ—разрѣшить ему вступить въ монашество, представивъ много основаній, оправдывавшихъ его желаніе. На этотъ разъ В. С. отвѣчалъ ему въ довольно мягкомъ тонѣ, но замѣтилъ, что самому вызываться на монашество не слѣдуетъ, а если на-

---

[1]) Изъ моихъ воспоминаній объ А. В. Г—мъ по поводу рѣчи проф. С. Смирнова. Прав. Обозр. 1876 г., III, 847.

[2]) Стр. 848.

[3]) Дневникъ. Приб., XXXIV, 86.

чальство, какъ орудіе Промысла, укажетъ новую стезю жизни, тогда—съ Богомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ ему предварительно посовѣтоваться по тому дѣлу съ Ѳ. А. Голубинскимъ [1]). Это только и спасло А. В—ча отъ рѣшительнаго шага: Ѳ. А. стоялъ въ своихъ убѣжденіяхъ не за монашество и, должно быть, отговорилъ его.

Весь 1830—31 годъ былъ на Руси тяжелымъ годомъ страшнаго общественнаго бѣдствія: по всѣмъ мѣстамъ Россіи свирѣпствовала тогда сильнѣйшая холера. Печальное это событіе отозвалось тогда на всѣхъ дѣлахъ въ отечествѣ, между прочимъ, и на учебномъ; краемъ задѣло и нашу Академію. Какъ и насколько, можно судить по письмамъ А. В—ча къ своему дядюшкѣ Василію Григорьевичу, смотрителю Луховскихъ, въ Костромской епархіи, училищъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ: „что вамъ написать о вѣстяхъ печальныхъ, вѣстяхъ—чуть-ли не всероссійскихъ? —Что дѣлается въ Костромѣ, страждущей холерой, то, думаю, вамъ уже извѣстно до подробности; скажу о томъ, что дѣлается и около насъ. —Посадъ со стороны Переяславля, Угличской дороги и Александровской или уставленъ карантиномъ или оцѣпленъ. Нашъ Владыка, какъ нашимъ начальникамъ велитъ особенное о насъ прилагать стараніе, такъ и самъ подаетъ въ томъ примѣръ: —на сихъ дняхъ прислалъ намъ для куренія въ комнатахъ какой-то порошекъ. По милости Божіей надѣемся быть спокойны и живы подъ покровомъ преподобнаго Сергія. —Московская семинарія уже распущена, университетъ, медицинская академія—закрыты. Виѳанской семинаріи также сдѣлано предложеніе, въ случаѣ нужды, отпустить учениковъ по домамъ—отъ самаго Преосвященнѣйшаго. —Насъ отпускать—некуда: потому мы и среди всеобщаго волненія, какъ будто въ самомъ безопасномъ мѣстѣ и въ самое безопасное время, сами въ себѣ спокойны [2])“. Въ другомъ, чрезъ двѣ недѣли, своему дядюшкѣ А. В. сообщаетъ: „сегодня и къ намъ отъ Преосвященнѣйшаго пришло повелѣніе сократить часы ученія—шесть въ два; размѣстить студентовъ по комна-

[1]) См. „Воспоминанія С. К. Смирнова. Прав. Обозрѣн., 1876 г., III, стр. 482.

[2]) Письмо цѣликомъ помѣщено въ ст. Н. Троицкаго. (Чт. въ об. Л. Д. Пр., 1881 г., Ноябрь, 427.)

тамъ гораздо просторнѣе; а для сего занять и нѣкоторыя изъ учебныхъ залъ; и говѣть, а поговѣвши—не болѣе впрочемъ трехъ дней—пріобщиться Св. Таинъ, и далѣе—жить кому Богъ велитъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда не знаютъ мѣръ человѣческихъ для отвращенія бича Божія, то нѣтъ лучше средства, какъ прибѣгать къ самой десницѣ наказующей! Что писать къ вамъ болѣе, право, не знаю. Просимъ помнить насъ, доколѣ мы живы, и поминать, когда умремъ“ [1]).

Такъ не въ отдыхѣ, и не въ дѣлѣ шелъ у студентовъ этотъ годъ. А. В—чъ, пользуясь множествомъ свободнаго, вслѣдствіе сокращенія учебныхъ часовъ, времени, усиленно работалъ надъ своими сочиненіями [2]) и работа принесла ему свой плодъ. Проповѣдь его на недѣлю мясопустную вышла прекрасной. В. С. сердечно радовался этому и писалъ ему: „благодаримъ Бога, сколько умѣемъ и можемъ, что Онъ труды твоего проповѣдничества, безъ сумнѣнія стоившіе тебѣ и поту и безсонницы, благословилъ и для тебя и для насъ вожделѣннымъ успѣхомъ. Возвѣстивши пришествіе Судіи Небеснаго во всей славѣ быть имѣющее, дай Богъ изъяснить тебѣ и всю кротость Его, явленную во Іерусалимѣ—съ одинаковымъ успѣхомъ“,—желалъ онъ подъ конецъ ему, имѣя въ виду вторую его проповѣдь [3]).

По случаю эпидеміи Коммиссія Духовныхъ Училищъ предписала всѣмъ семинаріямъ и училищамъ произвести годичные экзамены послѣ вакаціи. Такъ и было вездѣ сдѣлано. Но въ Академіи, гдѣ ученіе, собственно говоря, не прерывалось, экзамены происходили своевременно. А. В—чъ въ разрядномъ спискѣ еще былъ повышенъ [4]).

Наступила послѣдняя вакація. А. В. вполнѣ отдыхалъ. Въ Костромѣ гостилъ тогда у кого то изъ своихъ родственниковъ молодой баккалавръ Академіи П. П. Птицынъ.

---

[1]) Воспомин. о прот. А. В. Г-мъ, стр. 430.

[2]) См. письмо къ нему В. С. отъ 21 апр. 1831 г. у О. П. Салмановой. „Изъ прежняго письма твоего примѣтно, что у тебя и часовъ нѣтъ свободныхъ, не только дней! Какъ и чѣмъ облегчить твои недосуги. Данныя для разсужденій предложенія, кажется, не такъ сухи, чтобы требовали слишкомъ многаго мозголому. Совѣтъ мой старинный и обыкновенный—громадой не удивишь. Всего не вычерпаешь“.

[3]) Письмо В. С. отъ 3 марта 1831 г., у О. П. Салмановой.

[4]) См. ихъ въ дѣлахъ Правл. Акад. за 1831 г.

Съ нимъ, по большей части, и дѣлилъ свои досуги А. В—чъ [1]). Нѣсколько разъ писалъ ему изъ Академіи и Ѳеодоръ Александровичъ. Онъ намѣревался провести лѣто съ своимъ семействомъ въ родной Костромѣ; но не прекратившаяся еще совсѣмъ холера пугала его отправиться въ такое путешествіе: поэтому онъ и справлялся часто у А. В—ча о ходѣ болѣзни въ Костромѣ. Тотъ ему отвѣчалъ.

Переписываясь время отъ времени съ А. В—мъ, Ѳеодоръ Александровичъ не забылъ и его отца: прислалъ и ему письмецо. Сообщая въ немъ В. С—чу о успѣхахъ сына, онъ нѣсколько коснулся въ письмѣ и будущей жизни его: указалъ на возможныя для него поприща, далъ наставленіе, какъ скорѣе вступить на лучшее изъ нихъ, и высказалъ свое на это пожеланіе. Василій Сергѣевичъ отвѣчалъ Ѳ. А—чу. За любовь къ сыну онъ его благодарилъ, а относительно взглядовъ на его будущее писалъ ему: „мудрыя Ваши замѣчанія на счетъ могущаго открыться покровительствуемому Вами питомцу новаго поприща—напередъ образованія, потомъ и самаго образа жизни, я почитаю священными: и на оныя скажу только то, что я, при всей моей невнимательности, успѣлъ позамѣтить изъ уроковъ собственнаго моего опыта: усильное домогательство неблагословляется свыше, между тѣмъ благопокорная преданность Провидѣнію рано или поздно сверхъ чаянія достигаетъ счастія и даже тамъ, гдѣ онаго и видно не было! Настоящее поприще таково, что съ онаго во всѣ состоянія открыты пути: дай Богъ пройти оное благоуспѣшно! а будущее оставимъ устроенію Отца небеснаго. Правящій кормиломъ вселенныя ужели изнеможетъ управить малѣйшій челнокъ въ мирное и безбѣдное пристанище?“ [2]). Какъ мы увидимъ послѣ, А. В—чу не пришлось хлопотать о своей служебной карьерѣ; она устроилась помимо его.

Въ послѣдній годъ пребыванія въ Академіи А. В—ча много развлекали, пожалуй и тревожили, семейныя обстоятельства—судьба сестры, П. П. Птицынъ, о которомъ мы

---

[1]) См. письмо А. В. Г—го къ Ѳ. А. Голубинскому отъ 7 іюня 1831 г. у Д. Ѳ. Голуб—го.

[2]) Письмо отъ 16 августа 1831 г., у Д. Ѳ. Г—го.

упоминали, лѣтомъ сдѣлалъ Юліи Васильевнѣ предложеніе; родители дали свое благословеніе. Но о свадьбѣ ни съ той ни съ другой стороны не было никакого помину. Птицынъ послѣ вакаціи возвратился въ посадъ, а дѣло оставалось все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Родители сомнѣвались, не измѣнитъ-ли онъ свои на счетъ женитьбы планы. Общее семейное смущеніе приразилось и А. В—чу.

Птицынъ лишь въ октябрѣ сказалъ рѣшительное свое слово. В. С—чъ счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ сыну. „Другъ нашъ милый, Александръ Васильевичъ! — писалъ онъ ему. Не удивляйся, что получаешь отъ насъ отвѣтъ безъ твоего вопроса; причиною сего письмо П. П. По крайней краткости времени не находя возможности отвѣчать на его строки, развязавшія наши руки и успокоившія нѣсколько смутившуюся мать, я рѣшился поручить тебѣ — объявить П. П. общую нашу благодарность за то, что онъ рѣшительнымъ своимъ послѣднимъ отзывомъ устранилъ невольное наше недоумѣніе, не ко времени и не къ мѣсту на насъ напавшее, прояснилъ такъ чисто свои расположенія, что и слѣды мрачной мнительности изгладились изъ нашихъ думъ. Доселѣ дѣйствовали мы во всемъ, что нужно, безостановочно; теперь начнемъ дѣйствовать поспѣшнѣе. Время у недосуговъ летитъ быстрѣе обыкновеннаго. Есть приготовленное, много готовится, а для будущаго еще болѣе: сколько надобно ногъ, сколько рукъ, сколько головъ. „Дай Богъ и силы и терпѣнія!“ Въ концѣ этихъ строкъ В. С. кстати сообщилъ А. В—чу, что они думаютъ и ему приготовить обновку — суконный, на ватѣ, по послѣднему покрою, плащъ; и спрашивалъ его, есть ли у него для поста (Филипповскаго) калачи [1]).

Свадьба сестры состоялась въ началѣ новаго года (1832), когда А. В. на святки пріѣхалъ домой. — Доживать въ Академіи учебный годъ ему пришлось такимъ образомъ въ постоянномъ почти обществѣ „молодыхъ“, т. е. зятя и сестры. Среди скучной и однообразной студенческой жизни это общество для него было большимъ развлеченіемъ. Къ сожалѣнію, замужество сестры случилось слишкомъ поздно для него: чрезъ четыре-пять мѣсяцевъ начались уже экзамены—

[1]) Письмо отъ 17 ноября 1831 г., въ архивѣ Горскаго.

послѣдніе въ жизни А. В—ча. Послѣ цѣлаго года спокойной жизни, студентамъ богословскаго курса приходилось теперь встрепенуться: надо было сдавать публичный экзаменъ, да еще въ присутствіи митр. Филарета. Уже заранѣе всѣ знали, что это будутъ за экзамены. Въ предшествующіе годы, митрополитъ, еще за недѣлю до экзаменовъ и болѣе требовалъ отъ академическаго правленія конспекты—и по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ въ теченіи учебнаго года, и особо по предметамъ, назначеннымъ для публичнаго испытанія. Эти конспекты онъ просматривалъ всегда довольно строго; дѣлалъ на нихъ иногда замѣчанія, въ особенности выражалъ всегда желаніе, чтобы конспекты для публичнаго испытанія составлялись съ полнымъ вниманіемъ и осторожно, такъ какъ они предназначались къ печатанію. Наканунѣ экзамена онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Лавру и останавливался въ своихъ монастырскихъ покояхъ. На другой день съ трепетомъ студенты ждали его прихода въ классъ (до Академіи онъ шелъ пѣшкомъ). Послѣ общей молитвы, митрополитъ садился и приглашалъ садиться другихъ—профессоровъ и почетную публику. Студентовъ онъ вызывалъ къ столу самъ лично, по имянно, по три человѣка; здѣсь они отвѣчали на вопросы, предлагаемые имъ большею частію преподавателями, а иногда и имъ самимъ. Когда стоявшій у стола студентъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта, митрополитъ со словами: „кто скажетъ?“ обращался ко всему курсу. Этотъ пріемъ онъ повторялъ неоднократно въ каждый экзаменъ—„для усмотрѣнія преимущественной способности и готовности къ отвѣтамъ на вопросы неожиданные“. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ разрѣшить вопросъ умами студентовъ, наконецъ покрывалъ дѣло онъ самъ, давая на свой вопросъ отвѣтъ полный и ясный. Случалось, впрочемъ, что митрополитъ, при неудачномъ отвѣтѣ студента, сердился, выходилъ изъ себя, и начиналъ экзаменовать самого учителя. Тутъ трепетали всѣ. По окончаніи испытанія послѣ того какъ пропоютъ: „буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“, онъ подходилъ къ студентамъ и, въ заключеніи всего, обращался къ нимъ съ привѣтственнымъ и наставительнымъ словомъ. Академическіе экзамены Филаретъ всегда признавалъ однимъ изъ важныхъ и серьезныхъ своихъ занятій, и предъ другими выставлялъ это занятіе,

какъ достойное употребленія на него продолжительнаго времени, которымъ вообще онъ дорожилъ [1]).

Въ настоящій разъ публичные экзамены продолжались два дня часовъ по пяти—по шести [2]). И тутъ дѣло не обошлось безъ курьеза. На экзаменѣ по библейской исторіи, когда одинъ изъ вызванныхъ студентовъ не отвѣтилъ на вопросъ митрополита: „что такое вода окропленія“ (Числ. гл. 19) митрополитъ обратился ко всѣмъ студентамъ съ словами: кто скажетъ? Студентъ Смѣловскій всталъ и отвѣчалъ: это вода изъ пепла рыжей юницы..... Митрополитъ сказалъ ему: „crúce te signa. Какъ вода изъ пепла? Студентъ исправилъ неточное выраженіе и далъ отвѣтъ удовлетворительный. Какъ прошла гроза для А. В—ча,—достовѣрно не знаемъ. По крайней мѣрѣ въ аттестатѣ у него сказано: „въ наукахъ богословскихъ, философскихъ, въ словесности церковной и всеобщей, въ исторіи церковной и гражданской на окончательномъ испытаніи оказался успѣвшимъ отлично хорошо; въ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и французскомъ—очень хорошо,—при способностяхъ отлично хорошихъ, прилежаніи постоянномъ и поведеніи примѣрномъ“ [3]).

А. В. окончилъ академическій курсъ третьимъ магистромъ. Предшествующія мѣста въ спискѣ заняли: Тимоѳей Успенскій (Филоѳей, м. Кіевскій) и Стефанъ Протопоповъ (протоіерей московск., недавно умершій). Оба первые магистра оставлены баккалаврами Академіи [4]); а А. В. долженъ былъ ждать себѣ назначенія по духовно-учебному вѣдомству.

Съ экзаменами вмѣстѣ порвались и нити, связывавшія дотолѣ А. В—ча съ Академіею. Теперь ему въ ней нечего было дѣлать; оставалось проститься со всѣмъ дорогимъ въ Академіи, въ посадѣ, и отправляться домой, на родину: тамъ должна была начаться новая для него, неизвѣданная еще имъ жизнь—на привольѣ.

---

1) У С. К. Смирнова, стр. 190, 193, 194, 187, 202.
2) У него же, стр. 189.
3) Копія съ аттестата А. Горскаго, въ дѣлахъ Правлен. Акад. за 1832.
4) „Воспоминанія“ С. К. Смирнова. Прав. Обозр. 1876 г. Ш. 468.

II.

Служебная дѣятельность А. В—ча началась почти тотчасъ по окончаніи имъ академическаго курса. Слова его отца, за годъ сказанныя въ письмѣ къ Голубинскому на счетъ выжиданія судьбы оказались теперь для А. В—ча вѣщими. Онъ беззаботно жилъ лѣтомъ въ домѣ родительскомъ: отдыхалъ пока А въ Академіи въ это время рѣшалась его судьба. Въ Московской семинаріи, въ концѣ $183^1/_2$ учебнаго года, уволился въ епархіальное вѣдомство наставникъ церковной и гражданской исторіи Вас. Сем. Сахаровъ. Правленіе Академіи, какъ водилось тогда, должно было прислать замѣстителя на открывшуюся вакансію. Въ старинные годы при назначеніи на преподавательскія мѣста не придерживались строго порядка слѣдованія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, а посылали часто не въ очередь, каждаго въ свою епархію и по возможности, — въ тѣ самыя училища и семинаріи, откуда вышелъ студентъ, — въ виду вящшей, какъ объясняли, отъ того пользы для учебнаго дѣла. Такъ могло-бы случиться и теперь, — тѣмъ болѣе, что искателей назначенія въ столичную семинарію было человѣкъ шесть, природныхъ москвичей. Но у А. В—ча, по выходѣ изъ Академіи, осталася въ ней сильный покровитель— Ѳ. А—чъ. Его-то слово и рѣшило въ правленіи вопросъ о преемникѣ Сахарову: 29 августа имъ назначенъ былъ Александръ Васильевичъ.

Московская семинарія уже десять лѣтъ существовала на своемъ новомъ мѣстѣ—въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Отъ старой перервинской семинаріи къ этому времени почти не осталось въ ней и слѣда. Прошла между ними рѣзкая грань, которая ясно обозначила два періода въ жизни семинаріи—старый и новый, перервинскій и московскій. Схоластики въ методѣ преподаванія наукъ, отличавшей перервинскій періодъ семинаріи, въ московской не было и духу. Со времени своего перемѣщенія въ Москву (въ 1823 г.), семинарія въ духѣ преподаванія богословскаго съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе слѣдовала высокому богословствованію своего архипастыря. Формулы его катехизиса стали формулами вѣроученія вмѣсто прежнихъ тезисовъ латинскихъ учебниковъ. Не осталась безъ значительнаго вліянія на состоя-

ніе наукъ въ новой семинаріи и дѣятельность наставниковъ. Сперва инспекторы, а потомъ и свѣтскіе преподаватели философіи, — (почти всѣ, надо замѣтить, ученики покойнаго Ѳ. А. Голубинскаго)—не смотря на то, что преподаваніе опредѣлялось еще программами 1814 года,— личнымъ своимъ трудомъ и посильнымъ изученіемъ источниковъ и литературы предмета постепенно сбрасывали мертвыя оковы схоластическихъ латинскихъ учебниковъ и вводили въ свое преподаваніе результаты новыхъ и плодотворныхъ открытій философствующаго ума. Особенно замѣтно это по конспектамъ, выдаваемымъ ученикамъ въ свое время профессорами. Сличая ихъ съ прежними, ясно видимъ, какая громадная разница между конспектами профессоровъ перервинской семинаріи, составленными по Баумейстеру, и конспектами учениковъ Голубинскаго, профессоровъ Заиконоспасской семинаріи, вводившихъ въ логику сильныя идеи Копта, или въ психологію глубокія идеи Якоби. Тоже должно сказать и о преподаваніи реторики, которая подъ вліяніемъ тогдашнихъ профессоровъ постепенно возвышались до науки словесности. Ясная и легкая постройка періодической рѣчи Карамзина, оттѣненная грустью рѣчь Жуковскаго, точная рѣчь Пушкина,—наконецъ рѣчь Филарета,—вотъ тѣ элементы, которые, благодаря дѣятельности профессоровъ Заиконоспасской семинаріи, въ образованіе духовенства постепенно вводились преподаваніемъ словесности. Латинскій языкъ не имѣлъ уже нужды быть единственнымъ языкомъ въ устахъ воспитанниковъ, какъ скоро они повторили хоть нѣсколько звуковъ русской рѣчи упомянутыхъ писателей. При такомъ направленіи дѣятельности не могло быть косности въ преподаваніи и наукъ вспомогательныхъ: историческихъ, математическихъ и языкознаніи; историкъ московской семинаріи говоритъ, что ея дѣйствительно и не было[1]).

А. В. поступилъ въ Московскую семинарію, такимъ образомъ, въ самомъ началѣ ея разцвѣта. Предметы, съ которыми ему приходилось знакомить своихъ юныхъ слушателей, какъ самъ онъ сознавался, были ему по душѣ: и богаты матеріаломъ и занимательны; молодыя его силы, еще

---

1) Н. И. Кедровъ,—„Моск. Дух. Семинарія“ (1814—1889), стр. 95.

свѣжія и бодрыя, требовали дѣятельности. Оставалось только приняться за дѣло, и А. В. принялся, какъ видно, со всею душей.

Пользуясь свободой постановки предметовъ, онъ читалъ ихъ своимъ ученикамъ почти въ томъ же духѣ и объемѣ, въ какомъ самъ слушалъ ихъ въ Академіи. Мы просматривали представленное имъ въ правленіе семинаріи: „обозрѣніе предметовъ, преподанныхъ ученикамъ низшаго отдѣленія по классу гражданской исторіи въ теченіи двухъ послѣднихъ третей $183^{2}/_{3}$ учебнаго года“ и не нашли въ немъ никакой разницы сравнительно съ академическими конспектами по этому предмету [1]). Лекціи новаго наставника, должно быть, были интересны и внимательно выслушивались учениками; да и самъ наставникъ, повидимому, не лишенъ былъ педагогическаго такта, когда предъ декабрскими экзаменами, въ своемъ донесеніи Правленію объ успѣхахъ учениковъ едвали не о цѣлой половинѣ ихъ онъ отозвался, что „при постоянномъ прилежаніи занимались и успѣвали весьма хорошо [2])“.

[1]) Приводимъ конспектъ А. В-ча съ нѣкоторыми выпусками: „Періодъ III. Отъ основанія Персидской монархіи Киромъ до разрушенія ея Александромъ и начала Греко-македонской монархіи. Періодъ IV. Отъ начала гр.-македонской монархіи до единодержавія Августа. Періодъ V. Отъ единодержавія Августа или начала Римской Имперіи до разрушенія ея на Западѣ. Въ частности. Преемственное послѣдованіе римскихъ императоровъ,—отъ начала имперіи до Коммода: Августъ,—его политика и военные успѣхи; начало христіанской религіи. Тиверій, — его хитрость и кровожадность; умерщвленіе собственнаго сына Друза; Сеянъ. Кай Калигула,—господство надъ нимъ безстыдныхъ женщинъ и отпущенниковъ. Неронъ,—безуміе и жестокость его правленія; первое гоненіе язычниковъ на христіанъ; всеобщее возстаніе противъ него имперіи. Оттонъ, Гальба и Вителій. Веспасіанъ,—его благоразуміе и дѣятельность. Титъ,—его человѣколюбіе и благотворительность; бѣдствія при немъ имперіи. Домиціанъ,—его жестокость и гоненіе на іудеевъ и христіанъ. Нерва. Троянъ,—мудрость его правилъ, воинскіе успѣхи и гоненія на христіанъ, впрочемъ, болѣе по требованію жрецовъ, нежели по собственному его опредѣленію. Средняя Исторія. Общее понятіе о среднихъ временахъ и раздѣленіе исторіи среднихъ вѣковъ. I. Отъ разрушенія Зап. Римской Имперіи до Карла В. II. Отъ Карла В. до открытія Америки. (Въ дѣлахъ Правл. Семин. за $183^{2}/_{3}$ г. Ср. обозрѣн. предмет., назначаем. для открытаго испытанія студент. М. Д. Акад. при оконч. учебн. $18^{2}/_{9}$ и $183^{0}/_{1}$ гг., въ дѣл. Акад. Правл.

[2]) См. разряд списки въ дѣл. Правл. Семин. за $183^{2}/_{3}$ учеб. годъ.

Не знаемъ до подробностей, какъ устроился А. В. на мѣстѣ своего служенія и какъ пошла его жизнь въ шумной столицѣ, но встрѣтила его Москва гостепріимно. Кромѣ опредѣленнаго оклада жалованья, неженатымъ учителямъ семинаріи тутъ же въ монастырѣ предлагалась квартира. Со стороны самаго необходимаго въ жизни,—въ „хлѣбѣ насущномъ", А. В. такимъ образомъ былъ обезпеченъ. А постоянное общество сослуживцевъ,—особенно, бывшаго его товарища по курсу въ Академіи Вас. Ст. Пономарева,—съ которымъ онъ и жилъ теперь почти вмѣстѣ,—доставляло ему и развлеченіе; значитъ и „скучать въ жизни" не приходилось.

Связь А. В—ча съ родителями, хотя они были теперь еще дальше отъ него, не прерывалась по прежнему. Онъ часто писалъ имъ; и они не оставались въ долгу у него. Вотъ, напр., одно письмо къ нему В. С—ча, писанное послѣ Святокъ: „Другъ милой, А. В! прошедшіе наши праздники никогда такъ скучны и тяжелы для насъ не были, какъ нынѣ. Въ первый разъ въ жизни нашей мы провели оные безъ милыхъ нашихъ дѣточекъ! Къ тому же—повторять-ли тебѣ то, чего ты былъ очевидецъ и что кажется должно совершенно кончиться [1])? Милый другъ! бывши въ Лаврѣ на святкахъ и проведя нѣсколько дней у сестры твоей, въ какомъ ты положеніи нашелъ ее? съ какими чувствіями принималъ тебя П. П? каковъ въ поступкахъ противъ сестры твоей? не жаловался-ли тебѣ на меня и въ особенности на маминьку? не говорилъ ли тебѣ о письмахъ моихъ или и не казалъ-ли оныхъ? Кучу этихъ вопросовъ я набросалъ тебѣ потому, что съ нынѣшнею почтою нѣтъ отъ нихъ никакой къ намъ вѣсти, и что истиннаго положенія Юлиньки узнать намъ иначе не можно. А признаться тебѣ, что я писалъ не мягко.—Сдѣлай милость, извѣсти насъ со всею твоею откровенностію о томъ, что нашелъ ты переиначившимся въ положеніи сестры твоей. Твоя скрытность болѣе можетъ насъ томить, нежели прямой разсказъ. Мы надѣялись, что ты въ первомъ же письмѣ опишешь намъ со всею подробностію лаврскія, не московскія святки!" Предъ святками Пономаревъ, съ которымъ А. В—чъ вмѣстѣ столовался, оставилъ семинарскую службу и поступилъ на свя-

[1]) Не знаемъ, о чемъ намекаетъ тутъ В. С.

щенническое мѣсто въ Москву. В. С. въ концѣ письма, по этому поводу, и писалъ А. В—чу: „разставшись съ В. Степановичемъ, какъ тебѣ будетъ вести столъ? Насъ эта статья много заботитъ. Что падало на многихъ доселѣ,—то упадетъ на тебя одного. Нѣтъ-ли какихъ нибудь средствъ благопріятныхъ выпутаться изъ обременительнаго положенія? Въ многолюдномъ братствѣ все спорѣе". Мать, тутъ же въ коротенькой припискѣ, извѣщала А. В—ча о томъ, что одна изъ его коммиссій—покупка салфетки—исполнена; „я заплатила,—пишетъ она,—за нее шесть рублей; ты свою теперешнюю отправь къ тому, кто у тебя просилъ; а вытребовавъ за нее четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ, оставь деньги у себя въ запасъ на чемоданъ, котораго у тебя нѣтъ. Другія коммиссіи выполнить тогда только беремся, когда высланы будутъ деньги: не въ платежѣ сумнѣваемся, а сами нуждаемся. Будь здоровъ и утѣшай насъ собою". Но утѣшать собою родителей А. В—чу пришлось очень недолго,—

Въ маѣ 1833 года, по случаю ожидаемаго въ Академіи перехода баккалавра по церковной словесности на другую каѳедру, классъ этотъ долженъ былъ сдѣлаться вакантнымъ. Ѳ. А—чъ увѣдомилъ А. В—ча, что нѣкоторые ихъ членовъ конференціи желаютъ, чтобы онъ перешелъ изъ семинаріи въ Академію. Возможность этого перехода А. В—ча и привела къ огорченію его родителей. Дѣло въ томъ, что еще во время студенчества два раза возникала у А В—ча мысль о принятіи монашества; отецъ и мать, какъ мы видѣли, тогда рѣшительно не сочувствовали этому. Теперь, переходъ въ Лавру могъ возобновить и усилить въ немъ стремленіе къ иночеству. Этого-то и опасались родители.—Когда А. В—чъ обратился къ отцу за совѣтомъ касательно перемѣщенія, онъ прямо старался отклонить его. „Въ разсужденіи перемѣщенія твоего въ Лавру,—писалъ онъ ему,—неодинаковы у насъ съ тобою чувства и мысли. Въ будущемъ твоемъ поприщѣ, если это такъ случится, есть нѣчто для тебя лестное; но я не вижу того, что могло-бы тебя услаждать. Святая обитель рождаетъ въ тебѣ святыя чувствія? Для чего же не привести себѣ здѣсь на мысль и то, какъ обыкновенно живутъ заключившіе себя въ стѣнахъ обители святой? Для чего не взглянуть и на то, кто и что тебя тамъ встрѣтитъ? Первая встрѣча: послѣ свѣта—мрачность,

послѣ шума—унылость глухая, послѣ людскости—дикость, послѣ пестроты и разнообразія—односторонняя загрубѣлость! Съ кѣмъ будешь дѣлить время? Съ обязанностями службы, съ товарищами? Труды требуютъ ослабы; постоянная напряженность и убійственна и невозможна; силы душевныя оживляются развлеченіемъ, тѣлесныя—прогулкою. Таковы-ли удобства сіи въ Лаврѣ, чтобъ они могли въ достаточной полнотѣ отвѣтствовать твоимъ потребностямъ? Корбуха, Виѳанія прелестны на нѣсколько дней, и то въ два-три мѣсяца года, а далѣе девять мѣсяцевъ—стѣны да стѣны. Ты рѣшаешься по гробъ посвятить себя трудамъ учености? Обѣтъ слишкомъ смѣлый. Да развѣ одна академія есть неизсякаемый источникъ занятій ученыхъ? Кто тебя завѣрилъ, что здѣсь ты можешь сдѣлаться камешкомъ, котораго никуда никто не сдвинетъ? Милый намъ! За будущее нѣтъ поруки. Не подумай, чтобы перомъ моимъ водило здѣсь какое-либо упрямство или своекорыстіе. Нѣтъ! Я пишу только то, что прямо вылилось изъ моего сердца. Не мѣстность страшитъ меня, но то, что всего обыкновеннѣе въ этой мѣстности. Доброе дѣло сдѣлалъ ты, другъ нашъ, что поручилъ себя Богу, поручилъ себя и дознанной опытности. Званія свыше прямаго не минешь; ни домогательство, ни упорство не остановятъ [1]). Такой прямой и рѣшительный взглядъ отца подѣйствовалъ въ этотъ разъ на сына, и онъ отказался отъ предложенія, сдѣланнаго ему Ѳ. А—чемъ. Недѣли чрезъ двѣ онъ писалъ ему въ отвѣтъ: „получивъ отъ Павла Петровима (зятя А. В—ча) извѣстіе о томъ, что Вы изволили поручить ему спросить отъ меня,—согласно-ли будетъ мое желаніе съ желаніемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ конференціи перевести меня изъ Семинаріи въ Академію,—я счелъ полезнѣйшимъ отвѣчать на сіе Вамъ собственнымъ моимъ письмомъ, и потому прошу принять оное со всею Вашею ко мнѣ благосклонностію. Мнѣ должно и по совѣсти, и по самому требованію дѣла въ семъ случаѣ быть во всемъ предъ Вами искреннимъ,—Во первыхъ,—если оное желаніе перевести меня изъ семинаріи въ академію принадлежитъ только нѣкоторымъ изъ членовъ конференціи; если напротивъ другіе

---

[1]) Письмо приведено въ „Воспоминан". С. К. Смирнова. Пр. Обоз. 1876 г. III, 469.

имѣютъ въ виду болѣе близкихъ къ чредѣ онаго призванія; если при семъ будетъ не безъ разнорѣчія и споровъ: то осмѣлюсь-ли сказать съ великимъ и высокимъ мужемъ: я не лучше пророка Іоны; бросьте меня въ море! Надѣюсь, что если уступлю и безъ противоборствія, у Бога забытъ не буду. Во вторыхъ,—обѣщаемый при переведеніи классъ церковной словесности, какъ остающійся незанятымъ, не такъ мнѣ кажется вѣрнымъ: потому что и обычай и справедливость требуютъ переводить на сіи высшаго разряда классы съ низшихъ. Послѣ же таковаго перемѣщенія имѣющій мнѣ остаться классъ какого-нибудь языка не можетъ мнѣ замѣнить того богатства и занимательности предметовъ, какія доставляетъ мнѣ настоящее мое мѣсто. Облегченія трудовъ, какое можно обѣщать себѣ при перемѣнѣ онаго,—имѣя теперь, по благословенію Божію, силы еще не разстроенныя, я не желаю. Въ третьихъ,—просьбы и слезы сестрицы [1]) остановили бы и не меня при настоящей моей должности. Совѣты родителей и тѣхъ, которыхъ я спрашивалъ о семъ дѣлѣ, того же отъ меня требуютъ. Собственное спокойствіе при извѣстности настоящаго, чѣмъ пользуюсь, и неизвѣстности будущаго, что манитъ, къ тому же склоняетъ.—Но, да не будетъ жестоко мое слово,—кто совѣтовалъ, тотъ не вникалъ въ мое сердце. Обыкновенно судятъ о всѣхъ мѣстахъ по выгодамъ, какія они могутъ доставлять. Если судить такъ, то настоящее мое мѣсто конечно будетъ имѣть много преимуществъ предъ обѣщаемымъ. Но юношеская-ли еще мечтательность, или что нибудь имѣющее во мнѣ основаніе глубже и тверже,—заставляютъ меня совсѣмъ закрыть глаза свои на выгоды при настоящемъ выборѣ. Я люблю науки; мнѣ дорогъ кругъ просвѣщенія; меня радуетъ большая свобода ума въ высшихъ кругахъ. Мнѣ нужно-бы болѣе свободы и для моего сердца: а свобода сердца въ тишинѣ и уединеніи! Вотъ что пріостанавливаетъ мое согласіе, по крайней мѣрѣ, внутреннее—рѣшиться на совѣты и просьбы тѣхъ, которымъ—впрочемъ—я долженъ повиноваться". Въ письмѣ Ѳ. А. съ предложеніемъ занять мѣсто въ Академіи, былъ намекъ А. В—чу на то, что не безвременно было-бы ему избрать себѣ подругу жизни. А. В., продолжая

[1]) Мужъ ея въ это время былъ священникомъ въ Москвѣ.

письмо, теперь на это ему пишетъ: „моя будущая участь, и при опредѣленности видовъ съ настоящаго моего мѣста, для меня слишкомъ темна даже въ томъ, что будетъ всегда зависѣть отъ меня. Знаю, что настоящее мое состояніе, — если только Богъ продлитъ мою жизнь, — не есть окончательное; что со временемъ оно должно будетъ получить дополненіе: но какъ? когда? чрезъ что? Не есть-ли и настоящій случай избранія — указаніе и вызовъ къ сему дополненію и опредѣленію? Не знаю, не могу рѣшить — поелику жилъ доселѣ о семъ ни мало не думая, также беззаботно, какъ прежде бывши студентомъ, въ ожиданіи онаго рѣшенія отъ обстоятельствъ". Въ концѣ концовъ, дѣло о переводѣ въ Академію А. В—чъ предоставлялъ на собственное рѣшеніе Ѳ. А—ча. „Своя воля, свой выборъ, — говорилъ ему въ заключеніи письма А. В—чъ, — для меня всего опаснѣе. Ваша воля и Вашъ выборъ для меня будутъ столько же священны, сколько воля и назначеніе самого Промысла. Ибо невидимый Промыслитель не оставляетъ насъ и безъ видимыхъ" [1]).

Послѣ такого письма Ѳ. А—чъ, видно, не настаивалъ на своемъ предложеніи, а А. В. остался въ семинаріи; впрочемъ, — не надолго: своей судьбы не пришлось ему передѣлать. Въ іюнѣ въ Академіи скончался баккалавръ церковной исторіи Ѳ. А. Терновскій-Платоновъ, и А. В. переведенъ на его мѣсто.

Въ семинаріи А. В—чъ „проходилъ свою должность съ отличною дѣятельностію и превосходнымъ успѣхомъ" [2]), и потому, съ переходомъ его въ Академію, она лишилась въ немъ даровитаго и усерднаго къ дѣлу наставника. Впрочемъ, несомнѣнно, этотъ переходъ совершился къ лучшему — для учебнаго дѣла и для науки. Останься А. В—чъ въ Москвѣ, — онъ быть можетъ постепенно увлекся бы въ круговоротъ столичной жизни, женился-бы, а тамъ-Богъ вѣсть, что-бы съ нимъ было; очень просто — затерялся-бы въ толпѣ, какъ и тысячи другихъ многообѣщавшихъ дѣя-

[1]) Письмо А. В—ча къ Ѳ. А. Голубинскому отъ 19 мая 1833 г., у Д. Ѳ. Голубинскаго.

[2]) См. аттестатъ, выданный ему изъ Правл. Семинар. при переходѣ на службу въ Акад. Въ дѣлахъ Семин. Правл. за $183^3/_4$ гг.

телей. Академія сохранила его отъ этого. — На новомъ мѣстѣ служенія А. В. совсѣмъ осѣлъ,—не покидалъ его до самой своей кончины. Это время обнимающее собою сорокъ слишкомъ лѣтъ, почти полвѣка, не богато ни особенными приключеніями въ личной жизни А. В—ча, ни выдающимся какими-либо грандіозными дѣлами на пользу собственно Академіи и студентовъ. Оно почти все утекло у него на выполненіе обычныхъ обязанностей службы и разныхъ порученій, какія то и дѣло возлагало на него то училищное, то епархіальное начальство, то различныя ученыя общества, собранія, коммиссіи, комитеты и т. п. учрежденія. Тутъ, дѣйствительно, не мало сдѣлано А. В—чемъ для отечественной науки и просвѣщенія; за то отъ этихъ учрежденій останется ему вѣчная благодарная память.

Переходъ А. В—ча въ Академію совершился въ вакацію, когда онъ послѣ семинарскихъ экзаменовъ отправился въ Кострому и жилъ тамъ у отца съ своею сестрой [1]); поэтому надо полагать, что дѣло это устроилось опять при посредствѣ и хлопотахъ Ѳ. А—ча.—Воспоминанія объ академіи въ теченіе года не могли еще изгладиться у А. В—ча, и онъ ѣхалъ въ нее послѣ лѣтнихъ каникулъ, подъ прежними впечатлѣніями о ней. Академія за этотъ годъ ни въ чемъ не измѣнилась; составъ служащихъ лицъ, порядки оставались все тѣ-же. Но теперь его отношенія къ ней существенно измѣнились: онъ вступалъ въ родныя стѣны уже не студентомъ, а въ число тѣхъ, которымъ вручено направлять и вести за собою другихъ. Привыкать къ этому новому своему положенію было недолго и не трудно для А. В—ча: на помощь ему и здѣсь являлся Ѳ. А—чъ, съ его предупредительными на все совѣтами, указаніями и наставленіями.

Первое время службы въ Академіи какъ-то темно въ жизни А. В—ча, и мы положительно не знали-бы, что о немъ сказать, если бы не сохранилось до насъ нѣсколько писемъ его отца и приписокъ на нихъ матери и брата.— Видно, академическая каѳедра только издали манила А. В—ча; а ближе, на дѣлѣ, она оказалась не столь привлекательной: была громада историческаго матеріала, который

---

[1]) См. письмо В. С. къ А. В. отъ 20 іюня 1833 г., въ арх. Горскаго.

нужно было обработывать; приходилось А. В—чу заниматься этимъ дѣломъ безъ устали, не зная покоя. Такъ съ А. В—мъ на первыхъ порахъ и было. Предъ святками отцу нужно было уговаривать его—ѣхать домой. „Во время святокъ, въ пятнадцать какихъ-нибудь дней, ты надѣешься,— писалъ онъ ему,—нѣсколько пожжать великана тринадцатистолѣтняго. Посмотри,—станетъ-ли силъ твоихъ, силъ безъ сумленія утомленныхъ, изнуренныхъ, измученныхъ? Не лучше ли дать онымъ нѣкоторую ослабу? Постоянное, безослабное напряженіе не всегда благоуспѣшно“ [1]). И не смотря на это А. В. всетаки не поѣхалъ. За усиленной работой у него часто не хватало времени даже написать своимъ родителямъ; а долгое молчаніе его всегда ихъ безпокоило. Послѣ одного перерыва въ его перепискѣ, случившагося въ концѣ перваго учебнаго года, В. С. писалъ ему: „вотъ четвертая уже тому недѣля, какъ мы не видимъ твоихъ строчекъ, твоей даже чертиночки. — Пусть будетъ неоспоримою правдою, что у тебя нѣтъ свободнаго времени, что и минутами ты дорожишь; но мы не требуемъ отъ тебя обширныхъ вѣстей: я здоровъ—вотъ начало, вотъ средина, вотъ и заключеніе твоего къ намъ письма. — Писать будешь, — наказывалъ ему,—не отнимай у себя времени на пустыя росказни. И я для того не хочу писать болѣе, чтобы сберечь твое сокровище“ [2]). Мать это молчаніе положительно убивало. Съ скопившеюся на сердцѣ грустью въ письмѣ отца она писала ему: „другъ милой! не забылъ-ли ты кровныхъ своихъ, которымъ ничего нѣтъ тебя дороже? Что почта, то ожиданіе; что почта, то новая скука: четыре недѣли не знать о тебѣ, не легко и выговорить; а каково для сердца переносить? Милой нашъ, не томи насъ своею неизвѣстностію“. Родители, требуя отъ сына частой переписки съ ними, опасались за его здоровье. Недѣли за двѣ—за три до послѣдняго письма, отецъ ему писалъ: „главной, единственной предметъ нашей заботливости—твое здоровье. Видоки говорятъ, что ты на глаза ихъ, слава Богу, здоровъ; но вѣрить-ли тому, что говорятъ? Видоки твои люди временные, люди мимоходные, коимъ удалось на тебя взгля-

---

1) Письмо В. С. къ А. В. отъ 21 ноября 1833 г., въ арх. Горскаго.
2) Письмо В. С. къ А. В. отъ 19 іюня 1834 г., въ арх. Горскаго.

путь вскользь, нѣсколько минутъ. Между тѣмъ мы все-таки въ невольномъ сумнѣніи о твоемъ положеніи, — сумнѣніи тѣмъ болѣе и болѣе увеличивающемся, что занятія твои, приливаясь къ учебному берегу, возростаютъ со дня на день и не даютъ тебѣ, вѣрно, свободно подышать животворнымъ воздухомъ. Не заставляемъ писать тебя много; одно только у насъ на сердцѣ—твое здоровье. Si vales, bene est; nos quoque valemus“ [1]). Опасенія эти были не напрасны. Постоянная напряженность умственныхъ силъ замѣтно повліяла на здоровье А. В., такъ что отецъ однажды съ горестію писалъ ему: „былъ у насъ живой свидѣтель быта твоего. Онъ не скрылъ отъ насъ, что ты чрезъ мѣру, безъ пощады жертвуешь собою академическимъ трудамъ. Онъ удивляется и безцвѣтности и худобѣ и 25-ти лѣтней твоей старости. Это значитъ, что дѣла тебя замучили. Но вѣдь всего не захватить, всего не вычерпаешь. Будешь беречь себя, на дольше тебя станетъ. Ты сохнешь отъ себя, а мы сохнемъ и отъ тебя и за тебя. Не огорчись моими выраженіями, онѣ скатились у меня съ пера невольно. Любовь наша къ тебѣ горяча—притворяться не умѣетъ и не хочетъ. Если ты себя не любишь, такъ мы тебя любимъ и любить не перестанемъ“. Тоже самое замѣчали и говорили А. В—чу и со стороны. Одинъ землякъ его какъ то писалъ ему изъ Костромы: „жалѣю, очень жалѣю, что Вы любя мудрость, не любите себя; мнѣ сказали, что Вы уже не тотъ А. В—чъ бодрый, крѣпкій, мощный, румяный, каковъ были прежде, но пустынный и съ могильной физіономіей. Что Вы сдѣлали съ Батюшкою и Матушкою Вашими? Я за Васъ опасаюсь“ [2]).

Понятно,—съ какимъ всегда нетерпѣніемъ отецъ и мать ожидали пріѣзда къ себѣ сына. Мечтать объ этомъ они начинали чуть-ли не за мѣсяцъ и по пальцамъ высчитывали тѣ дни, когда должны будутъ увидѣться съ своимъ „милымъ другомъ“ А. В—чемъ. „Скоро-ли будетъ роздыхъ нашей перепискѣ?—писалъ однажды ему предъ вакаціей отецъ.—Почти цѣлый мѣсяцъ до каникуловъ! Времени по видимому не много; но для ожидающихъ и ожидаемаго оно

---

[1]) Письмо В. С. къ А. В. отъ 8 іюня 1834 г., у О. И. Салмановой.

[2]) Письмо къ А. В—чу Маевскаго, въ арх. Горскаго.

значительно. Вооружимся терпѣніемъ. Были опыты, что солнышко то останавливалось, то взадъ подвигалось, но впередъ никакая сила его еще не талкивала! Вооружимся терпѣніемъ!“ [1]). А въ послѣдніе передъ пріѣздомъ дни они просто томились ожиданіемъ, и это не скрывали въ письмахъ къ сыну.

Предъ вакаціей 1835 года В. С—чъ писалъ ему: „Вотъ уже 25-е Іюня. Теперь каждая тройка лихихъ и усталыхъ, каждой звукъ валдайскаго пѣуна или простого бубенчика—и глазъ и ухо невольнымъ образомъ и рано по утру, и поздно къ вечеру и въ знойной часъ полдневной будутъ манить насъ то къ окошку на берегъ волжскій, то къ воротамъ на улицу. Мы никакъ не воображаемъ, чтобы ты согласился безъ сильныхъ резоновъ томить нашу нетерпѣливость своею отсрочкою!“ [2]) За то, когда А. В—чъ пріѣзжалъ домой, тамъ не знали какъ его лучше принять, какія удовольствія ему лучше доставить. А. В—чъ больше всего любилъ покой и свободу. Родители это знали; В. С—чъ разъ потому и писалъ ему, приглашая его домой: „у насъ ты найдешь безмятежный отдыхъ, свободный пріютъ. Новый халатъ — на диванѣ, новые сафьянные сапоги подлѣ дивана давно давно тебя ждутъ для спальнаго наряда“; — какъ будто старался заманить его этимъ. Въ другомъ Вл. Васильевичъ изъ Петербурга пишетъ: „я съ вами и теперь у Васъ, вижу всѣхъ. Вотъ братецъ сидитъ вокругъ круглаго стола, играетъ съ маленькимъ—миленькимъ Сашенькою; подлѣ него маменька крестная,—тетенька Марѳа, а тутъ противъ братца сидитъ сестрица и держитъ на рукахъ Сашиньку,—и среди всѣхъ—маминька. Папинька за вечерней. Ну не правда-ли, что я у Васъ?“ [3]) Дни пребыванія А. В—ча въ Костромѣ были настоящимъ праздникомъ у родителей: родственники и знакомые, одинъ за другимъ спѣшили увидаться съ рѣдкимъ гостемъ В. С—ча и потому его домъ былъ всегда полонъ посѣтителями. А. В—чъ послѣ ни у кого не оставался въ долгу,—вмѣстѣ съ В. С. онъ всѣхъ обходилъ. Гостилъ дома онъ очень

---

1) Письмо В. С. къ А. В. отъ 20 іюня 1833 г., въ арх. Горскаго.
2) Письмо у О. П. Салмановой.
3) Письмо Вл. В—ча къ В. С-чу отъ 25 дек. 1837 г., у О. П. Салмановой.

не долго, лѣтомъ—недѣли двѣ [1]), а на святкахъ и на Пасхѣ и того меньше. За отсутствіемъ желѣзной дороги путешествія туда совершались на ямскихъ—въ обществѣ какого-либо земляка-студента [2]). Описаніе одной такой поѣздки было сдѣлано самимъ А. В—чемъ.

Мы говорили о чрезмѣрныхъ трудахъ А. В—ча и объясняли ихъ громадою историческаго матеріала, который приходилось ему разработывать для своихъ лекцій. Но эти труды увеличивались еще отъ добровольно взятой имъ на себя должности секретаря Академическаго Правленія по Казанскому округу. Кто хотя не много знакомъ съ канцелярской работой, тотъ, безъ сомнѣнія, пойметъ, чего она стоила А. В—чу. А тутъ еще, послѣ перемѣны въ 1836 г. ректора въ Академіи, митрополитъ потребовалъ донесенія о состояніи архива. Хранившіяся въ немъ дѣла, благодаря невнимательному къ нимъ отношенію ректора Поликарпа, находились въ страшномъ безпорядкѣ: одни были не рѣшены еще съ 20-хъ годовъ, другіе не полны, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ не оказалось въ архивѣ. Нужно было ихъ разыскивать, снимать съ нихъ копіи, составлять имъ реэстры, приводить все въ надлежащій порядокъ. Труда было не мало. Въ началѣ этимъ смущался и самъ ректоръ Филаретъ, когда просилъ у митрополита снисхожденія и вразумленія. Митрополитъ постарался ободрить его и отвѣчалъ ему: миръ съ вами. Не скучайте затрудненіями. Запущенное приводить въ порядокъ обыкновенно затруднительно. Богъ пошлетъ помощь и облегченіе“ [3]). Чрезъ пять мѣсяцевъ требованіе митрополита, наконецъ, было исполнено; онъ остался доволенъ. А. В—чъ самъ почувствовалъ свое облегченіе и на другой день записалъ въ дневникѣ: „вчера я увидѣлъ плодъ долговременнаго занятія трудомъ, казавшимся мнѣ самымъ скучнымъ и безплоднымъ. Какъ жалѣю я, что не нашлось у меня безропотной покорности, когда

---

[1]) См. въ письмѣ А. В. къ К. И. Невоструеву отъ 26 Марта 1857 г. въ арх. Гор—го.

[2]) См. письмо къ А. В—чу Павла Казанскаго (бывш. препод. Нижегор. Семинар.) отъ 27 Дек. 1852 г., въ арх. Гор—го.

[3]) У С. К. Смирнова, 254.

только приступалъ къ этому труду. Тогда плодъ для меня былъ бы двойной“ [1]).

Этотъ годъ и вообще былъ тяжелъ для А. В—ча. Его домъ посѣтило семейное несчастіе: умеръ мужъ сестры и она послѣ того принуждена была съ оставшимся малюткою мыкать горе въ домѣ у родителей [2]). — Братъ въ это время въ семинаріи кончалъ курсъ. А. В—чъ думалъ провести четыре года его академическаго образованія вмѣстѣ и льстилъ себя надеждою, что самъ будетъ въ состояніи помогать ему на пути новой его жизни [3]). Но случилось вопреки всякихъ ожиданій: вмѣсто Московской братъ былъ посланъ въ Петербургскую академію. Хорошо еще, что тамъ профессорствовалъ давнишній другъ А. В—ча Д. Ѳ. Вознесенскій и ему можно было поручить брата: а то его и родительское сердце тоже не знало-бы себѣ покоя.

Слѣдующій 1837 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ жизни А. В—ча: онъ столкнулъ его лицомъ къ лицу съ самимъ митроп. Филаретомъ, а это подѣйствовало на всю его судьбу. Случилось это просто. Въ іюнѣ шли въ академіи публичные экзамены; по обыкновенію присутствовалъ на нихъ и митр. Филаретъ. Когда очередь дошла до экзамена по церковной исторіи, тутъ то и повстрѣчались между собой молодой профессоръ и свѣтило церкви—митр. Филаретъ. А. В—чу привелось держать довольно длинный диспутъ съ владыкой по предмету своихъ лекцій [4]). Митрополитъ, видимо, пыталъ его самъ и въ концѣ убѣдился въ его правоспособности занимать такую серьезную каѳедру. Съ этихъ соб-

---

[1]) Прибавл. къ Тв. Св. Оо. XXXIV, 175.

[2]) Письмо А. В. къ какому-то родственнику архіерею отъ 25 апр. 1837 г., въ арх. Горскаго. „Вашему Преосвященству не безызвѣстно, что сестра моя была выдана въ Москву за баккалавра П. П. Птицына, который, оставивъ училищную службу, опредѣлился здѣсь во священники. 20 ноября прошедшаго года послѣ пятилѣтняго супружества она овдовѣла, оставшись съ однимъ сиротою, который впрочемъ и самъ недѣль черезъ семь послѣ того померъ. Какъ во время болѣзни П. П., такъ и по смерти его я нѣсколько времени жилъ въ Москвѣ; пріѣзжали къ намъ и родители, оплакивали горе сестрицы и управившись со всѣми дѣлами взяли ее къ себѣ“.

[3]) См. черновое письмо А В. къ профессору С.-Петерб. Акад. Дм. Ѳед. Вознесенскому, въ арх. Горскаго (безъ даты).

[4]) Дневникъ. Приб., XXXIV, 133.

ственно поръ и начинаются близкія отношенія А. В. къ митр. Филарету и быстрое его повышеніе по службѣ. Въ томъ же году онъ былъ возведенъ въ экстраординарные профессоры, а чрезъ два года въ ординарные. Тогда же стали давать А. В—чу и разныя порученія и работу [1]). Такъ въ видѣ первоначальнаго опыта ему поручено было составить священную географію для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ [2]); а потомъ еще: пересмотрѣть и исправить книгу: „краткое описаніе Сергіевой лавры“ [3]), (составленное кѣмъ то въ 1829 году).—Порученія эти съ каждымъ годомъ стали все учащаться и учащаться.

Къ этому времени почувствовалъ свои силы и самъ А. В. Въ теченіе пяти-шести лѣтъ онъ настолько освоился съ своимъ предметомъ, что академическая библіотека не стала удовлетворять его и онъ рѣшился заглянуть въ другія книгохранилища. Возникла мысль, явился и спутникъ—ректоръ Филаретъ (Гумилевскій). Экскурсія съ учеными цѣлями состоялась лѣтомъ 1840 года. Филаретъ жилъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Соглашеніе съ нимъ, видно, сдѣлано было раньше; ибо изъ Москвы онъ уже писалъ А. В—чу: „хотя митрополиту не говорилъ я о поѣздкѣ въ Іосифовъ монастырь, но нѣтъ причинъ — сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ не позволилъ ѣхать. Съ другой стороны мнѣ хочется скорѣе отсюда уѣхать, между тѣмъ какъ въ Академіи дѣлъ нѣтъ. Итакъ соберитесь, какъ только получите письмо и пріѣзжайте сюда. Возьмите пожалуйста: а) тетрадь, въ которой съ синодальной рукописи записаны церковные писатели, коихъ сочиненія есть на славянскомъ; б) описаніе рукописей графа Толстаго, в) Калайдовичевы

---

[1]) См. брошюру: „Памяти ректора М. Д. А. прот. А. В. Горскаго“, стр. 3.

[2]) Письмо А. В. къ брату отъ 21 окт. 1841 года, у О. П. Салмановой.—„Я занимаюсь теперь географіею св. земли. Цѣль этихъ занятій та, чтобы, по назначенію начальства, составить книжку для преподаванія въ Семинаріяхъ при Церковно-библейской Исторіи. Что изъ этого выдетъ впослѣдствіи, не знаю, но я нахожу для себя большое утѣшеніе мысленно путешествовать по св. землѣ. Всѣ событія тамъ совершившіяся становятся въ памяти живѣе отъ соображенія мѣстныхъ обстоятельствъ, языкъ священ. писателей, ихъ описывавшихъ, удобовразумительнѣе“.

[3]) См. въ дѣлахъ Акад. Прав. за 1840-й годъ, № 10.

памятники XII в. и Экзарха Болгарскаго“ [1]). А. В—чъ, конечно, долго ждать себя не заставилъ, и они, во всеоружіи ученыхъ вспомогательныхъ средствъ, отправились въ путь. Сообщая послѣ кое-что объ этой поѣздкѣ брату (тогда Пекинскому миссіонеру), А. В. писалъ ему: „въ настоящую вакацію, не успѣвъ побывать дома въ свое время, я воспользовался ся днями, чтобы посмотрѣть ближайшія обители, извѣстныя по богатымъ историческимъ воспоминаніямъ. Я видѣлъ монастыри: Воскресенскій или Новый Іерусалимъ, основанный патр. Никономъ, и Іосифовъ Волоколамскій; на обратномъ пути изъ Волоколамскаго монастыря былъ въ Пѣшношскомъ, и видѣлъ Дмитровъ, бывшій прежде столицею княженія Дмитровскаго. Главною цѣлію, при посѣщеніи двухъ первыхъ мѣстъ, было поискать въ тамошнихъ библіотекахъ новыхъ матеріаловъ для Русской Церковной исторіи; это заставило пробыть въ Волоколамскомъ монастырѣ, совершенно глухомъ и уединенномъ, болѣе трехъ сутокъ,—сколько позволили обстоятельства. Не попадавшіяся прежде подъ руки сочиненія самого Іосифа, его учениковъ и другихъ лицъ, здѣсь найденныя, вознаградили мое любопытство. Монастырь Воскресенскій не столько представилъ пищи для ученаго любопытства: но одна мысль, что въ семъ монастырѣ, въ его великолѣпномъ храмѣ Воскресенія Христова,—такъ сказать, повторена святыня Іерусалимская, представлено въ ближайшемъ подобіи все, что желалось-бы видѣть на землѣ, ставило его всегда высоко въ душѣ моей. Храмъ великолѣпный снаружи, поражалъ величественностію и внутри; но скудость нынѣшнихъ способовъ содержанія не позволяетъ держать его въ соотвѣтственномъ его величію убранствѣ. Гробъ Іисусовъ и друг. памятники послѣдняго Его пребыванія на землѣ, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и здѣсь, не отличаются пышностію и богатствомъ.—Тѣмъ глубже это дѣйствуетъ на душу созерцающую сію святыню“. Въ заключеніе А. В. совѣтовалъ брату, когда онъ вернется въ Россію, — самому побывать въ монастырѣ: онъ недалеко отъ столицы, а между тѣмъ такъ

---

[1]) Письмо Филарета къ А. В—чу отъ іюля 1840 г. въ „Прибавлен“. XXXI, стр. 203.

много содержитъ въ себѣ предметовъ для вѣчной памяти [1]). Объѣздъ монастырей, въ общемъ, немного занялъ времени. Къ половинѣ августа А. В—чъ былъ уже въ академіи и—едва было не принялъ монашество.

Въ дневникѣ подъ шестнадцатымъ августа, днемъ рожденія, у него записано: „нынѣшнее новолѣтіе моей жизни представилось мнѣ благовременнымъ къ заключенію моего неопредѣленнаго состоянія. По благости Божіей, мнѣ уже 28 лѣтъ; послѣднихъ восьми лѣтъ было достаточно для того, чтобы естественныя расположенія къ тому или другому званію могли опредѣлиться и обнаружить самихъ себя, Отличія свѣтскихъ почестей меня не прельщаютъ. Единственное званіе, къ которому располагаютъ меня и рожденіе и воспитаніе, и образованіе и любовь, и достоинство, есть духовное званіе. Въ немъ три вида служенія: ученое, бѣлаго духовенства и иночества.—Первое, извѣстное мнѣ по собственному опыту, имѣетъ ту невыгоду, что даетъ работу почти одной головѣ. Сколько ни высоко цѣнится образованіе ума, но и по христіанскимъ правиламъ, и по сужденію здраваго смысла, не въ этомъ заключается вся цѣль человѣка. Служеніе бѣлаго духовенства, высокое само по себѣ, носитъ въ себѣ особую печать благословенія Божія въ томъ смиренномъ видѣ, какой усвоенъ ему въ церкви. Я сталъ бы просить Бога, чтобы Онъ удостоилъ и мнѣ быть въ числѣ такихъ служителей, если бы съ симъ не соединялось, по нашимъ установленіямъ церковнымъ, требованіе прежде вступить въ бракъ. Такое требованіе не совмѣстимо съ угрюмыми привычками къ одинокой жизни, уже укоренившимися во мнѣ, и вообще съ нерасположеніемъ къ супружеской жизни. Смиренный путь иноческой жизни въ томъ мѣстѣ, гдѣ нахожусь я теперь, могъ бы доставить мнѣ все, что представляется лучшаго въ томъ, или другомъ, или третьемъ видѣ духовнаго служенія. Ученыя занятія соединялись-бы съ съ жизнію по правиламъ, руководствовавшимъ уже многихъ къ духовному совершенству; жизнь подкрѣплялась-бы благодатію священнодѣйствія. Каждому надобно помнить, что одинъ намъ путь ко спасенію—покаяніе, самоотверженіе и преданность Богу. Поэтому кто рѣ-

[1]) Письмо А. В—ча къ брату въ Пекинъ отъ 21 окт. 1840 г. у О. П. Салмановой.

шается, оставивъ все, идти симъ спасительнымъ путемъ, тотъ, хотя бы былъ въ мірѣ, не могъ бы жить по общимъ правиламъ; сталъ бы отличаться отъ міра во всѣхъ своихъ поступкахъ, во всей жизни. Что же удивительнаго, если такой человѣкъ ищетъ особаго мѣста для жизни своей— вступаетъ въ монастырь. Не возбуждаетъ-ли напротивъ радость мысль о такомъ человѣкѣ, который, помня свой христіанскій долгъ, поспѣшаетъ укрыться подъ сѣнь, приготовленную церковію, чтобы не погубить таящееся благочестивое стремленіе? И когда онъ строго исполняетъ свои правила, не связанный никакими другими заботами, только занятый душевнымъ спасеніемъ, то какъ не ублажать его подвиговъ?“ — Оказывается, — это было черновое письмо А. В—ча къ родителямъ, въ которомъ онъ просилъ у нихъ совѣта и благословенія на задуманное имъ дѣло, переписанное только въ дневникъ—для памяти. Огорченный В. С. въ отвѣтъ написалъ ему: „неожиданная, невоображаемая нами вѣсть твоя въ такое насъ поставила положеніе, въ какомъ бываютъ обыкновенно оглушенные внезапнымъ, жестокимъ ударомъ громовымъ! И мысль, и перо не знаютъ до сихъ поръ, что отвѣчать на твои строки. Двадцать восемь лѣтъ протекло твоей жизни! въ продолженіе этого твоего поприща мы ничего въ тебѣ для себя не видѣли, не чувствовали, кромѣ отрады, утѣшенія и радости. Слава Богу! Такими же пріятными, сладкими надеждами ласкали себя и въ будущемъ. Но что мы видимъ въ твоихъ предположеніяхъ?—Дѣйствительно, давно пора избрать тебѣ званіе болѣе опредѣленное, нежели просто ученое. Не только товарищи твои—многіе изъ младшихъ тебя опередили во многомъ. Мы никогда тебя не только своими желаніями, или убѣжденіями, даже мыслями не привязывали къ тому, чтобы цѣлый вѣкъ ты рылся въ одной ученой пыли. Благодаря Бога, на полѣ умозрѣнія ты достаточно собралъ для себя, нескудно посѣялъ для себя, нескудно посѣялъ для другихъ: имѣешь, безъ зазрѣнія совѣсти, всякое право оплодотворить умозрительное дѣятельнымъ,—и пожить собственно какъ будтобы для себя. Теперь—ужели иноческое званіе, и описываемое тобою и признаемое лучшимъ изъ званій, есть то единственное званіе, въ которомъ можно жить для себя и для Бога? Ученые иноки—не пустынники, въ кругу

общежитія они такіе свѣтильники, которыхъ передвигаютъ непрестанно съ мѣста на мѣсто, такъ что они живутъ болѣе чужимъ, нежели своимъ произволеніемъ. Въ такомъ треволненіи можно-ли быть мирну? Не блестящія почести, конечно, манятъ тебя подъ клобукъ и мантію; но это невозможно, чтобы дали твоему свѣтильнику стоять подъ спудомъ. Гдѣ же будетъ искомое тобою мирное, безмятежное пристанище собственно для твоей духовной жизни? Хвалить передъ тобою, или чернить какое-бы то ни было состояніе, я не хочу; потому что всякое состояніе въ кругу общежитія человѣческаго, какъ провидѣніемъ Божіимъ установленное, хорошо: слѣдовательно, путь къ небу есть изъ всякаго званія.—Впрочемъ, на бумагѣ, перомъ я не въ состояніи выразить того, что бы, кажется, вылилось изъ души моей тебѣ на словахъ,—и особенно изъ души твоей маменьки, сестры и родныхъ. Я не предполагаю, чтобы открытая тобою намъ рѣшительность твоя такъ могла быть близка къ концу своему, чтобы ты лишилъ насъ удовольствія видѣть тебя въ Костромѣ на святкахъ. Въ этой надеждѣ свиданія твоего съ нами находя успокоеніе, кладу и перо мое на покой до будущихъ твоихъ пріятнѣйшихъ для насъ строкъ“ [1]). А мать, въ слезахъ и на колѣняхъ, умоляла его сжалиться надъ ними и не отнимать у нихъ послѣдняго утѣшенія. „Милый другъ нашъ,—писала она,—А. В—чъ! Какое мы письмо отъ васъ получили! оно такъ насъ поразило. День твоего ангела весь провели въ тоскѣ и слезахъ—папенька и я и сестрица твоя. Съ ней я довольно поплакала. Не забыли мы проводы Володеньки,—но они легче того, что ты вздумалъ. На колѣняхъ молю тебя—не говорю, что плачу: слезы всегда со мною—и прошу: сжалься надъ нами, тебѣ быть нашимъ утѣшеніемъ. Вздумать не могу о тебѣ,—какую долю выбираешь себѣ! Такою скорбію объято сердце мое, что объяснить тебѣ не могу [2]). Эти родительскія убѣжденія и просьбы подѣйствовали на А. В—ча, и онъ больше самъ не говорилъ о монашествѣ.

Встревоженное проводами Вл. В—ча и едва было не осуществившимся намѣреніемъ А. В—ча чувство родителей

---

1) Письмо В. С. къ А. В. отъ 2 Сент. 1840 г., у. О. П. Салмановой.
2) Приписка ея на письмѣ В. С. отъ 2 Сент.

нѣсколько успокоилось другимъ семейнымъ событіемъ—вторичнымъ бракомъ дочери. Ю. В—на была еще молода и полна свѣжихъ силъ; а между тѣмъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выдвигался вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ ея, въ случаѣ смерти родителей. Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія и ей самой и родителямъ представлялся выходъ замужъ. Еще въ 1839 году въ самомъ началѣ, когда Ю. В—на гостила въ Галичѣ у своего дядюшки—смотрителя духовнаго училища, выискался человѣкъ, который готовъ былъ „замѣнить собою ея потерю“ [1]). Но тогда дѣло почему-то не пришло къ желанной развязкѣ. Теперь просилъ ея руки нѣкто П. Н. Губастовъ. Родителямъ не было повода отказывать ему и бракъ дочери состоялся.— Чрезъ нѣсколько времени, 24 Марта 1841 года, В. С—чъ писалъ въ Китай Вл. В—чу: „Петръ Николаевичъ и Ю. В—вна радуютъ собою наше старѣющее одиночество. На прошедшихъ дняхъ Ю. В—на купила усадебку. Китайскій миссіонеръ, возвратившись изъ Пекина, въ Пріютѣ сестры своей найдетъ себѣ пріютъ. Усадьба называется Пріютомъ; отъ Костромы въ 25 верстахъ, при ней—деревня и двадцать душъ мужеска пола крестьянъ задѣльныхъ. Вотъ наши собственныя вѣсти“ [1]).

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ жизни Московской Академіи случилось нѣчто особенное, что усилило еще болѣе ея ученую дѣятельность. Опредѣленіемъ Св. Сѵнода, состоявшимся въ декабрѣ 1840 года, постановлено было издавать при ней журналъ съ переводами твореній св. Отцевъ и съ прибавленіями духовнаго содержанія. Заботы объ изданіи журнала начались въ Академіи давно—со времени вступленія на должность ректора Филарета и даже нѣсколько ранѣе. Филаретъ назначенъ ректоромъ въ декабрѣ 1835 года, а въ половинѣ октября этого года, когда Филаретъ былъ еще инспекторомъ, у митрополита уже находился на разсмотрѣніи его проэктъ академическаго изданія. Но сразу дѣло хода получить немогло; ибо митрополитъ не находилъ

---

[1]) См. письмо къ А. В. І. Бѣляева отъ 26 Февраля 1839 г., въ арх. Гор—го. Сн. письмо В. С. къ Вл. В. отъ 1839 г. безъ точной даты (у О. П. Салмановой):—„Я тебѣ передамъ такую вѣсть, которая не можетъ не занять, какъ своею и неожиданностію, такъ и близостію къ твоему сердечку. Нашелся человѣкъ, который рѣшается замѣнить собою и нашу и ея потерю“.

полезнымъ спѣшить осуществленіемъ задуманнаго предпріятія. Въ 1836 году онъ писалъ Филарету: „дѣло не созрѣло для исполненія въ 1836 году, а надежнѣе продолжать готовиться къ 1837 году". Въ Академіи и готовились къ нему этотъ и еще два года. Наконецъ, въ 40 году, указомъ Св. Cynода оно было рѣшено. Академіи предоставлено было для разсмотрѣнія переводовъ и сочиненій, предназначаемыхъ къ печатанію въ изданіи, составить комитетъ, который въ іюнѣ 1841 года и былъ составленъ изъ четырехъ членовъ — инспектора Академіи и профессоровъ: Голубинскаго, Делицына и А. В — ча, подъ предсѣдательствомъ ректора. Въ январѣ слѣдующаго года редакціонный комитетъ представилъ митрополиту на усмотрѣніе переводъ первыхъ трехъ словъ св. Григорія Богослова, предназначенныхъ для помѣщенія въ первой книжкѣ изданія (съ приложеніемъ подлинника) и статьи для прибавленій къ ней. Митрополитъ не одобрилъ перевода и возвратилъ его въ Академію, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями на него. Въ октябрѣ переводъ былъ пересмотрѣнъ вновь, исправленъ и опять представленъ митрополиту; въ этотъ разъ члены редакціоннаго комитета просили у него дозволенія начать изданіе журнала. Митрополитъ написалъ резолюцію: „Богъ благословитъ благое начинаніе благимъ успѣхомъ. Соглашаюсь на представленное", и журналъ съ 1843 года началъ издаваться [1]). Разумѣется, на первыхъ порахъ своего существованія журналъ требовалъ усиленной поддержки отъ профессоровъ. Это призывало ихъ къ болѣе энергичной дѣятельности: приходилось каждому усиленнѣе заниматься въ своей области и результаты добытыхъ знаній обнародывать въ видѣ статей въ академическомъ журналѣ. А. В—чъ особенно старался для изданія. Не выходило ни одной книжки, чтобъ онъ не помѣстилъ въ ней одну, а то двѣ и три своихъ статьи.

Главному организатору журнала — ректору Филарету не пришлось увидѣть на мѣстѣ плода своихъ трудовъ. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1841 года онъ былъ посланъ ревизоромъ въ Пензенскую и Тамбовскую семинаріи. Не успѣлъ онъ возвратиться оттуда, какъ въ октябрѣ опять былъ отправ-

[1]) См. объ академ. журн. у С. К. Смирнова, стр. 103—111.

ленъ въ Симбирскъ для производства изслѣдованія по дѣлу о какихъ-то безпорядкахъ въ семинаріи; въ концѣ октября, когда онъ былъ еще въ Симбирскѣ, ему и совсѣмъ пришлось проститься съ Академіей: онъ былъ назначенъ на епископскую каѳедру въ Ригу. Его мѣсто заступилъ инспекторъ, товарищъ по курсу А. В—ча, архимандритъ Евсевій (Орлинскій).

Въ мартѣ 1842 года А. В—чъ заболѣлъ. Что съ нимъ случилось—простое-ли какое заболѣваніе или обнаружилось переутомленіе отъ чрезмѣрныхъ занятій, мы не знаемъ. Болѣзнь, во всякомъ случаѣ, тяжела не была. Важно, впрочемъ, не это, а то, къ чему она привела. — Филаретъ, бывшій уже епископомъ, освѣдомившись о болѣзни А. В—ча, писалъ ему изъ Риги: „жалѣю душевно о твоей болѣзни. Христосъ Іисусъ Спаситель душъ и тѣлесъ да исцѣлитъ немощь твою. Будемъ молить Его, чтобы совершилось надъ нами воля Его. Мнѣ пришла мысль при семъ; не знаю, какъ она покажется душѣ твоей. Не принять-ли тебѣ на себя должность по библіотекѣ. Мнѣ кажется, что занятія въ ней, не будучи тяжкими, были бы полезнымъ упражненіемъ для ослабленно-физической жизни твоей; они заставляли бы по временамъ дѣлать порядочныя движенія тѣлесныя, а это нужно и цѣлительно-бы было для тѣла, не дѣлая вреда душѣ. Христосъ Господь Самъ да положитъ въ сердцѣ твоемъ полезное и нужное“ [1]). А. В—чъ принялъ совѣтъ и вступилъ въ должность. — Мы останавливаемся на этомъ потому, что двадцатилѣтнее (1842—1862) библіотекарство А. В—ча имѣло и для него и для Академіи огромное значеніе. Хотя и до этого времени А. В—чъ отлично успѣлъ познакомиться съ обширною литературой и своею и другихъ предметовъ, и перечиталъ множество книгъ и рукописей въ академической, лаврской и друг. библіотекахъ, но съ того времени, какъ онъ сталъ завѣдывать академическою библіотекою, онъ вовлеченъ былъ въ міръ книжный до такой степени, что отрывать его отъ занятій въ этомъ мірѣ значило отнимать у него лучшіе часы въ жизни. Стараніями А. В-ча значительно пополнился и самый составъ библіотеки, въ особенности по отдѣламъ бо-

[1]) Письмо Филарета отъ 1 Марта 1842 г. Приб., XXXI, 251.

гословскому и историческому. Все, что выходило лучшаго по этой части и у насъ и за границей, было неопустительно выписываемо въ библіотеку; и такъ какъ казенныхъ средствъ было недостаточно, то онъ употреблялъ большую часть своихъ средствъ на пріобрѣтеніе книгъ, изъ которыхъ составилась у него своя замѣчательная библіотека. Послѣ его смерти она перешла въ Академію; студенты и до сихъ поръ пользуются ея книгами и говорятъ за это спасибо А. В—чу.

Другимъ слѣдствіемъ случившейся съ А. В—чемъ болѣзни была его поѣздка въ Саввино-Сторожевскій монастырь. Когда, въ 1840 году, съ архим. Филаретомъ они ѣздили въ Новый Іерусалимъ, —имъ не пришлось, на обратномъ пути завернуть въ стоявшій нѣсколько въ сторонѣ Саввинъ монастырь; и послѣ не выдавалось случая въ немъ побывать, хотя монастырь находится отъ Москвы всего въ сорока верстахъ. Теперь послѣ болѣзни, еще не приступая къ обычнымъ своимъ занятіямъ, онъ и рѣшилъ отправиться въ него. О самой поѣздкѣ мы не знаемъ ничего; но не думаемъ, чтобы А. В—чъ возвратился изъ нея тощъ.

Путешествія одно за другимъ по монастырямъ зародили въ А. В—чѣ болѣе смѣлую мысль — съѣздить заграницу. Особенное вниманіе его привлекалъ къ себѣ христіанскій Востокъ: на его исторіи и теперь сосредоточивались всѣ ученыя работы А. В—ча. Въ началѣ 1842 года въ Константинополѣ освободилось мѣсто настоятеля посольской церкви. А. В—чъ и хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы осуществить свой планъ. Предварительно онъ написалъ объ этомъ въ Ригу къ преосв. Филарету. Но съ этой-то стороны и явилась задержка. Преосв. Филаретъ, зная А. В—ча и хорошо понимая положеніе посольскаго настоятеля, не совѣтовалъ ему оставлять Академіи и писалъ оттуда ему: „Другъ мой! Господа ради прошу тебя, оставь всякое помышленіе о Константинополѣ. Тебѣ дѣло это представилось совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Ты думаешь найти тамъ пищу для благочестивой любознательности или для благочестивыхъ подвиговъ въ преподаваніи истины Христовой. Нѣтъ, не того ожидаютъ отъ того, кого хотятъ туда послать. Тамъ хотятъ имѣть орудіе политики для переговоровъ. Имѣютъ нужду въ ловкомъ свѣт-

скомъ человѣкѣ, который бы умѣлъ подъ черною одеждою скрывать намѣренія земной мудрости. Мы съ тобою не рождены для подобной жизни; она убьетъ насъ“ [1]). А.В—чъ послушался добраго совѣта.

Мысль о путешествіи на Востокъ всетаки не покидала его. Чрезъ три года (въ 1845 г.) онъ опять ухватился за нее и едва было не уѣхалъ въ Іерусалимъ. Преосв. Филаретъ выражалъ ему свое полное сочувствіе. „Предпріятіе Ваше, писалъ онъ ему,—истинно доброе! Особенно хотѣлось-бы, чтобы Вамъ даны были средства быть полезнымъ своими трудами бѣдствующей Іерусалимской церкви. Протестанство пускаетъ тамъ корни, Больно то, что чистая вѣра стѣсняется въ своихъ границахъ“ [2]). А. В-чъ извѣстилъ о своемъ намѣреніи родителей. Отецъ, въ отвѣтномъ письмѣ, сначала удивляется, откуда могла явиться у сына такая мысль; потомъ входитъ въ ея ближайшее разсмотрѣніе и наконецъ даетъ свое благословеніе. „Письмо твое,—говорилось въ немъ,—задало намъ такой вопросъ, на который можно отвѣчать не вдругъ. Мысль путешествія въ края неблизкіе и чужіе, съ чего и давно-ли затаилась въ душѣ вашей? Кто заронилъ ее въ вашу душу? Мы слыхали отъ Васъ какъ то мимоходомъ ненарочно нѣсколько словъ, коими Вы выражали свое намѣреніе побывать вмѣсто прогулки во время роздыха учебнаго въ Воронежѣ и въ Кіевѣ, а не въ Іерусалимѣ, Египтѣ и Греціи: откуда рѣшимость пуститься въ области заотечественныя, заморскія? Видно удушливая пыль хартій архива патріаршаго стала уже стѣснять свободное дыханіе вашей любознательности. Вздумалось освѣжиться благотворнымъ бальзамическимъ, классическимъ, святымъ вѣяніемъ Востока!—Вотъ, что А. В-чъ сложилъ въ сердцѣ своемъ, и сложилъ, какъ видно, не слишкомъ въ продолжительное время, а вѣроятно—не далѣе 6-го февраля, когда онъ сталъ единогласно избранъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Императорскаго общества любителей исторіи и древностей Россійскихъ. Другъ нашъ милой! Не только доброе дѣло,—доброе намѣреніе, доброе предположеніе, имѣютъ свою добрую цѣну. Мы всегда были

---

[1]) Письма Филарета Черниговскаго. Прибавл. XXXIII, 551.
[2]) Письмо въ „Прибавл.“ XXXVI, 94.

въ тебѣ вполнѣ увѣрены и опытомъ дознали, что ты ни на что такое не рѣшишься, чего не обозришь со всѣхъ сторонъ, для тебя возможныхъ. Убѣждаясь этою внутреннею, много дознанною сознательностію, мы бы поступали противъ искренности своихъ чувствій сердечныхъ, если бы остановили какимъ-нибудь, не говорю—отказомъ,—противорѣчіемъ твое намѣреніе, вызванное цѣлями безъ сумнѣнія самыми благороднѣйшими. Когда ваше начальство не найдетъ съ своей стороны никакихъ препятствій удержать вашего желанія, и когда вы находите и средства удовлетворить вашему желанію безъ разстройства и круга вашихъ по должности занятій и круга вашего состоянія,—то съ нашей стороны остается одно только: Богъ благословитъ". Зная, что на такой далекій путь сыну потребуются деньги и—не мало, отецъ предлагаетъ ему отъ себя 150 руб. „Это правда,—говорилъ онъ ему въ письмѣ,—что въ капиталѣ, нужномъ для вашего пути, моя прибавочка будетъ не болѣе лепты или крупицы; но за то пойдетъ она отъ самаго чистаго сердца" [1]). Такимъ образомъ, повидимому все благопріятствовало поѣздкѣ: и одобреніе преосв. Филарета и согласіе родителей. Но и на этотъ разъ не суждено было осуществиться желанію А. В—ча. Спутникъ его М. П. Погодинъ, вызывавшійся и его вызывавшій на путешествіе, разстроился здоровьемъ и былъ не въ состояніи пуститься въ дорогу. Дальше Вологды въ это лѣто А. В. никуда не ѣздилъ [2]). Филаретъ послѣ еще разъ пытался устроить командировку А. В—ча на востокъ. Въ 1847 г. въ Ригу прибылъ изъ Св. Synода Сербиновичъ. Въ разговорѣ съ нимъ о миссіяхъ и миссіи на востокъ онъ замолвилъ было слово за А. В—ча; но ему Сербиновичъ отвѣчалъ, что „онъ не инокъ, а тамъ необходимъ инокъ" [3]). Мысли о заграничномъ путешествіи послѣ у А. В—ча никогда не возникало. Домашнія обстоятельства и усложнившіяся обязанности служебныя крѣпко приковали его къ мѣсту.

1846 и 1847 годы принесли въ домъ А. В—ча одни семейныя несчастія. Лѣтомъ 1846 г. умеръ мужъ Ю. В—ны;

---

[1]) Письмо В. С—ча къ А. В. отъ 8 Апр. 1845 г., у О. П. Салмановой.
[2]) Письмо В. С—ча къ Вл. В—чу отъ 22 Апр. 1846 г., у О. П. Салмановой.
[3]) Письмо Филарета къ А. В—чу „Прибавл. XXXVI, 125."

а чрезъ годъ, во время Костромскаго пожара, истребившаго почти половину города, сгорѣлъ ея домъ. Въ довершеніе всего этого, въ іюлѣ 1847 г. пришла въ Кострому печальная вѣсть о смерти Вл. В—ча. Несчастный страдалъ какою то грудною болѣзнію. Не желая тревожить родныхъ, онъ не писалъ имъ объ этомъ. Долго боролся онъ съ тяжелою болѣзнію; она не поддавалась леченію и онъ скончался,—вдали отъ родины, на чужихъ рукахъ. Родители и братъ узнали о его смерти лишь чрезъ пять мѣсяцевъ. Трудно себѣ и представить всю горесть родительскую по утратѣ дорогого, нѣжно любимаго сына. Отецъ убивался, мать и сестра неутѣшно плакали и не находили облегченія. Письмо В. С—ча въ Лавру къ сыну, отправленное имъ вскорѣ по полученіи скорбной вѣсти, все полно этого невыразимаго, неисчерпаемаго горя. „Другъ единственный,—такъ писалъ теперь ему В. С-чъ,—А. В-чъ! Читая вмѣстѣ съ вами послѣднее письмо изъ Пскина отъ 3-го марта, можно-ли бы подумать, что оно писано было рукою предсмертнаго уже страдальца? Ахъ! Безцѣнный Вл. В-чъ,—онъ берегъ не самого себя, а насъ! Пламенная только любовь его къ намъ могла выдержать такую геройскую тайну“. Далѣе въ письмѣ отецъ разсказываетъ, какъ дошла до нихъ вѣсть о смерти Вл. В-ча. 31-го іюля изъ Посада въ Кострому прибылъ нѣкто Ѳ. И. Красовскій; и въ кругу родныхъ своихъ тогда же разсказалъ имъ, что слышалъ и видѣлъ у А. В-ча. 1-го августа, когда послѣ хода на воду В. С. возвратился въ соборъ, В. Г. Зоринъ, второй соборный священникъ, родственникъ его, наканунѣ еще слышавшій о смерти Вл. В. и не желавшій самъ быть передатчикомъ печальной вѣсти, настоялъ, что-бы онъ непремѣнно повидался съ Красовскимъ. Отъ него-то и узналъ В. С. то, чего ни какъ не ожидалъ. „Вотъ,—пишетъ В. С.—какою кривою дорогою, но такъ прямо дошелъ до насъ горестнѣйшій ударъ! Дѣло было очевидное; но вѣрить никакъ не хотѣлось. Грудь стѣснялась, дыханіе запиралось, слезы текли невольно,—а мысль искала отрады въ сумнѣніи. Но сумнѣніе не устояло предъ истиною. Мы потеряли Вл. В-ча, потеряли друга, потеряли безцѣннаго сына!—Я перенесъ все слышанное въ домъ свой. Боже мой! Чего не дѣлала надъ собою сестра твоя горестная!“ Не говоря больше объ этомъ,

въ заключеніи письма отецъ проситъ А. В-ча беречь свое здоровье—хоть для нихъ [1]). Такая же тяжелая скорбь и горе слышатся и въ строкахъ матери. „Любезнѣйшій нашъ А. В-чъ! Какою горестію посѣтилъ насъ Господь! Не стало у насъ одного друга. Ахъ дѣти, дѣти! Чего вы стоите отцу и матери. Не даромъ я на васъ никогда не наглядѣлась. Господь съ тобою. Будь здоровъ“ [2]). Не скоро могли забыть родители свою потерю [3]).

Какъ встрѣтилъ и перенесъ горе самъ А. В-чъ, не знаемъ. Полагаемъ,—не мало было передумано и перечувствовано имъ за это время. Предъ своею смертію Вл. В-чъ, должно быть, отправилъ было къ нему одно письмо; но потомъ—не утерпѣлъ, и послалъ чрезъ нѣсколько дней, въ добавленіе другое, въ которомъ изложилъ свою послѣднюю къ нему просьбу. Именемъ всего для него дорогаго онъ просилъ его бросить холостую жизнь и жениться. „Нѣтъ! не могу молчать,—такъ начинается это письмо,—хотя и долженъ тебѣ сказать слово, прискорбное и тяжкое твоему сердцу. Братецъ, умоляю тебя именемъ нашихъ родителей,—именемъ братней любви,—брось холостую жизнь и женись скорѣе для утѣшенія нашихъ отца и матери, съ такимъ грустнымъ терпѣніемъ ожидающихъ и не могущихъ дождаться радости—видѣть потомство—въ прямой линіи, для поддержанія и существованія нашего рода. Боже мой! ужели мы должны быть истребителями имени, которое дала намъ родительская любовь! Ты знаешь мое положеніе, могу-ли я мечтать о семьѣ и семейной жизни? Если и пощадитъ Господь мою жизнь, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ носящій въ груди такую болѣзнь, какъ благородный человѣкъ, не желающій заѣдать чужаго вѣка,—долженъ совершенно отказаться отъ узъ брака. Самъ Господь указываетъ теперь путь, который должно тебѣ избрать. Сестра вдова,—при томъ же она не хранительница рода; я колеблюсь между жизнію и смертію, калѣка, годный только поступить въ какой-нибудь благотворительный домъ. Остался ты одинъ. Милый братецъ! Говорю отъ души и сердца,—душѣ моей прискорбно, невы-

---

[1]) Письмо В. С. къ А. В. отъ 5 Авг. 1847 г., у О. П. Салмановой.
[2]) Приписка матери на письмѣ В. С—ча отъ 5-го Августа 1847 г.
[3]) Письмо Евсевія (Орлинскаго) къ А. В—чу. Приб. XXXVII, 739.

носима мысль, что мы два брата, или по нежеланію или по невозможности, оба изгибнемъ холостяками, вслѣдствіе-ли закоренѣвшихъидей, или вслѣдствіе закоренѣвшей болѣзни схоронимъ честное имя батюшки на вѣки, какъ будто оно недостойно передачи потомству или запозорено страшнымъ и не смываемымъ пятномъ. Доколѣ былъ свѣжъ и здоровъ,— я никогда ни однимъ словомъ не касался этого предмета. Я думалъ, коли братъ не хочетъ быть семьяниномъ, то я буду имъ; значитъ, все равно,—долгъ предъ родителями и родомъ будетъ уплаченъ, А теперь не могу не молить, и молить тебя, безцѣнный братецъ, чтобы ты поддержалъ, обновилъ и далъ большую силу и крѣпость нашему дому, который, въ случаѣ если,—чего не дай Богъ!—и прежнія просьбы отца и матери и позднѣйшія мольбы полуживого брата не тронутъ твоего сердца,—погибнетъ на вѣки, брошенный тѣми, кто должны были бы созидать его, а не разрушать. Не огорчись жестокостію моихъ словъ; она вытекла изъ любви, любви пламенной къ тебѣ, нашему родному семейству и нашему роду. Братецъ, не одни иноки идутъ въ царство небесное! Не стану объ этомъ распространяться; ты самъ лучше меня знаешь настоящій предметъ, а потому лучше предоставить твоему благоразумію, которое да согрѣется любовію и подъ ея неложный голосъ произнесетъ отвѣтъ—благожеланный и спасительный для всѣхъ. Братецъ, я высказалъ тебѣ задушевную мольбу и желаю, чтобы она нашла въ тебѣ естественное и живое сочувствіе; только подъ этимъ условіемъ я прошу исполненія моей просьбы; но я далекъ отъ желанія—видѣть свою просьбу исполненною во чтобы то ни стало. Боже тебя сохрани отъ насилованія души. Если душа твоя и теперь останется холодною къ брачной жизни, и если эта холодность вытекаетъ изъ коренныхъ основаній души; то значитъ, такъ уже суждено намъ на роду, — и судьба нашего семейства не отразима! Только раздумай, любезнѣйшій братецъ, о всемъ этомъ дѣлѣ, взвѣсь все, что должно. Какой бы ни былъ твой отвѣтъ, я все равно буду любить тебя, моего единственнаго братца,— потому что буду вѣрить, что ты если не исполнилъ моей сердечнѣйшей просьбы, то безъ сомнѣнія по причинамъ, неотразимо требовавшимъ отказа. Да, братецъ, я буду любить тебя такъ же горячо и пламенно, какъ любилъ, какъ люблю,

какъ желаю, чтобы ты меня любилъ. Еще прости". Далѣе слѣдовала приписка: „написалъ я письмо домой одну четвертку, и то съ большимъ трудомъ; потому что старался писать получше, чтобъ по почерку не узнали моей болѣзни. Кажется, мое стараніе напрасно. Если дома будутъ дѣлать какія нибудь предположенія и недобрые выводы и извѣстятъ тебя о томъ, то употреби всѣ средства успокоить ихъ опасенія" [1]). Письмо Вл. В—ча было длинно. Онъ излилъ въ немъ всю свою душу, высказалъ все, что надумалъ, лежа на предсмертномъ одрѣ. Но какъ онъ ни просилъ, какъ ни молилъ А. В—ча жениться, тотъ не женился. Видно, его на это причины были сильнѣе предсмертной мольбы умирающаго брата.

Время все уноситъ съ собой. Потекли послѣ смерти Вл. В-ча годы, — улеглась понемногу и скорбь. А. В—чъ по прежнему весь отдался своему дѣлу. А дѣла только прибывало. Не прошли и два года, — А. В—чу дали новое порученіе, — такое, которое потребовало для себя не мало времени, не мало и знаній и труда. Въ Москвѣ съ давнихъ поръ существовала библіотека, такъ называемая — „Синодальная". Въ ней было столько разныхъ старинныхъ книгъ, рукописей, бумагъ и актовъ, что все это представляло богатѣйшій матеріалъ для исторіи русской церкви, какого не могло дать ни одно книгохранилище, ни одна библіотека [2]). А между тѣмъ матеріалъ этотъ оставался непроизводительнымъ: за неимѣніемъ настоящаго указателя къ нему имъ почти не возможно было пользоваться. Нужда въ подобномъ вспомогательномъ для ученыхъ историковъ средствѣ чувствовалась давно. Свѣтскія лица, соприкосновенныя съ историческою наукою, не разъ упрекали, и—вполнѣ справедливо, духовныя власти въ ихъ косности по этому дѣлу. Наконецъ, иниціативу его взялъ на себя м. Филаретъ. Въ маѣ 1849 года онъ писалъ къ ректору Академіи Алексію (Ржаницыну): „говорятъ, — чужіе люди предпринимаютъ безъ насъ для синодальной библіотеки то, о чемъ я давно думаю, не дости-

---

[1]) Письмо Вл.В—ча къ А.В—чу отъ 5-го Марта 1847 г., у О. П. Салмановой.— А. В. сверху помѣтилъ на немъ: продолженіе письма получ. 19 іюня 1847 г.

[2]) Подробно о Московск. Синодальн. библ. см. у Иконникова въ „Опытѣ русской исторіографіи".

гая дѣла,—именно составленіе отчетливаго каталога, и даже помышляютъ о напечатаніи. Посему скажите цензорамъ, чтобы, если что въ семъ родѣ явится въ цензуру, удержать отъ пропущенія, безъ представленія Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встрѣтится. — Но какъ желательно намъ самимъ, такъ какъ и нужно, сдѣлать дѣло, за несдѣланіе котораго могутъ укорить: то поговорите съ г. Горскимъ, не возмется-ли онъ за сіе дѣло съ нѣсколькими сотрудниками, которыхъ можно было-бы взять въ Москвѣ и которыхъ дѣло онъ направлялъ бы и повѣрялъ, посѣщая Москву по временамъ. Займитесь сею мыслію и дайте мнѣ отвѣтъ“ [1]). Письмо это рѣшило дѣло. Послѣ совѣта съ ректоромъ А. В. взялся за него [2]).

Нужно было ему найти способнаго себѣ помощника. Будучи профессоромъ, А. В—чъ зналъ всѣхъ студентовъ—и оканчивающихъ и окончившихъ курсъ въ Академіи; поэтому выбрать одного изъ нихъ въ сотрудники себѣ въ массѣ было не трудно. Вниманіе А. В—ча остановилось на преподавателѣ симбирской семинаріи Капитонѣ Ивановичѣ Невоструевѣ. Когда Невоструевъ былъ еще въ Академіи, онъ уже обнаруживалъ наклонности къ занятіямъ историческимъ; это было извѣстно А. В—чу. Получивъ потомъ мѣсто преподавателя Невоструевъ не охладѣлъ къ историческимъ и археологическимъ розысканіямъ и составлялъ описаніе монастырей симбирской епархіи. А. В—чъ, съ которымъ онъ по выходѣ изъ Академіи не прерывалъ письменныхъ сношеній, былъ дѣятельнымъ ему помощникомъ въ этомъ и совѣтомъ и дѣломъ. Теперь А. В—чъ и хотѣлъ привлечь его къ своей работѣ; требовалось только заручиться для этого личнымъ согласіемъ Невоструева. По этому поводу между ними и завязалась переписка. А. В—чъ 3 іюня писалъ ему въ Симбирскъ: „по порученію нашего Владыки я долженъ былъ принять на себя составленіе отчетливаго описанія славянскихъ рукописей синодальной библіотеки и для этого избрать себѣ сотрудника, который-бы на мѣстѣ могъ

---

1) См. письмо м. Филарета къ арх. Тверскому Алексію. Москва 1883 г. 45—46.

2) См. Дневникъ А. В—ча. Прибавл. XXXIV. 315. 319. 330. Ср. Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. Т. дополнител. 277.

вести это дѣло подъ моимъ надзоромъ и распоряженіемъ. Выборъ мой палъ на Васъ. Для этого Владыка согласился представить высшему начальству о вызовѣ Васъ въ Москву, съ освобожденіемъ отъ настоящихъ занятій Вашихъ при Семинаріи и съ производствомъ вамъ тѣхъ-же окладовъ, какими вы пользуетесь нынѣ на службѣ при Семинаріи. Для этого же даны будутъ вамъ въ Москвѣ и помѣщеніе въ Чудовѣ монастырѣ и два писца изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Семинаріи. Я же буду по временамъ пріѣзжать въ Москву, вмѣстѣ съ Вами разсматривать, какія рукописи какъ нужно описывать, помогать вамъ въ вашихъ изслѣдованіяхъ, и пр. и пр. Жду отъ васъ скораго отвѣта“ [1]).

На это письмо Невоструевъ отвѣчалъ А. В—чу, что разборъ синодальныхъ рукописей ему кажется дѣломъ чрезвычайнымъ для него,—что русскую исторію онъ знаетъ только фактически и то не по первоисточникамъ, свѣдѣній же библіографическихъ и филологическихъ, начитанности, что собственно требуется для описанія рукописей, онъ почти не имѣетъ. „И хотя,—говоритъ онъ,—я порядочно читаю и разумѣю рукописи XVI и XVII стол., но у Васъ совсѣмъ иное дѣло. Для этого надо быть Востоковымъ и Строевымъ, которые къ сему заранѣе готовились, жили въ Москвѣ, въ архивахъ и библіотекахъ, или всезнающимъ Евгеніемъ. При томъ и слабое зрѣніе и продолжительность труда, безконечнаго, какъ самая библіотека, смущаютъ меня. Но я и при воспитаніи и на должности занимался собственно богословскими науками и считалъ долгомъ своего званія для нихъ собственно трудиться и писать, а древностями (предполагая жить въ Москвѣ) заниматься въ моемъ родѣ второстепенно. Отнюдь такимъ образомъ не отказываюсь я отъ порученія, да и не могу ослушаться: но хочу токмо донести, что оно поставляетъ меня въ противорѣчіе, борьбу съ самимъ собою. И какъ бы дѣло ни рѣшилось: Божіе пріемлю назначеніе, потому успокоюсь и по мѣрѣ силъ моихъ буду трудиться: много и здѣсь привлекательностей и, какъ знаю, большая настоитъ нужда“ [2]). А. В—чъ поспѣшилъ

[1]) Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 3 іюня 1849 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо К. И—ча къ А. В—чу отъ 18 іюня 1849 г., въ арх. Горскаго.

успокоить его на счетъ трудности и недоступности предлагаемаго ему дѣла и писалъ ему: „Нечего страшиться предлагаемыхъ занятій. Потребныя дополнительныя свѣдѣнія историческія, библіографическія и др., сколько можно будетъ мнѣ отыскивать въ книгахъ нашей Академической библіотеки, я взялъ бы на себя доставлять вамъ. Чтеніе древнихъ рукописей не составляетъ никакого труда особенно для привыкшаго къ крючковатому письму нашихъ писцовъ XVI и XVII в. Что касается до слабости зрѣнія, не знаю, не преувеличиваете-ли ее. Для другихъ книжныхъ занятій зрѣніе не менѣе нужно, какъ и для описанія рукописей. Слѣдоват., если вы можете читать печатныя книги и въ томъ только находите себѣ удовольствіе, чтобы дѣлить время съ книгами: то нечего бояться за перемѣну труда. Вы жалѣете, что должны отстать отъ своихъ богословскихъ занятій: но для усовершенствованія своихъ познаній, при вашемъ неутомимомъ трудолюбіи, вы уже конечно сдѣлали довольно. Притомъ, предполагаемое описаніе не выводитъ насъ изъ круга церковныхъ наукъ, но открываетъ вамъ новую область, вводитъ въ ближайшее знакомство съ минувшимъ временемъ, которое однако же имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ нашимъ положеніемъ. Итакъ не отказывайтесь отъ дѣла“ [1]). Отказываться, послѣ такихъ доводовъ, было нечего, и Невоструевъ, въ концѣ августа, прибылъ въ Москву.

Само собою понятно, что такое большое и великоедѣло, какъ описаніе рукописей синодальной библіотеки, за которое принимались теперь А. В—чъ и Невоструевъ, требовало обстоятельныхъ предварительныхъ обсужденій задачи, порядка и способовъ, какими его вести. А. В. и воспользовался для этого пріѣздомъ къ нему Невоструева: они выяснили напередъ цѣль своего труда и составили потомъ для него особыя правила. По ихъ планамъ описаніе должно было явиться не „въ видѣ простой описи, служащей къ охраненію рукописей, или подробнаго перечня заключающихся въ нихъ статей“, а въ видѣ серьезнаго ученаго библіографическаго труда и имѣть цѣлью — „представить болѣе отчетливое о нихъ (т. е. рукописяхъ и статьяхъ) понятіе въ соображеніи съ вопросами ученой изыскательности, обращаю-

[1]) Письмо А. В. къ К. И—чу отъ 1 іюля 1849 г., въ арх. Горскаго.

щей вниманіе и на содержаніе и на языкъ древнихъ памятниковъ письменности. При этомъ, по характеру сихъ памятниковъ, большею частью церковныхъ, ученыя изысканія преимущественно должны были служить къ объясненію исторіи церкви, ея литературы и древностей“ [1]); а самая работа должна была производиться по такимъ правиламъ: „Рукописи располагать по ихъ содержанію, а затѣмъ—рукописямъ одного содержанія дать мѣсто однимъ за другими, по времени ихъ написанія. 2) Каждую рукопись описывать какъ бы она одна и была въ виду у описателя, но на столько насколько она представляетъ въ себѣ особенностей, не повторяющихся въ рукописяхъ одного съ нею содержанія: отмѣчать примѣты библіографическія, между прочимъ и правописаніе; обозначать содержаніе тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно болѣе отлично отъ содержанія такихъ же другихъ и при этомъ, имѣя въ виду разборъ нѣсколькихъ рукописей одинаковаго содержанія, обозрѣвать ихъ общее содержаніе въ разборѣ древнѣйшей изъ нихъ; выписывать всѣ приписки и т. п. 3) Съ разборомъ рукописей, заключающихъ въ себѣ замѣчательные памятники литературы, соединять разборъ самыхъ памятниковъ въ отношеніи къ содержанію и къ языку; а при разборѣ переводовъ и въ отношеніи къ правильности передачи подлинника. 4) Для оцѣнки переводовъ и извлеченій изъ произведеній греческихъ и другихъ чужеязычныхъ, всегда отыскивать источникъ, которымъ пользовался переводчикъ или извлекатель — и если нѣтъ его въ печатныхъ изданіяхъ, искать въ греческихъ рукописяхъ, въ синодальной библіотекѣ или въ другихъ доступныхъ. 5) Все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія и изслѣдованія, какъ въ главномъ содержаніи рукописи, такъ и во вставныхъ статьяхъ и въ припискахъ, должно-быть по мѣрѣ возможности изслѣдовано и объяснено. 6) Всѣ выписки изъ рукописей, какъ-бы ни были онѣ велики или малы, должны быть передаваемы въ описаніи съ буквальною точностію“ [2]).

Имѣя подъ рукою такія руководственныя правила, Невоструевъ, по возвращеніи въ Москву, не медля приступилъ

---

[1]) См. предисловіе къ первому тому „Описанія славянскихъ рукописей Моск. Синод. б—ки“ Гор—го и Невоструева.

[2]) Тамъ же.

къ описанію. — „Господь да благословитъ доброе начало трудовъ вашихъ, любезнѣйшій Капитонъ Ивановичъ! — писалъ ему А. В—чъ, когда тотъ извѣстилъ его объ этомъ. — Доброе творяще, да не стужаемся его [1]).

Стыдиться такого дѣла, да еще лицу духовному, вовсе не приходилось, когда взяться за него не стыдились люди свѣтскіе; а они готовы были взяться. — Когда стало извѣстно, что А. В—чу съ Невоструевымъ поручено описать синодальную библіотеку, къ нему въ Лавру явился В. М. Ундольскій—(извѣстный библіографъ, служившій тогда въ Москвѣ въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ) и предлагалъ отдѣлить ему и М. П. Погодину (историку) для описанія какую-нибудь часть рукописей. А. В—чъ, не зная, какъ взглянетъ на предлагаемую услугу митрополитъ, отвѣчалъ Ундольскому, что это дѣло не его, — что порученіемъ, сдѣланнымъ отъ начальства, онъ не можетъ располагать по своему: онъ можетъ все передать другому, если будетъ приказано, и не имѣетъ права ничего самъ по себѣ передавать [2]). Ундольскій, возвратившись въ Москву, вошелъ съ ходатайствомъ къ митрополиту и подалъ ему просьбу и объяснительную при ней записку. Митрополитъ, выслушавъ то и другое, повидимому, самъ колебался и не зналъ, какъ лучше поступить: оставить-ли описаніе рукописей за Невоструевымъ и А. В—чемъ, или передать его тѣмъ, кто уже занимался подобной работой и заявилъ себя въ ней [3]). Въ концѣ онъ пришелъ къ тому рѣшенію, чтобы въ описаніи принималъ участіе и Ундольскій, но на условіяхъ, какія найдетъ нужными А. В—чъ. Въ этомъ смыслѣ при личномъ свиданіи отвѣтилъ онъ и А. В—чу.

А. В—чъ не замедлилъ представить митрополиту требуемыя имъ условія. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ писалъ въ Москву Невоструеву: „въ отвѣтъ на требованіе владыки о присоединеніи къ намъ помощника я написалъ слѣдующее:

---

1) Письмо А. В. къ К. И. Невоструеву отъ 9 сент. 1849 г., въ арх. Горскаго.

2) Тамъ же.

3) Ундольскій еще въ 1847 г. началъ „Описаніе славян. рукоп. Москов. Патріаршей (Синод.) б-ки“ и уже печаталъ его въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. россійскихъ (отпечатанные листы явились въ „Чтеніяхъ“ лишь въ 1867 г.).

„Для выполненія предположенныхъ при описаніи синодальной библіотеки цѣлей и для соблюденія характера единства въ описаніи, представляется необходимымъ, чтобы 1) присоединеніе новаго сотрудника въ описаніи упомянутыхъ рукописей нисколько не измѣнило установленный порядокъ въ направленіи всего труда и указаннымъ цѣлямъ и въ распоряженіяхъ касательно производства дѣла (см. планъ); 2) чтобы затѣмъ г. Ундольскій упомянутое въ его запискѣ уже оконченное описаніе нѣкоторыхъ рукописей доставилъ ко мнѣ; а выборъ прочихъ представленъ былъ взаимному нашему соглашенію,—тѣмъ болѣе, что на такой выборъ равное имѣетъ право и другой мой сотрудникъ; 3) чтобы въ описаніи рукописей г. Ундольскимъ были соблюдаемы правила постановленныя въ предначертанномъ планѣ и какія еще будутъ признаны необходимы по существу дѣла; 4) чтобы Ундольскій при окончаніи описанія какой-либо рукописи передавалъ оное мнѣ для помѣщенія, гдѣ будетъ прилично, по принятому плану; при этомъ, подвергаясь разсмотрѣнію, оно можетъ быть оставлено безъ всякихъ измѣненій, или быть пополнено или сокращено, по соображенію съ описаніемъ прочихъ рукописей и съ обстоятельствами дѣла". Что изъ этого выйдетъ, писалъ А. В., не знаю" [1]).

Вышло, кажется, то, что предложенныя А. В—чемъ условія совмѣстной работы не понравились Ундольскому, и онъ отказался отъ участія въ ней. Описаніе рукописей А. В—чъ и Невоструевъ продолжали одни.

Работа ихъ шла приблизительно такимъ порядкомъ. Первоначальное описаніе извѣстной рукописи дѣлалъ на мѣстѣ Невоструевъ; онъ анализировалъ ее, дѣлалъ сличенія, высказывалъ свои соображенія. Тетрадь съ такими описаніями пересылалась за тѣмъ къ А. В—чу, и тотъ, гдѣ требовалось, исправлялъ ее и снабжалъ своими дополнительными замѣчаніями филологическими, историческими и др. Переписанная набѣло въ Москвѣ тетрадь опять попадала въ руки А. В—ча,—уже для окончательнаго пересмотра. Иногда описаніе производилось и такъ: А. В—чъ

---

[1]) Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 18 ноября 1849 г. въ арх. Горскаго.

бралъ изъ Синодальной библіотеки какую-нибудь рукопись, дѣлалъ замѣтки на нее, и переправлялъ ту и другія къ Невоструеву, который приступалъ тогда къ самому описанію рукописи. Тетрадь его еще путешествовала къ А. В—чу и потомъ уже переписывалась. Бывали случаи, когда первоначальное описаніе рукописи, если оно не требовало какихъ-либо особенныхъ познаній, дѣлали сами писцы; но ихъ описаніе всетаки не миновало корректорскихъ рукъ Невоструева и А. В—ча [1]).

Трудъ, какъ видно, былъ самый кропотливый. Больше всего доставалось Невоструеву,—не столько впрочемъ, отъ самаго труда, сколько отъ задержекъ его со стороны и другихъ непріятностей изъ за него и по поводу его. Въ своихъ письмахъ къ А. В—чу онъ то и дѣло жалуется ему то на библіотекаря, отказывавшагося дать какой то каталогъ безъ форменнаго приказа митрополита [2]), то на писцовъ не слушающихся его [3]), то на завѣдующаго типографіей, который съ умысломъ медлитъ печатать готовыя ихъ тетради [4]), то, наконецъ, на наборщиковъ, которые не хотятъ вторично перебирать въ корректурныхъ листахъ мѣста, исправленныя А. В—чемъ [5]). Работа, по этимъ причинамъ, часто останавливалась; а другіе думали, что Невоструевъ не занимается ею, увертывается отъ нея и это прямо говорили ему въ глаза [6]).

Всѣ эти мелочи, съ которыми Невоструеву приходилось сталкиваться чуть-ли не на каждомъ шагу, черезъ пять лѣтъ занятій въ библіотекѣ окончательно разстроили его и безъ того слабое здоровье, и онъ хотѣлъ было отказаться отъ описанія. А. В—чу пришлось отговаривать и доказывать,

---

[1]) Это видно изъ переписки А. В—ча и К. И. Невоструева, въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В. отъ 3 сент. 1849 г., въ арх. Горскаго.

[3]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 28 января 1852 г., 15 декабря 1853 г., 9 февр. 1857 г. и др., въ арх. Горскаго.

[4]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 21 іюля 1854 г., отъ 1 ноября 1858 г. и др., въ арх. Горскаго.

[5]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 4 апр. 1858 г. въ арх. Горскаго.

[6]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В— чу отъ 10 февр. 1850 г., въ арх. Горскаго.

что перемѣна настоящей должности на профессорскую не облегчитъ его болѣзни (ревматизма ногъ), что работа вездѣ трудна и что дѣло его не такъ безпокойно. „Изъ письма Вашего,— отвѣчалъ ему А. В—чъ,—слишкомъ короткаго для объясненія рѣшимости, со стороны вашей, очень значительной, увидѣлъ я только то, что болѣзнь не перестаетъ надѣлять васъ часами и днями, слишкомъ тяжкими. Но надобно посмотрѣть на себя и въ день болѣе ясный для души, чтобы не принять кажущееся за дѣйствительное. Вамъ пришло на мысль, что удаленіе отъ настоящихъ занятій, и изъ Москвы, успокоитъ Васъ. Правда-ли это? Развѣ занятія классическія по должности профессора, вызывающія почти каждодневно къ выходамъ на вольный воздухъ, болѣе представляютъ ручательства въ облегченіе Вашей болѣзни въ сравненіи съ настоящимъ положеніемъ вашимъ, которое позволяетъ по цѣлымъ недѣлямъ не выходить изъ своей квартиры? Развѣ мелкія проказы учениковъ болѣе обѣщаютъ спокойствія, чѣмъ безмолвное, келейное занятіе съ безмолствующими друзьями-книгами? Развѣ средствъ врачебныхъ болѣе можно найти въ Симбирскѣ, чѣмъ въ Москвѣ?—Всѣ эти вопросы, съ моей точки зрѣнія, я никакъ не могу разрѣшить въ пользу того вывода, какой вы изъ нихъ извлекаете, и никакъ не соглашусь, что вамъ ничего не остается болѣе дѣлать, какъ только ѣхать въ Симбирскъ. Давно-ли Симбирскъ сталъ благословенною страною для больныхъ? Почему не въ другой городъ съ болѣе благорастворенным климатомъ? Вѣдь онъ вамъ не родина! Вы скажете, что настоящія занятія для васъ трудны, что профессорская должность легче? Но и я васъ, и вы себя знаете: знаете, конечно, напередъ, что легкимъ трудомъ, полученіемъ жалованья безъ труда, вы не удовлетворитесь. Такъ объ чемъ же и толковать? Трудиться тамъ, трудиться здѣсь: вездѣ трудиться. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь вы можете себѣ взять отдыхъ, и при настоящемъ положеніи здоровья должно дать себѣ облегченіе отъ трудовъ. Простите моему неразумію, я не понимаю, кто отъ этого удерживаетъ, — кто обязываетъ васъ къ orera supererogativa?—Вы скажете: но двое безотвязныхъ писцовъ непрестанно требуютъ заботы о приготовленіи для нихъ работы?— Не думаю, чтобы они серьезно могли утомить вашу дѣятельность, идти впередъ ея, вывести васъ изъ силъ. Въ на-

стоящее время, когда, по здѣшнимъ дѣламъ, не могу я содѣйствовать вамъ въ приготовленіи для нихъ тетрадей, я просилъ-бы васъ пересмотрѣть тѣ тетради, которыя были писаны ими по моимъ указаніямъ; провѣрить, точно-ли они слѣдовали указаніямъ, — не упущено-ли что-либо и мною достойное замѣчанія. Ходъ работъ нашихъ теперь уже ясно опредѣлился.—Мы другъ друга знаемъ, чего и вамъ и мнѣ хочется, и что надобно по нашимъ предположеніямъ сдѣлать. Вотъ вамъ для безотвязной злобы дня. — Итакъ есть возможность облегчить себя въ трудахъ; она въ вашихъ рукахъ; не нужно ни у кого ее выпрашивать. У владыки можно развѣ попросить увеличенія вакаціи, чтобы воспользоваться ею для леченія. Заключаю мое письмо желаніемъ бодрости душевной, спокойствія и терпѣнія, а паче скорѣйшаго возстановленія отъ болѣзни". Письмо это, такъ убѣдительно написанное, подѣйствовало на податливый характеръ Невоструева, и онъ остался за дѣломъ.

Описаніе рукописей, при участіи А. В—ча, тянулось цѣлыхъ 14-ть лѣтъ. Результатомъ такой долгой работы было появленіе въ печати, съ именемъ Горскаго и Невоструева, четырехъ довольно объемистыхъ томовъ, въ которыхъ было подробно описано болѣе 340 книгъ и рукописей [1]). Этотъ трудъ создалъ А. В—чу настоящую славу ученаго. О немъ говорили тогда всѣ; говорили, что по полнотѣ, основательности, глубинѣ, подробности съ нимъ не могутъ быть даже сравниваемы знаменитѣйшія описанія знаменитѣйшихъ библіотекъ, составленныя знаменитѣйшими учеными Европы [2]). Въ 1867 году Академія Наукъ удостоила его полной преміи Ломоносова [3]).

---

[1]) Описаніе славян. рукопис. Моск. Синод. биб-ки (Отдѣлъ первый. Св. Писаніе. М. 1855. Отдѣлъ второй. Писанія Св. Отцевъ. 1. Толкованіе Св. Писанія. М. 1857; 2. Писанія догматическія и духовно-нравственныя. М. 1859; 3. Разныя богословскія сочиненія (прибавленіе). М. 1862).

[2]) См. автобіогр. воспоминан. Н. Гилярова-Платонова — „Изъ пережитаго". Ч. II, стр. 96, и статью Г. А. Воскресенскаго: „А. В. Горскій", въ Славян. Обозрѣніи за 1892 г. Окт., стр. 178.

[3]) Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, извѣщая тогда объ этомъ А. В—ча, писалъ ему: „Поспѣшаю передать Вамъ пріятное извѣстіе объ увѣнчаніи Ломоносовскою преміею, во вчерашнемъ засѣданіи Академіи Наукъ, Вашего описанія рукописей Синодальной библіотеки, этого многолѣтняго труда, обогатившаго славянскую филологію и нашу литературу многими новыми дан-

Ученыя занятія А. В—ча шли своимъ чередомъ. Не легко они доставались ему: но А. В—чъ всегда и въ трудѣ умѣлъ находить утѣшеніе и награду себѣ. Шло бы такъ все время, и онъ былъ-бы покоенъ,—душевно. Но счастье иногда омрачается печалью. Такъ случилось и съ А. В—чемъ. За десятилѣтній періодъ времени, пока онъ занимался описаніемъ рукописей, и его успѣло посѣтить горе, и не разъ.— Въ 1854 году, ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала занятій А. В—ча по библіотекѣ, скончался его благодѣтель и лучшій потомъ другъ — Ѳ. А. Голубинскій. Послѣ 35-лѣтней профессорской дѣятельности, испросивъ себѣ по слабости здоровья увольненіе отъ службы при Академіи, онъ отправился доживать свои послѣдніе дни въ Кострому, гдѣ священствовалъ его отецъ и гдѣ у него еще оставалось родство, и тамъ въ августѣ мѣсяцѣ умеръ.—А. В—чъ искренно жалѣлъ покойнаго. Въ письмѣ своемъ къ К. И. Невоструеву, съ извѣстіемъ о смерти Ѳ. А—ча, А. В—чъ называетъ его „незабвеннымъ наставникомъ", „слово чье возбуждало жизнь многихъ"; а „горестной вѣсти о вѣчной разлукѣ съ нимъ"— ему „долго не хотѣлось вѣрить"[1]). Кто зналъ-бы, какъ много добра сдѣлалъ ему Ѳ. А., кто былъ-бы свидѣтелемъ ихъ отношеній, особенно въ послѣднее время, тотъ понялъ-бы скорбь А. В—ча по утратѣ ученаго сослуживца.— Не улеглось еще, быть можетъ, это горе, какъ А. В—ча посѣтило другое, сильнѣйшее: умеръ у него отецъ. В. С—чъ около полутора года страдалъ геморроемъ. Сначала болѣзнь была сносна, потомъ, съ новаго 1857 года, она быстро стала развиваться. Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ день своихъ именинъ, онъ уже не могъ выѣхать въ церковь[2]), а Ю. В—на извѣщала брата, что „силы отца совсѣмъ истощились, онъ ничего не кушаетъ, такой сталъ изнуренный". Не добрыя вѣсти изъ дому встревожили А. В—ча и онъ на пасху,

---

ными.—Академія Наукъ, на основанія подробныхъ отчетовъ, составленныхъ мною и И. И. Срезневскимъ, единогласно присудила Вамъ и К. И. Невоструеву премію, и такимъ образ. съумѣла воздать должное и заслуженное труду, которому подобныхъ не много и въ Западно-Европейской литературѣ". (Письмо отъ 2 дек. 1867 г., въ арх. Гор—го).

1) Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 9 сент. 1854 г., въ арх. Гор—го.

2) Письмо О. П. Салмановой къ А. В—чу отъ 18 мар. 1857 г., въ арх. Гор—го.

несмотря на безпутицу, поѣхалъ въ Кострому[1]). В. С. при немъ кое-какъ перемогся. Послѣдній болѣзненный періодъ начался съ конца мая. А. В—чъ послѣ экзаменовъ въ Академіи тотчасъ отправился домой къ больному отцу. Тотъ еще боролся съ своею болѣзнію; но силы его замѣтно угасали, недугъ увеличивался и, наконецъ, 28-го іюня, послѣ случившагося съ нимъ удара, онъ скончался[2]).—Если домашніе убивались раньше по умершемъ сынѣ и братѣ—Вл. В—чѣ, то можно представить, какъ было велико настоящее ихъ горе. Семья и знавшіе В. С—ча оплакивали въ немъ добраго, нѣжнаго, сердечнаго человѣка,—супруга отца, родственника и друга. Когда теперь только читаешь его простыя, задушевныя письма, и то отдаешь справедливость добрымъ душевнымъ качествамъ его. Кромѣ общечеловѣческаго чувства къ умершему, на семейныхъ удручающимъ образомъ дѣйствовали еще предстоящія имъ нужды и лишенія. В. С. при жизни былъ поильцемъ-кормильцемъ всей своей не малой семьи. Теперь, со смертью его, мать-старушка, вдова-сестра и малолѣтнія ея дѣти лишались всякихъ средствъ къ существованію.—Для А. В—ча явилась забота объ ихъ устройствѣ. Что прежде только частію касалось его, то теперь ложилось на него всѣмъ своимъ гнетомъ. Не мало прошло времени, пока онъ не выхлопоталъ для матери пенсію и не переселилъ ее и сестру къ себѣ въ Посадъ; не мало, значитъ, было ему и внутренняго безпокойства за нихъ.

Занятія надъ синодальными рукописями, разширившійся объемъ преподаваемаго предмета и, можетъ быть, послѣднее семейное несчастіе, связавшее А. В—ча, что называется, по рукамъ и по ногамъ, заставили его просить себѣ помощника по церковно-исторической каѳедрѣ. Къ первому семестру учебнаго 1858 года таковымъ и былъ назначенъ, по его же указанію, только-то окончившій курсъ даровитый студентъ нашей академіи Н. К. Соколовъ (впослѣдствіи извѣстный профессоръ церковнаго права въ Московскомъ

---

[1]) Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 20 апр. 1857 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 10 августа 1857 г., въ арх. Горскаго.

Университетѣ), двоюродный братъ А. В—ча. А. В—чъ уступилъ ему чтеніе русской церковной исторіи, а себѣ оставилъ преподаваніе прочихъ отдѣловъ церковно-исторической науки [1]).

Въ одно почти время съ этимъ А. В—чу предстало неожиданное искушеніе перемѣнить родъ своей службы. Оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой предлагалъ ему перейти въ Петербургъ въ канцелярію Синода. Что были за мотивы къ тому у графа и при какихъ обстоятельствахъ это случилось, неизвѣстно. Изъ письма къ А. В—чу Филарета (Черниговскаго) видно, что онъ отказался отъ такой чести [2]). Въ Петербургъ А. В—чъ поѣхалъ въ слѣдующемъ году, но не надолго, и по другому совершенно дѣлу.

Между тѣмъ еще въ 1856 году возбужденное оффиціальнымъ порядкомъ дѣло перевода Библіи на русскій языкъ въ началѣ 1858 года стало близиться и къ осуществленію. Трудъ перевода раздѣленъ былъ между четырьмя духовными Академіями, которымъ отъ Св. Синода предписано было избрать изъ среды ученыхъ мужей ихъ людей способныхъ къ тому, начавъ дѣло съ новозавѣтныхъ книгъ Св. Писанія. Въ московской духовной Академіи для сей цѣли, въ числѣ не многихъ другихъ, избранъ былъ А. В. Горскій, и онъ много положилъ труда на это благое дѣло. Ему именно, особенно на первыхъ порахъ (въ 1858 — 1860 годахъ), когда онъ еще не былъ ректоромъ Академіи, принадлежалъ главный трудъ перевода; другіе члены переводнаго комитета лишь провѣряли и исправляли сообща переводъ А. В. Горскаго. Такъ было въ отношеніи къ Св. книгамъ Новаго Завѣта. Въ отношеніи же къ книгамъ Ветхаго Завѣта (Псалтирь, въ послѣдней половинѣ ея) А. В. Горскому, который въ то время былъ уже ректоромъ Академіи, принадлежало лишь главное руководство и наблюденіе за переводнымъ трудомъ другаго лица (П. И. Горскаго) [3]).

---

[1]) Письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 8 іюля 1858 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо Филарета отъ 5 августа 1858 г. въ Прибавл., XXXVI, 463.

[3]) См. объ этомъ подробнѣе въ изслѣдованіи И. Корсунскаго о трудахъ Моск. дух. Академіи по переводу св. Писанія на русскій языкъ, помѣщенномъ въ *Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ* за 1889—1891 годы.

Въ февралѣ 1859 года Петербургская духовная Академія намѣревалась праздновать пятидесятилѣтіе своего существованія. На юбилейное торжество былъ приглашенъ и м. Филаретъ, которому Академія была обязана первымъ устройствомъ по всѣмъ своимъ частямъ. По разстроенному состоянію здоровья, онъ отказался отъ личнаго присутствованія въ Академіи, а вмѣсто того предложилъ своему Академическоиу правленію отправить туда депутатомъ профессора Делицына. Старецъ протоіерей былъ слабъ слишкомъ для такого дальняго путешествія, и вмѣсто него правленіе назначило для присутствованія при праздноваиіи юбилея А. В—ча. Такъ, случайно устроилась первая поѣздка А. В—ча въ Петербургъ. Пробылъ въ столицѣ онъ очень не долго: обязанности службы тянули его обратно въ Академію. Съ пути онъ извѣщалъ митрополита о порядкѣ юбилейнаго празнества „Предъ окончаніемъ литургіи (которою началось торжество),—писалъ онъ ему,—о. Ректоръ Академіи (архимандритъ Ѳеофанъ) произнесъ слово, исполненное, подобно другимъ его словамъ, духа ревности о православіи, хотя нѣкоторымъ и кажется, что приличнѣе было-бы въ церковномъ словѣ избѣжать нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій о протестантахъ, тѣмъ болѣе, что за литургіею находился и принцъ Ольденбургскій". Далѣе въ донесеніи онъ говорилъ, какъ шелъ самый актъ и кто изъ особъ на немъ присутствовалъ. Въ заключеніе всего А. В—чъ писалъ митрополиту: „по приказанію Вашему, имѣлъ я честь являться къ членамъ Св. Синода, съ привѣтствіемъ Вашего Высокопреосвященства, и отъ всѣхъ слышалъ вопросы, исполненные самаго живаго участія, о безцѣнномъ здравіи Вашемъ" [1]). — Настоящая поѣздка въ Петербургъ для А. В—ча имѣла то значеніе, что доставила ему случай лицемъ къ лицу предстать предъ высшимъ епархіальнымъ и духовно-училищнымъ начальствомъ.

Кажется, такія назначенія и порученія, какъ представительство на торжественныхъ собраніяхъ различныхъ учрежденій, сами по себѣ слишкомъ мелочны и для нихъ не

---

[1]) См. о назначеніи проф. Г'ор—го депутатомъ при праздноваиіи С.-Петербургскою Дух. Акад. 50-лѣтія своего существованія въ дѣлахъ академ. Правлен. за 1859 г. № 6.

стоило-бы А. В—чу отрываться отъ своихъ серьезныхъ научныхъ занятій. Но кто не знаетъ, что иной разъ и такія неважныя вещи влекутъ за собою важныя послѣдствія. А. В. вскорѣ имѣлъ еще случай убѣдиться въ этомъ. Въ октябрѣ того же 1859 года чрезъ кого-то ему поручено было митрополитомъ составить краткую записку о томъ, „необходимо-ли требуютъ каноническія постановленія, чтобы приходскіе священники были женаты, и на какомъ основаніи, и съ какого времени утвердился у насъ обычай рукополагать не иначе, какъ когда предназначаемый къ рукоположенію вступитъ въ бракъ". А. В. принялся за этотъ вопросъ, какъ и за всякій другой ему заказъ, не вдаваясь много въ дальнѣйшія его цѣли. Чрезъ нѣсколько времени оказалось, что эти двѣ-три страницы, написанныя въ его разрѣшеніе, имѣли значеніе для всей собственной его судьбы. Какъ извѣстно, А. В — чъ давно желалъ принять санъ священства и принялъ-бы, если-бы не требовалось предварительно вступить въ бракъ. Объ этомъ желаніи его зналъ и митрополитъ. Видя раньше изъ разговоровъ, что А. В. не приметъ монашества, онъ рѣшилъ дать ему священный санъ. Это намѣреніе митрополита и было для него побужденіемъ заставить А. В—ча навести справку на счетъ безбрачія бѣлаго духовенства. Очевидно митрополитъ хотѣлъ напередъ знать, не встрѣтятъ-ли его планы каноническаго себѣ препятствія. А. В. безпристрастно изслѣдовалъ предложенный ему вопросъ и въ концѣ пришелъ къ тому заключенію, что „канонически не было воспрещено рукополагать во священники и діаконы изъ безбрачныхъ; но вслѣдствіе разныхъ причинъ само собою, какъ въ Греціи, такъ и у насъ на Руси, ввелось въ обычай поставлять только вступившихъ въ бракъ [1]). Такой отвѣтъ А. В—ча приходился по мыслямъ митрополиту и онъ послѣ того дозволилъ ему просить объ удостоеніи его благодати священства и предположительно указалъ время, когда это можетъ совершиться" [2]). Въ своемъ оффиціальномъ прошеніи объ этомъ

---

[1]) См. рукописную статью его подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ арх. Гор—го.

[2]) Докладная записка А. В. при прошеніи его митрополиту объ удостоеніи сана, отъ 12 марта 1860 г., въ арх. Гор—го.

митрополиту А. В. прописывалъ, что желаніе быть служителемъ алтаря онъ питаетъ въ себѣ уже давно,—что если онъ не вступаетъ въ семейную жизнь, то лишь по расположенію къ ученымъ занятіямъ,—что теперь, при помощи Божіей, онъ довольно уже испыталъ себя въ этомъ состояніи, и потому проситъ удостоить его сана и причислить къ какой-либо церкви, имѣющей свободное священническое мѣсто, но не требующей наличнаго священника, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ, по прежнему, продолжать, службу при Академіи [1]). Митрополитъ положилъ такую резолюцію на немъ: „1) на основаніи шестаго правила 6-го вселенскаго собора, проф. А. Горскій даетъ непреложное обѣщаніе и подписку, что по вступленіи въ священство, пребудетъ безбраченъ до конца жизни. 2) Проф. Горскій назначается во священника къ каѳедральному собору. 3) Къ исповѣди, и, если не окажется сомнѣнія, къ присягѣ и къ посвященію“ [2]). Съ рѣшеніемъ митрополита кончались всѣ формальности; очередь послѣ того оставалась за самымъ дѣломъ. 24-го Марта 1860 года А. В. и былъ рукоположенъ во священника.

Случай производства во священную степень безбрачнаго—небывалый въ нашей церковной практикѣ. Понятно поэтому, какъ было принято въ обществѣ, духовномъ и свѣтскомъ, рукоположеніе А. В—ча. Поднялся настоящій шумъ: говорили объ этомъ всѣ, говорили много, и pro и contra; ходили разные нелѣпые слухи и толки—къ стыду сказать—даже среди своихъ академическихъ братій [3]). Раньше эти толки могли-бы поколебать въ рѣшеніи высшую епархіальную власть; теперь все свершилось и А. В. много не опасался ихъ, „Мое положеніе теперь легко,—писалъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе ему К. И. Невоструева, безъ заботливости о послѣдствіяхъ, выслушиваю толки pro и contra. Худо было-бы, когда-бы подобные толки поднялись до посвященія. Тогда переболѣло-бы отъ нихъ сердце“ [4]). Если бы мы проникли въ душу самаго А. В. не задолго до его

---

1) Прошеніе это, въ черновомъ видѣ, хранится въ арх. Гор—го.
2) Копія съ резолюціи снята А. В—чемъ и хранится въ его архивѣ.
3) Письмо А. В. къ К. И. Нев—ву отъ 20 мая 1860 г., въ арх. Гор—го.
4) Письмо отъ 19 апрѣл. 1860 г. въ арх. Гор—го.

посвященія, мы увидѣли-бы, съ какимъ настроеніемъ рѣшался онъ на такой важный въ жизни шагъ и какъ онъ смотрѣлъ на задуманное имъ святое дѣло. Какой-то радостный трепетъ и вмѣстѣ боязнь и смущеніе овладѣвали тогда его всею душею. „Поддержите,— не просилъ, а почти умолялъ онъ преосв. Леонида, еп. Дмитровскаго, предъ своимъ посвященіемъ,— духовною помощію первые шаги рѣшающагося приблизиться къ престолу благодати. Достоинство сана велико, а недостоинство, не смотря на долгое приготовленіе неготовой жизни, безмѣрно. Оставляя всѣ внѣшнія соображенія, я думаю сосредоточить мысли и чувства на себѣ самомъ, чтобы глубже почувствовать великость дара благодати и съ большимъ дерзновеніемъ уповать повергнуться въ бездну щедротъ и милосердія Божія“ [1]). А по принятіи священства, чрезъ мѣсяцъ, онъ писалъ К. И—чу: „теперь я, по милости Божіей, послуживаю обѣдни, когда бываетъ удобно по классическимъ отношеніямъ. Здѣшніе старцы говорятъ, что новорукоположенный священникъ долженъ служить сряду сорокъ дней литургій. Я еще въ Москвѣ въ послѣдніе дни началъ дѣлать пропуски: да и теперь не каждымъ днемъ могу воспользоваться. По крайней мѣрѣ, стараюсь сдѣлать возможное“ [2]) Какъ, значитъ, былъ радъ А. В—чъ своему новому служенію и какъ серьезно къ нему относился! Онъ выполнялъ неписанныя преданія своихъ старцевъ на счетъ іерейства, не говоря уже о прямыхъ и ясныхъ постановленіяхъ церковныхъ. Не даромъ онъ не только далъ, но и для всегдашняго памятованія списалъ и хранилъ у себя свою священническую присягу [3]): — хотѣлъ быть истовымъ, настоящимъ служителемъ алтаря Господня.

Въ то самое время, когда А. В. былъ такъ занятъ своимъ священствомъ, въ Св. Синодѣ на очереди былъ вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Въ теченіе пятнадцатилѣтняго дѣйствованія Протасовскихъ училищныхъ порядковъ уже успѣли обнаружиться слабыя ихъ стороны. Требовалось пересмотрѣть училищный уставъ вновь и въ

---

[1]) Письмо отъ 9 марта 1860 г., въ арх. Гор—го.

[2]) Письмо отъ 19 апр. 1860 г. въ арх. Гор—го.

[3]) Присяга и до сихъ поръ хран. въ арх. Гор—го.

нѣкоторыхъ частяхъ исправить или дополнить его. Епархіальнымъ преосвященнымъ, которые, предполагалось, ближе всѣхъ были знакомы съ училищами и семинаріями, давно уже поручено было представить въ Синодъ свои соображенія по этому дѣлу. Матеріалъ былъ подготовленъ. Для окончательнаго обсужденія вопроса Синодъ учредилъ при себѣ особый комитетъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: въ комитетѣ долженъ быть одинъ предсѣдательствующій [1]), шестеро духовныхъ и трое свѣтскихъ членовъ [2]) и сверхъ того комитету предоставлено было вызывать къ совѣщанію, кого нужно будетъ, и изъ другихъ епархій; окончательныя свои соображенія по преобразованію онъ обязывался представлять Св. Синоду. Оберъ-Прокуроръ Синода гр. Толстой, жившій тогда временно близъ Москвы, увѣдомляя митрополита Филарета объ открывшемся въ Петербургѣ комитетѣ, просилъ его назначить кого-либо изъ подвѣдомственныхъ ему лицъ членомъ въ него и о назначеніи сообщить куда слѣдуетъ [3]). У митр. Филарета имѣлся въ виду для этого только одинъ человѣкъ—профессоръ академіи прот. Горскій: его онъ и назначилъ въ комитетъ. Въ Синодъ, кн. Урусову, онъ послѣ того, написалъ: „по взаимному нашему соглашенію (съ А. П. Толстымъ) назначенъ мною въ составленный комитетъ о духовныхъ училищахъ профессоръ Московской духовной академіи протоіерей Горскій съ тѣмъ, чтобы онъ находился въ комитетѣ отъ окончанія академическихъ испытаній до начала слѣдующаго учебнаго курса, къ сему же времени возвратился къ здѣшнимъ его обязанностямъ, отъ которыхъ продолжительная отлучка была бы неудобна [4]); академическому правленію Филаретъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи раньше.

---

[1]) Назначенъ былъ присутствовавшій тогда въ Синодѣ архіеп. Херсонскій Димитрій.

[2]) Избраны были: ректоры С.-Петербургской академіи и семинаріи, два находившіеся на чредѣсвященнослуженія архимандрита, два протоіерея—Дебольскій и Полисадовъ, и изъ свѣтскихъ — директоръ духовно-учебнаго управленія кн. Урусовъ и чиновники за оберъ-прокурорскимъ въ Синодѣ столомъ—Гаевскій и Филипповъ.

[3]) Письмо отъ 17 мая 1860 г. при дѣлѣ о назначеніи проф. Гор—го членомъ комитета въ С.-Петербургѣ о преобраз. дух. учил., арх. акад. правл. 1860 г., № 9.

[4]) Письмо къ Урусову отъ 2 іюля 1860 г. при томъ же дѣлѣ въ арх. академ. правленія.

А. В—чу порученная миссія была не по нраву и онъ пытался отклонить ее отъ себя [1]), но видно не успѣлъ въ этомъ. 18 іюля (1860 г.) А. В. уже отправился въ путь. Дѣло, на которое онъ призывался, было серьезно. Сознавая это, А. В. много о немъ размышлялъ и совѣтовался съ другими [2]); а предъ отъѣздомъ онъ лично бесѣдовалъ на счетъ его съ митрополитомъ и тогда же у него ознакомился съ его „мнѣніемъ касательно устройства приходскаго духовенства“, поданнымъ имъ въ 1828 году: здѣсь подробно говорилось, между прочимъ, и о „способахъ къ успѣшнѣйшему образованію духовенства“ [3]). Такимъ образомъ въ комитетъ А. В. явился достаточно подготовленный къ дѣлу. Общія собранія членовъ начались лишь съ августа мѣсяца. Преобразованіе низшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеній предполагалось произвести на такихъ началахъ: весь курсъ преподаваемыхъ въ нихъ наукъ расположить на двѣнадцать лѣтъ съ такимъ ихъ раздѣленіемъ: первые четыре года должны идти на грамматическое образованіе (курсъ первоначальный), слѣдующіе четыре — на словесное (курсъ общеобразовательный—гимназическій), послѣдніе—на богословское или собственно семинарское. Послѣ первыхъ четырехъ лѣтъ обученія дѣлать пересмотръ, или болѣе строгій экзаменъ, ученикамъ съ тѣмъ, чтобы отдѣлить оказавшихъ хорошія способности отъ слабыхъ и первымъ предоставить дальнѣйшее образованіе, прочихъ же исключить изъ училища. Подобный пересмотръ или разборъ обучающимся дѣлать и по окончаніи втораго четырехлѣтія, чтобы узнать, кто желаетъ вступить въ духовное званіе и принять на себя, если будетъ удостоенъ, санъ священства. Желающіе поступаютъ на послѣдній четырехлѣтній курсъ, прочіе же оставляютъ училище для поступленія въ высшія учебныя заведенія свѣтскаго вѣдомства, по экзамену, или на государственную службу съ правомъ на первый классный чинъ. Для лучшаго надзора за воспитаніемъ дѣтей стараться по возможности, чтобы они жили не разсѣянно по квартирамъ,

---

[1]) Письмо А. В. къ К. И. Нев—ву отъ 31 мая 1860 г., арх. Гор—го.

[2]) Дневн., Прибав. XXXV, стр. 197.

[3]) Извлеченіе изъ „мнѣнія“ сдѣлано А. В. въ его Дневникѣ. Прибавл. XXXV, 202.

но въ общежитіяхъ. Содержаніе всѣхъ такихъ заведеній въ каждой епархіи предоставить собственнымъ ея средствамъ [1]). Такой планъ устройства духовныхъ училищъ былъ предложенъ Димитріемъ, архіепископомъ Херсонскимъ. Относительно его митрополитъ Филаретъ писалъ А. В—чу въ Петербургъ: „врачебное искусство можетъ отнять нѣчто отъ тѣла, или способствовать приращенію недостающаго: но если пересѣчешь тѣло, сохранишь ли жизнь? И училище можно врачевать отъятіемъ несроднаго, прирощеніемъ недостающаго: а разсѣченіе на общую гимназію и закрытую семинарію, убивъ прежнюю жизнь, легко ли дастъ новую? Мнѣ видится только неудобоисполнимость и вредъ сего плана: пользы же не видится“ [2]). Въ этомъ направленіи А. В. и старался дѣйствовать въ комитетѣ. Собранія его членовъ продолжались до 1-го февраля слѣдующаго 1861 года. За неимѣніемъ подъ руками нужныхъ документовъ, не можемъ сказать, чѣмъ положительнымъ кончились ихъ разсужденія. А. В. до конца не остался въ комитетѣ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ, предъ началомъ учебныхъ занятій, онъ возвратился въ академію и работалъ надъ вопросомъ у себя дома [3]).

А. В. не окончилъ еще комитетскаго дѣла, какъ добрые люди устроили было ему другую поѣздку, въ края не столь уже близкія, какъ Петербургъ.—Въ началѣ 60-хъ годовъ, на востокѣ, болгарскія епархіи вздумали отдѣлиться отъ константинопольскаго патріархата и образовать изъ себя самостоятельную, автокефальную церковь. Патріархъ и его синодъ были противъ такого отдѣленія. Начались изъ за этого пререканія и споры между обѣими сторонами, вмѣшались сюда и политическія партіи. На востокѣ поднялась смута. Въ Россіи у насъ нашлись не призванные ревнители мира—графъ и графиня Б., которымъ почему то хотѣлось отправить на востокъ для содѣйствія умиротворенію тамошнихъ волненій непремѣнно А. В-ча. Свое желаніе они

---

1) См. объ этомъ проэктѣ въ черновыхъ домашнихъ работахъ А. В. по духовно-училищному дѣлу, хран. въ его арх.

2) Письмо митр. Филарета къ А. В. отъ 26 іюля 1860 г. Прибавл. XXXV, 219, прим.

3) А. В. воспроизвелъ всѣ разсужденія членовъ комитета по дѣлу преобразованія и сдѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, которыя представилъ потомъ митрополиту. (Чернов. записки ихъ хранятся въ арх. Гор—го).

высказывали оберъ-прокурору Синода и митрополиту и при этомъ имъ предлагали, „въ случаѣ если нельзя будетъ дать оффиціальнаго порученія А. В-чу, отправить его въ видѣ путешественника на Аѳонъ и въ Константинополь, чтобы онъ тамъ своимъ личнымъ вліяніемъ, совѣтомъ и познаніями содѣйствовалъ миру церквей“ [1]). А. Васильевичъ еще раньше, когда въ разговорѣ съ митрополитомъ зашла рѣчь о командировкѣ на востокъ кого-либо изъ духовныхъ для содѣйствія примиренію Грековъ съ Болгарами, успѣлъ убѣдить его въ томъ, что „безсильный агентъ, ограниченный передачею петербургскихъ идей, ничего не будетъ значить“ [2]). Оказалось, что онъ говорилъ тогда себѣ во благое. Прокуроръ тоже не сочувствовалъ предложенію и посольство А. В—ча на востокъ не состоялось, а вскорѣ полученное имъ въ академіи ректорство гарантировало его отъ всякихъ посольствъ и на будущее время.

Въ Декабрѣ 1860 года ректоръ Академіи архим. Сергій былъ назначенъ на епископскую каѳедру въ Курскъ. Тогда въ первый разъ зашла рѣчь о назначеніи протоіерея А. В. Горскаго ректоромъ Академіи; но митрополитъ отклонилъ это. Вотъ что писалъ онъ оберъ-прокурору Св. Синода: Старшій изъ наставниковъ Академіи—прот. П. Делицынъ, при слабости его силъ, не можетъ проходить ректорскую должность. — За нимъ, — пишетъ митрополитъ, въ старшинствѣ службы, слѣдуетъ прот. А. Горскій. При несомнѣнномъ достоинствѣ вообще, онъ обладаетъ по исторіи и древностямъ церковнымъ свѣдѣніями, которыя присоединили его къ числу извѣстныхъ ученыхъ. Но онъ какъ сначала своего служенія при Академіи, по чистой любви къ наукѣ, принялъ намѣреніе держаться одного мѣста и однихъ занятій, почему и въ духовное званіе долго не вступалъ, такъ и нынѣ остается при томъ же расположеніи. И нельзя не взять во вниманіе, что теперь долголѣтно пріобрѣтенныя имъ познанія прямо, свободно, вполнѣ идутъ въ употребленіе и пользу, а въ случаѣ перехода его на новую ка-

---

[1]) Письмо къ А. В—чу В. Д. Кудрявцева отъ 12 сент. 1861 г. въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо А. В—ча къ В. Д. Кудрявцеву отъ 15 апр. 1861 г. въ арх. Горскаго.

ѳедру, они были бы менѣе употребительны и потребовали бы новый усиленный трудъ для новаго предмета". Митрополитъ такимъ образомъ отклонилъ отъ ректорства и А. В—ча. Въ дальнѣйшемъ перечисленіи кандидатовъ онъ останавливается на ректорѣ московской семинаріи архим. Саввѣ; его и рекомендуетъ, какъ человѣка съ характеромъ твердымъ, который способенъ взять въ академіи бразды правленія [1]). Въ другой разъ онъ писалъ графу Толстому: „ректора академіи еще нѣтъ. Видно, есть въ семъ дѣлѣ сомнѣніе. Слышу, что нѣкоторые желаютъ, чтобы ректоромъ академіи былъ прот. Горскій. Желаю сего и я; и для сего предлагалъ ему вступить въ монашество, но онъ остался твердымъ въ своемъ давно принятомъ расположеніи. Если угодно, чтобъ онъ былъ ректоромъ и у него будетъ въ подчиненіи архимандритъ инспекторъ, то это будетъ вступленіе, хотя еще мало примѣтное, но уже примѣрное для будущаго,—вступленіе на путь желаемаго нѣкоторыми церковнаго переворота, чтобы, вопреки древнему постоянному правилу, поставить бѣлое духовенство выше монашествующаго. Да не поколеблются опоры дома Божія" [2]). Вслѣдствіе сего ректоромъ Академіи былъ назначенъ вышеупомянутый Савва. Но онъ прослужилъ здѣсь только около полутора года: въ сентябрѣ 1862 года онъ былъ переведенъ въ викаріи московскіе. Филаретъ теперь уже прямо стоялъ за А. В—ча. „Если бы,—писалъ онъ нѣсколько ранѣе въ Синодъ къ оберъ-прокурору Ахматову,—избраніе Саввы (въ викаріи) утвердилось, то ректоромъ академіи могъ бы назначенъ быть профессоръ прот. А. Горскій, достойный сего по учености, долговременной службѣ и нравственному достоинству. Не будучи монахомъ, онъ такъ же, какъ монахъ, всего себя посвящаетъ духовной учености и исполненію академическихъ обязанностей, не развлекаясь ничѣмъ постороннимъ" [3]). Слово митрополита имѣло значеніе въ Синодѣ, и А. В—чъ 23-го октября былъ опредѣленъ ректоромъ Академіи. Извѣщая объ этомъ, митрополитъ писалъ ему: „примите должность ректора съ послушаніемъ. Полагаю, что Вамъ на-

---

[1]) Собр. мн. и отз. м. Ф—та IV, 574.
[2]) Собр. мн. и отз. м. Ф—та V, 1, 3, 4.
[3]) Собр. мн. и отз. м. Ф—та V, 1, 324.

добно будетъ принять и каѳедру богословскихъ наукъ. Сообразите и прочія послѣдствія происходящей перемѣны и скажите мнѣ ваши мысли.—Надѣюсь, что вы поступите по уставу святаго послушанія: и Господь благословитъ ваше послушаніе плодами добра и мира [1]).—Съ покорностію принялъ А. В—чъ новое свое назначеніе и отвѣчалъ митрополиту: „избраніемъ Вашимъ призываемый къ дѣламъ управленія Академіею не могу не чувствовать преизбытка милости Вашего Высокопреосвященства ко мнѣ недостойному, и безъ страха смотрѣть на мою малоопытность въ кругу новаго служенія. Заботы о добромъ направленіи умовъ и сердецъ въ воспитывающихся служителяхъ церкви до сихъ поръ ограничивались только личными моими отношеніями въ студентамъ. Попеченіе о внѣшнемъ благоустроеніи Академіи, наблюденіе за правильнымъ дѣйствіемъ всѣхъ членовъ академическаго общества и подчиненныхъ академіи учрежденій—вовсе не касались до меня. И хотя по довѣренности ко мнѣ добрыхъ моихъ начальниковъ и по сочувствію моему къ общему благу академіи бывали мнѣ извѣстны нѣкоторыя въ дѣлахъ нужды: но не вызывали къ непосредственному дѣйствованію и распоряженіямъ.—Но болій Богъ сердца нашего. Ваше святительское благословеніе сѣетъ не только милости, но и силы наипаче дѣйствующія въ сознающихъ свою немощь.—Съ благоговѣніемъ лобызая десницу, указующую мнѣ новое назначеніе, низводящую благословеніе Божіе, вполнѣ предаю себя водительству Вашему, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ“ [2]). Назначеніе А. В—ча въ ректоры было принято въ академіи и за стѣнами ея съ полнымъ сочувствіемъ. На него всѣ возлагали большія надежды: думали, что онъ въ Академіи подниметъ авторитетъ ректора, поддержитъ богословскую каѳедру, будетъ добрымъ ректоромъ для студентовъ, станетъ, наконецъ, на стражѣ православія и дастъ обществу и церкви новыхъ поборниковъ его. Эти надежды, вмѣстѣ съ привѣтствіями и пожеланіями, выражались открыто въ письмахъ къ А. В—чу

---

[1]) Письмо м. Ф—та къ А. В—чу отъ 23 окт. 1862 г., въ Прив. XXIX, 551.

[2]) Письмо А. В—ча къ м. Филарету отъ 24 окт. 1862 г., въ чернов видѣ хран. въ арх. Горскаго.

по случаю его назначенія. „Съ любовію и радостію привѣтствую васъ, — писалъ ему Алексій, еп. Симферопольскій, — съ возведеніемъ на высоту академическаго служенія. Да поможетъ вамъ Господь возвысить служеніемъ своимъ болѣе и болѣе званіе ректора. Богословская каѳедра давно васъ ожидала“ [1]). Изъ Москвы К. И. Невоструевъ писалъ ему: „покорнѣйше привѣтствуя васъ съ новою должностію, я, со многими благословляю Бога и властей нашихъ, сдѣлавшихъ такое необычное, но давно желанное распоряженіе; душевно желаю и молю Господа, чтобы Онъ умудрилъ и укрѣпилъ васъ на этомъ высокомъ и многотрудномъ поприщѣ, чтобы рукою вашею воздвигъ падающее, и при томъ — на единомъ, положенномъ основаніи вѣры и благочестія, чтобы ею сокрушилъ все враждебное сему началу, возбудилъ усыпленное и ободрилъ труждающееся; словомъ, чтобы явилъ въ васъ такого дѣлателя въ вертоградѣ, иже воздастъ плоды во время свое, къ пользѣ и утѣшенію близу и далече сущихъ и всей церкви Россійской“ [2]). А вотъ что слышалось изъ устъ одного товарища А. В—ча по Академіи — человѣка, который раньше никогда не писалъ А. В—чу: „до моего близкаго къ вамъ захолустья дошла вѣсть, что Св. Синодъ вамъ поручилъ должность ректора московской духовной — родной намъ академіи. Не берусь объяснить — почему, только увѣряю васъ, эта вѣсть меня очень обрадовала; обрадовала такъ, что я рѣшился выразить вамъ мою радость и принести вамъ мое искреннѣйшее поздравленіе съ высокою должностью, на васъ возложенною. Вы, конечно, слышали много поздравленій: надѣюсь, что выслушать и мое не будетъ вамъ въ тягость; оно не оффиціальное, а задушевное, идущее отъ искренняго сердца“ [3]). Такія единодушныя заявленія добрыхъ расположеній могли только придать силы и энергіи новому ректору.

Обязанности А. В—ча, съ возложеніемъ на него ректорства, значительно осложнились. Чтобы облегчить нѣ-

---

[1]) Письмо Еп. Алексія отъ 20 дек. 1862., в. арх. Горскаго.

[2]) Письмо К. И. Невоструева къ А. В—чу отъ 5 ноября 1862 г., въ арх. Горскаго.

[3]) Письмо къ А. В—чу Іак. Миловскаго протоіерея, отъ 8 нояб. 1862 г. въ арх. Горскаго.

сколько себя и сосредоточить силы и вниманіе на новомъ своемъ служеніи, онъ оставилъ должность академическаго библіотекаря и надумалъ еще отказаться отъ описанія синодальныхъ рукописей, все еще лежавшаго на немъ. Объ этомъ онъ предварительно извѣстилъ Невоструева. К. И—чъ отлично понималъ, какое значеніе имѣло для общаго ихъ дѣла участіе въ немъ А. В—ча, и, желая уговорить его продолжать описаніе, писалъ ему: „столько подвизаясь на этомъ поприщѣ, не благоволите ли, если будетъ возможность, и до конца пребыть на немъ? Работать собственно мы будемъ сами, только просили бы васъ не лишить насъ въ затруднительныхъ случаяхъ вашего вразумленія, также хотя издали наблюденія надъ изданіемъ, чтобы не сдѣлать намъ какого-либо важнаго промаха. Ученыхъ средствъ подъ руками у насъ немного, а свѣдѣній имѣемъ еще меньше, равно какъ и опытности“ [1]). А. В—чъ разумно мотивировалъ свой отказъ и потому не могъ внять этой просьбѣ. Вскорѣ онъ, дѣйствительно, и былъ уволенъ отъ описанія рукописей оффиціальнымъ порядкомъ.

Между этими двумя послѣдними событіями—назначеніемъ А. В—ча въ ректоры и увольненіемъ его отъ описанія рукописей синодальной библіотеки случилось еще одно: митрополитъ Филаретъ сдѣлалъ послѣднюю попытку склонить его къ принятію монашества. Въ половинѣ января (1863 г.) онъ поручилъ лаврскому намѣстнику (архим. Антонію) переговорить съ А. В—чемъ о принятіи имъ настоятельства въ Моск. Богоявленскомъ монастырѣ со вступленіемъ въ монашество, оставленіемъ за нимъ должности ректора Академіи и обѣщаніемъ скораго святительства. Услышавъ старыя рѣчи отъ намѣстника А. В—чъ замѣтно пришелъ въ смущеніе, и вотъ какія мысли оставилъ онъ въ одной запискѣ, написанной по этому поводу: „нужно ли измѣненіе званія для настоящаго моего служенія? Кажется, нѣтъ. Или хотятъ перевести на другое поприще дѣйствованія? Но развѣ Академія мало открываетъ дѣла усердію? Развѣ неполезное для церкви служеніе воспитателя высшаго духовнаго училища? Развѣ церковь

[1]) Письмо къ А. В—чу К. И. Невоструева отъ 19 мая 1863 г., въ арх. Горскаго.

не должна имѣть въ Академіи для себя опору, пользуясь добросовѣстными трудами ученой опытности ея членовъ? Конечно, я не могу тѣмъ похвалиться, чтобъ обѣщать добраго дѣлателя на этомъ поприщѣ служенія. Но можетъ быть что нибудь и дастъ Богъ совершить, когда поглубже войду въ настоящее мое положеніе, поближе познакомлюсь съ областію моей новой науки (разумѣетъ догматическое богословіе, которое поручено ему преподавать вмѣсто церковной исторіи). Развѣ измѣнятъ мнѣ силы? Чувствую уже, что за такіе труды надлежало бы приниматься гораздо ранѣе моихъ настоящихъ лѣтъ“ [1]). 7-го февраля случилось ему быть въ Москвѣ, и здѣсь отъ одного изъ близко стоявшихъ къ митрополиту духовныхъ лицъ услышалъ онъ повтореніе того же желанія митрополита, которое высказано было ему въ Лаврѣ. Первымъ дѣломъ А. В—ча было помолиться въ церкви за литургіею, послѣ чего онъ раскрылъ книгу Новаго Завѣта, „чтобы ею, пишетъ онъ въ дневной записи, опредѣлилась моя рѣшимость, чтобы Господь чрезъ нее сказалъ мнѣ свою волю“. Ему открылось мѣсто изъ евангелія Марка IX, 35, 36, 37: „сѣдъ (Іисусъ) пригласи обанадесяте, и глагола имъ: аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меньшій, и всѣмъ слуга. И пріимъ отроча, постави е посредѣ ихъ: и объемъ е, рече имъ: пже аще едино таковыхъ отрочатъ пріиметъ во имя мое, мене пріемлетъ“. Въ словахъ этихъ А. В—чъ усмотрѣлъ опредѣленіе о себѣ воли Божіей—не желать высшаго положенія въ обществѣ, но быть послѣднимъ изъ всѣхъ и слугою всѣхъ. На другой день онъ внесъ въ записку такое размышленіе: „волѣ начальства не прекословлю. Если бы изъявлено было рѣшительное желаніе ради блага церкви оставить мнѣ званіе бѣлаго духовенства и вступить въ число монашествующихъ, не отрекуся отъ сего, потому что и настоящій мой образъ жизни по внѣшности не далекъ отъ монашества, и въ будущемъ, если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь,—когда оскудѣніе силъ заставитъ отказаться отъ бремени ученыхъ и административныхъ занятій, не представляется мнѣ, въ моемъ одинокомъ положеніи, болѣе укромнаго убѣжища, кромѣ келліи монашеской. Но нужна ли эта перемѣна те-

---

[1]) Записка эта хран. въ арх. Горскаго.

перь? По милости Божіей я стараюсь вести дѣло такъ, чтобы начала управленія соблюдались все тѣ же, какія прежде, т. е. духъ преданности церкви, послушанія начальству, уваженія къ священнымъ учрежденіямъ. Избраніемъ ректора изъ бѣлаго духовенства сдѣланъ нѣкоторый отводъ для ослабленія упрековъ въ преобладаніи монашества надъ всѣмъ. Нужно ли уничтожать, что едва только еще положили? Не возбудитъ ли это новыхъ жалобъ? Избраніемъ ректора изъ бѣлаго духовенства какъ бы открытъ путь и на другія правительственныя должности по духовно-училищному вѣдомству изъ бѣлаго духовенства. Нужно ли сейчасъ закрывать этотъ путь? Для чего не воспользоваться, при нынѣшней скудости въ монашествѣ, добрыми элементами изъ другой области жизни, гдѣ давно оставались они безъ употребленія для такого рода дѣятельности. Вводя въ кругъ высшей администраціи дух. учебныхъ заведеній лице бѣлаго духовенства, не возбудитъ ли начальство въ самомъ монашествѣ ученомъ духъ соревнованія и тѣмъ не возвыситъ ли его“ [1])? Очевиднымъ результатомъ такого взгляда, утвердившагося при томъ вѣщимъ словомъ Евангелія, было то, что А. В—чъ не возжелалъ настоятельства въ Богоявленскомъ монастырѣ, хотя это должно было по всей вѣроятности сопровождаться далеко нерадостными послѣдствіями для его смущеннаго духа.

Въ 1864 году Академія, въ присутствіи іерарховъ и многихъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, торжественно отпраздновала пятидесятую годовщину своего существованія. Въ ознаменованіе такого долговременнаго и плодотворнаго ея служенія на пользу отечественной науки и просвѣщенія тогда же на торжествѣ, среди нѣкоторыхъ наставниковъ и лицъ, почтившихъ своимъ присутствіемъ академическій праздникъ, возникла мысль организовать при академіи какое-либо изданіе, которое спеціально предназначалось бы для народа и сообщало бы общеполезныя, преимущественно богословскія, свѣдѣнія. Послѣ болѣе обстоятельнаго обсужденія этого дѣла на досугѣ, въ Академіи было рѣшено издавать „Церковно-библейскій словарь“. А. В—чъ былъ главнымъ дѣятелемъ предпріятія: онъ и вырабатывалъ основанія для из-

[1]) Отрывочная дневная запись хран. въ арх. Горскаго.

данія, и вербовалъ сотрудниковъ къ нему, и распредѣлялъ между ними подготовительную работу: онъ же велъ дѣло и по оффиціи, предъ митрополитомъ. Ходатайствуя предъ нимъ о разрѣшеніи предположеннаго изданія, онъ писалъ ему: „по опредѣленію Св. Синода, съ 1843 года, при Московской духовной Академіи, трудами наставниковъ ея, издаются творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями духовнаго содержанія. Нынѣ трудящіеся надъ симъ дѣломъ, по вниманію къ потребностямъ времени и другимъ обстоятельствамъ, желали бы нѣсколько видоизмѣнить свои занятія. Именно, продолжая изданіе переводовъ отеческихъ твореній въ прежнемъ объемѣ, въ видѣ прибавленія къ нему издавать „библейско-церковный словарь“, по одному тому ежегодно, листовъ до тридцати и болѣе,— не оставляя впрочемъ помѣщать при книжкахъ переводы и статьи богословскаго содержанія, только въ меньшемъ размѣрѣ противъ прежняго. Комитетъ для изданія твореній Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ, принявъ на себя заявленіе сего желанія наставниковъ академіи предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ, благопочтительнѣйше испрашиваетъ Вашего Архипастырскаго благословенія на начало предпріемлемаго труда, дабы онъ, при содѣйствіи Вашей Святительской молитвы, могъ, хотя въ нѣкоей мѣрѣ, послужить духовному просвѣщенію и быть полезнымъ для православной церкви“. Назначеніе словаря должно было состоять въ томъ, чтобы доставить вѣрное и отчетливое понятіе объ источникахъ православнаго вѣроученія и главнѣйшихъ предметахъ вѣры и нравственнаго ученія, указать отличіе вѣроисповѣданія православнаго и ученій чуждыхъ православію во всѣхъ частныхъ случаяхъ, открывать способы къ собственному изученію Слова Божія, знакомить съ важнѣйшими событіями въ исторіи Церкви и дѣятелями церковными, объяснять древнія учрежденія церковныя, соблюдаемыя православною церковію и уставомъ, и такимъ образомъ показывать чистоту ея, указывать правила, завѣщанныя Апостолами, соборами и св. Отцами для жизни всѣхъ и каждаго. „Такое изданіе,— говорилось въ объяснительной къ прошенію запискѣ А. А—ча,— представляется очень благопотребнымъ въ настоящее время. При возбужденной охотѣ къ чтенію, при встрѣчающихся въ обществѣ вопро-

сахъ о тѣхъ или другихъ предметахъ ученія христіанскаго и устройства церковнаго оно способствовало бы къ утвержденію однообразнаго правильнаго воззрѣнія на нихъ и предотвратило бы многихъ отъ броженія мысли и шаткости убѣжденій". Въ составъ этого словаря должны были входить статьи по предметамъ, служащимъ къ объясненію Св. Писанія: введенію въ книги Св. Писанія, герменевтикѣ, археологіи, священной исторіи, географіи и естественной исторіи; также по богословію: общему и догматическому, дѣятельному, пастырскому и каноническому, и по церковно-исторической наукѣ. Статьи должны располагаться въ алфавитномъ порядкѣ ихъ главныхъ предметовъ. Къ сотрудничеству въ „словарѣ" кромѣ наставниковъ Академіи, могутъ приглашаться и сторонніе лица. Всѣ они, для удобнѣйшаго дѣйствованія должны раздѣлиться на группы, примкнувъ къ тому или другому отдѣлу наукъ, соотвѣтственно своей ученой спеціальности, и каждая группа имѣть своего редактора. Чтобы не было пропусковъ отъ раздѣленія предметовъ, проектировались общія совѣщанія редакторовъ. — Митрополитъ одобрилъ такой трудъ и приказалъ выдать изъ собственныхъ суммъ 12000 рублей на изданіе его [1]). Но не смотря на всѣ такъ благопріятно для него сложившіяся обстоятельства, не смотря даже на то, что и часть матеріала была для него подготовлена, это изданіе не состоялось: — не хватало, должно быть, энергіи и единодушія у сотрудниковъ [2]); а потомъ скоро не стало и самого м. Филарета, побудителя на всякое доброе дѣло.

Онъ скончался 19 ноября 1867 года. Велику утрату понесла въ лицѣ его вся московская церковь; но неизмѣримо велику — наша Академія. Филаретъ 46 лѣтъ держалъ ее подъ своимъ смотрѣніемъ. Среди множества занятій по дѣламъ епархіальнымъ и общецерковнымъ, требовавшимъ отъ него неутомимой, непрерывной дѣятельности, онъ всетаки находилъ время слѣдить за Академіей, и слѣдилъ. Съ глубокимъ вниманіемъ входилъ онъ во всѣ части академической жизни — ученую, административную и экономическую,

---

1) Рѣчь о дѣятельности м. Филарета по отношеніи къ Моск. Академіи. С. Смирнова. Приб. XXXI, 294.

2) Матеріалы для исторіи „церк. библ. словаря" въ арх. Горскаго.

вездѣ съ одинаковою строгостію и полнотою. Слѣдилъ за ходомъ преподаванія, разсматривалъ конспекты, требовалъ иногда самыя лекціи, безъ своихъ критическихъ замѣчаній не пропускалъ ни одного ученаго Академіи порученія, ни одного ученаго ея труда. Назначеніе, награды, перемѣщеніе наставниковъ Академіи, составъ курсовъ, контроль за поведеніемъ студентовъ, и это все было предметомъ его дѣятельнаго вниманія. Своими пожертвованіями онъ улучшилъ бытъ наставниковъ и студентовъ, усилилъ средства библіотеки, улучшилъ академическія зданія. И вотъ онъ скончался. Академія оплакивала въ немъ своего лучшаго начальника, отца, благодѣтеля. Сугубо оплакивалъ его вмѣстѣ съ Академіей и А. В—чъ: онъ возвелъ его на служебную высоту, онъ же былъ и виновникомъ его ученой славы. Память своего великаго учителя и руководителя А. В—чъ почтилъ надгробнымъ словомъ при его отпѣваніи.

Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ въ Академіи были временемъ ея переустройства. Дѣло началось въ 1869 году съ внѣшняго—устроенія въ ней домовой церкви. Главнымъ дѣятелемъ тутъ былъ А. В-чъ. — Еще въ январѣ онъ писалъ Антонію, архіеп. Казанскому: „въ настоящее время у насъ все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль устроить у себя свою церковь и совершать въ ней богослуженіе уже независимо отъ лавры. Покойный владыка нашъ этого не устроилъ, хотя ректоръ просилъ у него такое разрѣшеніе. Но нынѣшній святитель нашъ (м. Иннокентій) смотритъ на это дѣло иначе. Почетный блюститель Академіи изъявилъ свое усердіе къ удовлетворенію сей духовной потребности. И, можетъ быть, Господь даруетъ намъ счастіе жить подъ однимъ кровомъ съ Его жилищемъ“[1]). Въ началѣ февраля А. В—чу пришлось быть въ Петербургѣ[2]). Здѣсь онъ и доложилъ митрополиту о своемъ желаніи устроить собственную для Академіи церковь. Владыка одобрилъ намѣреніе[3]) и потребовалъ для церкви планъ и условія, на которыхъ

---

[1]) Письмо А. В—ча къ Антонію, архіеп. Казанскому отъ 25 мая 1869 г., въ арх. Горскаго.

[2]) А. В—чъ ѣздилъ туда на юбилей Университета въ качествѣ представителя Моск. Дух. Академіи.

[3]) Дневникъ А. В—ча. Прибавл. XXXV, 255.

предполагалось существованіе при ней духовенства. То и другое было ему представлено; но прошло еще довольно времени, пока планъ, соотвѣтственно замѣчаніямъ митрополита былъ исправленъ, и дѣло о церкви было наконецъ отправлено къ нему въ Петербургъ. „Пользуемся, — писалъ ему въ этомъ разъ въ частномъ письмѣ А. В—чъ, — первою возможностью представить Вашему Высокопреосвященству дѣло объ устроеніи церкви, доколѣ вы еще не оставили С.-Петербургъ, дабы при Вашемъ милостивомъ содѣйствіи оно нашло себѣ благосклонный пріемъ въ Св. Синодѣ и могло получить скорое себѣ разрѣшеніе. — Въ упованіи на Ваше Архипастырское благословеніе и содѣйствіе мы не сомнѣваемся, что намъ даровано будетъ утѣшеніе не только прилежати въ дому Божіемъ, но и жить подъ кровомъ Его, дабы болѣе и болѣе самимъ и нашимъ юношамъ проникаться и исполняться духа церковнаго“ [1]). Разрѣшеніемъ въ Синодѣ не замедлили, и церковь въ началѣ 1870 года была устроена. — Не далѣе, какъ черезъ годъ, по ходатайству того же А. В—ча, къ ней было отведено и особое кладбище въ самой чертѣ академическихъ владѣній. Въ октябрѣ 1871 года въ академической больницѣ скончался студентъ Вас. Головинъ. Донося митрополиту о смерти его и вызвавшихъ ее причинахъ, А. В—чъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: „погребеніе студента Головина побуждаетъ меня нижайше представить милостивому вниманію Вашего Высокопреосвященства слѣдующія обстоятельства. — Прежде студенты, которыхъ, по волѣ Божіей, застигалъ часъ смертный среди ихъ приготовленія на службу св. Церкви, были хоронимы на одной изъ линій ближайшаго къ Академіи лаврскаго кладбища, что подлѣ Смоленской церкви. Но какъ эта линія съ теченіемъ времени уже довольно наполнилась могилами, то открывается надобность пріискать другое помѣщеніе для отходящихъ изъ сей жизни братій нашихъ. — Въ одно изъ посѣщеній Академіи Вашимъ Высокопреосвященствомъ (въ іюнѣ 1870 г.), когда Вы изволили проходить чрезъ академическій садъ, мимо той линіи, гдѣ хоронятся наши студенты, я имѣлъ честь докладывать Вашему

[1]) Черновое письмо А. В—ча къ м. Иннокентію (безъ даты) въ арх. Горскаго.

Высокопреосвященству о сей надобности для Академіи, представляя, что можно было бы для сего воспользоваться частью сада академическаго, прилежащей къ тому же лаврскому кладбищу. Это было бы и не близко отъ жилища нашего, и не стѣснительно для насъ, и для лавры болѣе удобно. Въ настоящее время, обстоятельствами вынуждаясь воспользоваться симъ соизволеніемъ Вашего Высокопреосвященства, нижайше прошу Архипастырскаго разрѣшенія, въ этой части сада Академическаго прилежащей къ Смоленскому кладбищу, образовать небольшое кладбище собственно для служащихъ и учащихся въ Академіи. Къ сему поставляю присовокупить, что со стороны о. намѣстника, по сношеніи о семъ предметѣ съ нимъ, не заявлено никакого затрудненія, напротивъ объявлено совершенное согласіе“.[1]). Митрополитъ на это прошеніе отвѣтилъ: „съ Богомъ“, и студентовъ съ иѣхъ поръ стали хоронить на новоотведенномъ мѣстѣ.— Добромъ должны они помянуть А. В—ча и за церковь, и за кладбище.

За этимъ внѣшнимъ частичнымъ обновленіемъ Академіи послѣдовало вскорѣ полное внутреннее: въ 1870 году въ ней введенъ въ дѣйствіе новый уставъ. А. В—чу пришлось заводить механизмъ новой академической жизни.— Самая задача академическаго образованія ставилась теперь гораздо шире. По прежнему уставу (1814 г.) цѣлію духовнаго ученія въ Академіи было—„образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей слова Божія“; въ новомъ на счетъ ея говорилось: „православныя духовныя академіи суть высшія духовно-учебныя установленія, имѣющія цѣлію доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви и приготовлять преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній“. Двухъгодичные курсы въ ней замѣнялись теперь годичными, въ академіи образовалось три отдѣленія: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое. Науки раздѣлялись на общеобязательныя и спеціальныя; математическія изъ курса исключались. Кругъ административной дѣятельности Академіи на много сокращался противъ прежняго, выдѣленіемъ изъ него дѣлъ по управленію семинаріями и учили-

[1]) Въ чернов. видѣ донесеніе хран. въ арх. Горскаго.

щами; внѣшнее академическое правленіе послѣ того прекращало свое существованіе, а внутреннее и конференція превращались съ значительными измѣненіями въ „совѣтъ“— по учебной части и „правленіе по хозяйственной и распорядительной по дому“. Власть епархіальнаго архіерея во многихъ случаяхъ ограничивалась въ пользу самоуправленія Академіи или „Учебнаго при Св. Синодѣ Комитета“, вмѣсто бывшаго „духовно-учебнаго Управленія“.—На такихъ началахъ должна была устроиться по новому уставу академическая жизнь.—А. В—чу не мало стоило труда и нравственныхъ лишеній остановить дѣйствующіе порядки, чтобы ввести вмѣсто нихъ сейчасъ изложенные новые.

Въ то время, какъ въ Академіи шли разныя переустройства да передѣлки, за стѣнами ея, въ обществѣ—именно раскольническомъ стало замѣтно нѣкоторое движеніе въ пользу сближенія съ церковію. Въ разныхъ общинахъ раскола, нѣкоторые изъ вліятельныхъ людей, отрѣшившись отъ фанатической ненависти своихъ собратій къ церкви, отнеслись критически къ своимъ предубѣжденіямъ противъ нея и, провѣривши ихъ съ ученіемъ Отцовъ Церкви и съ своими уважаемыми книгами, убѣдились въ неправотѣ нѣкоторыхъ нареканій на церковь и свои убѣжденія открыто сообщили другимъ. Нѣкоторые же изъ нихъ, здравымъ смысломъ, начитанностію и благою жизнію заслужившіе общее уваженіе и при такихъ качествахъ занимавшіе высшія іерархическія мѣста въ раскольническихъ общинахъ, возвратились въ лоно православной церкви. Та замкнутость, при которой раскольники избѣгали всякихъ сношеній съ православными по дѣламъ вѣры и церкви, видимо начала колебаться; раскольники стали по временамъ вступать въ открытыя пренія съ православными. Однимъ словомъ, въ расколѣ было время, когда взаимныя объясненія съ нимъ православной церкви, и устныя, и печатныя, по поводу разныхъ недоразумѣній стали болѣе возможны, чѣмъ прежде. Стоявшій тогда на стражѣ церкви московскій митрополитъ Иннокентій зоркимъ своимъ окомъ сразу же замѣтилъ такое настроеніе въ расколѣ и рѣшилъ воспользоваться имъ для примиренія отпавшихъ съ церковію. Планъ къ тому былъ у него уже готовъ. Расколъ, — какъ понималъ его митрополитъ, былъ дѣломъ совершенно случай-

нымъ; образовался онъ отъ неосторожности съ одной стороны и недоразумѣнія съ другой,—слѣдовательно, по общей винѣ. Поэтому и къ прекращенію его,—думалъ онъ,—нужно взаимодѣйствіе обѣихъ сторонъ. „Нужно сообща съ уклонившимися отъ церкви разсмотрѣть и раскрыть сущность раскола и отличіе его отъ православія, исторически, по порядку времени прослѣдить весь періодъ его существованія; съ самаго начала до послѣдняго времени, добросовѣстно, съ строгою правдивостью, безпристрастно и безъ предубѣжденія изслѣдовать и разъяснить всѣ дѣйствія правительства церковнаго и гражданскаго противъ раскола, равно какъ и раскола противъ церкви и правительства, обсудить въ духѣ кроткой, христіанской любви тѣ и другія, не уязвляя противника и не закрывая собственныхъ ранъ, объясниться въ недоразумѣніяхъ и сознаться искренно въ ошибкахъ и увлеченіяхъ, гдѣ тѣ дѣйствительно были, помня, что ошибаться свойственно людямъ, что только церковь вселенская свободна отъ ошибокъ, а отдѣльныя лица, какія бы они не занимали мѣста въ Церкви и государствѣ, всегда подлежатъ опасности впасть въ ошибку“. Такимъ путемъ разсужденія основательнаго и въ то же время искренняго, безпристрастнаго, ему казалось,—обѣ стороны могутъ сблизиться во взаимномъ довѣріи, а потомъ постепенно во взглядахъ на предметъ вѣроученія и въ сужденіяхъ о нихъ. Въ такомъ именно смыслѣ была составлена митрополитомъ докладная записка въ Св. Синодъ [1]). Не рѣшаясь, однако, дать ей ходъ, не посовѣтовавшись объ дѣлѣ съ людьми компетентными въ немъ, онъ послалъ её на просмотръ въ Академію къ А. В—чу при письмѣ такого содержанія: „въ настоящее время многихъ изъ раскольниковъ колеблющихся въ мнимой правотѣ раскола удерживаетъ къ присоединенію къ единовѣрію или по крайней мѣрѣ тревожитъ проклятіе собора 1667 года на раскольниковъ и нѣкоторыя противныя имъ выраженія въ прежнихъ полемическихъ книгахъ нашихъ. Первый вопросъ былъ разъясненъ покойнымъ владыкою: но раскольники желаютъ, чтобы это было сдѣлано соборомъ. Нѣкоторые заявили (игумену Павлу) жела-

1) Въ копіи хран. въ арх. Горскаго.

ніе, чтобы и непріятныя имъ выраженія отмѣнены или измѣнены были Св. Синодомъ. Заявленія уважительны. Но мнѣ кажется, что послѣднее можетъ разъясниться и успокоить тревожащихся предположительнымъ разборомъ исторіи раскола. — Зная напередъ, что Св. Синодъ прежде всего опредѣлитъ спросить по сему предмету васъ, — покорнѣйше прошу обратить ваше вниманіе на записку и, что почтете нужнымъ, — въ ней исправить и докончить, и въ исправленномъ видѣ прислать ко мнѣ; а между тѣмъ, посовѣтовавшись съ г. Субботинымъ и иными приготовляйте отвѣтъ серьезный, но не оффиціально, а отъ своего имени. Понятно, что если только ваша Академія приметъ на себя такое дѣло, необходимо будетъ представить и программу самаго объявленія о намѣреніи приступить къ такому дѣлу, съ приглашеніемъ принять участіе въ ономъ всѣхъ, кто желаетъ и можетъ и пр. Впрочемъ, не мнѣ васъ учить. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта на сіе“ [1]).

А. В—чъ смотрѣлъ на расколъ безъ предубѣжденія противъ него. Въ немъ онъ видѣлъ не однѣ только дурныя стороны. Поэтому, отдѣлившихся отъ церкви изъ-за вещей собственно не важныхъ для существа вѣры, онъ могъ только искренно сожалѣть и отъ души жалѣть имъ скорѣйшаго возвращенія въ нее. Планъ митрополита встрѣтилъ въ немъ полное сочувствіе себѣ. Пользуясь пока пребываніемъ митрополита въ Петербургѣ, А. В—чъ поспѣшилъ отвѣтить ему. „Сообщенную мнѣ,—писалъ онъ ему,—отеческою довѣренностію Вашего Высокопреосвященства записку о примирительныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ раскольникамъ я съ глубочайшею признательностію прочиталъ и весьма обрадованъ былъ, что слово правды и мира, давно уже покоившееся на устахъ Вашихъ, готово наконецъ идти въ сонмъ высшихъ предстоятелей церкви. Да даруетъ ему Господь благопріятное теченіе и вожделѣнный исходъ.—Съ дозволенія Вашего Высокопреосвященства я сообщилъ о предположеніи Вашего Высокопреосвященства и сотрудникамъ моимъ профессорамъ Субботину и С. Смирнову, которые болѣе всѣхъ прочихъ заинтересованы въ вопросѣ о расколѣ, какъ преподаватели исторіи и полемики

---

[1]) Письмо отъ 1871 года, въ арх. Горскаго.

противъ него. Ихъ мысли и желанія также сочувственны предполагаемому способу дѣйствованія и при помощи ихъ, если Богъ благословитъ, Академія наша, какъ мнѣ думается, можетъ послужить дѣлу православія въ безпристрастномъ разъясненіи взаимныхъ недоразумѣній между приверженцами раскола и православными, пригласивъ къ участію въ этомъ дѣлѣ и нѣкоторыхъ изъ московскихъ священниковъ". Одобривъ далѣе мысль митрополита касательно клятвъ собора 1667 года и укоризненныхъ выраженій въ печатаемыхъ по изволенію Св. Синода книгахъ, А. В—чъ добавлялъ въ письмѣ: „чтобы Св. Синодъ удобнѣе могъ быть приклоненъ къ принятію предлагаемаго Вашимъ Высокопреосвященствомъ образа дѣйствованія, не нужно-ли будетъ представить еще на видъ, что а) часто осужденія нѣкоторыхъ прежняго времени мѣропріятій оказываются несвободными отъ вымысла, уже обличеннаго учеными свѣтскими, помимо самой церкви и б) разсмотрѣніе дѣла собственно ученымъ путемъ не предрѣшаетъ сужденія церковнаго.—Съ другой стороны можно надѣяться, что ученый разборъ, основательно знакомя съ предметомъ, искренно преданнымъ дѣлу церкви не дастъ увлечься довольно принятымъ въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ изданіяхъ стараніемъ всѣми силами оправдывать расколъ въ его борьбѣ съ церковію". Въ заключеніе письма А. В—чъ предлагалъ митрополиту учредить особое по дѣламъ раскола братство. „Состоя изъ членовъ, стоящихъ ближе насъ къ обществу раскольниковъ, зная ихъ образъ мыслей не по книгамъ только, но и по живому съ ними обращенію, оно могло бы, — объяснялъ онъ, — быть живымъ посредникомъ между двумя сторонами въ сообщеніи ближайшихъ потребностей однихъ и въ направленіи дѣятельности другихъ [1]). Проектъ митрополита, собственно говоря, былъ грандіозенъ, а по тому времени, пожалуй, и слишкомъ смѣлъ. Это, конечно, понималъ и А. В—чъ, но для него спасеніе погибавшихъ въ отдѣленіи отъ церкви было дороже всего. Неизвѣстна судьба, постигшая въ Синодѣ записку митрополита, но А. В—чъ на всякій случай серьезно подготовлялся къ дѣлу: обозрѣвалъ исторически наше богослуженіе, изслѣдовалъ отношеніе нашихъ богослужебныхъ книгъ къ грече-

[1]) Письмо въ арх. Горскаго.

скимъ и пр., хотя ему и не пришлось подѣлиться съ другими такимъ путемъ добытыми имъ свѣдѣніями [1]).

Среди разнообразныхъ занятій своихъ А. В—чъ не опускалъ изъ виду и проживавшихъ, почти рядомъ съ нимъ его родныхъ: мать, сестру и ея дѣтей. На нихъ успокоивалась его мысль, любовію къ нимъ питалось его сердце. Въ послѣднее, впрочемъ, время тревожнѣе сталъ онъ смотрѣть туда, на нихъ: мать достигла уже преклонныхъ лѣтъ и часто начала недомогать. Такъ тянулось давно. Наступилъ великій постъ въ 1872 году. Старушка слегла въ постель. Считая приключившійся недугъ за обычную ея болѣзнь, А. В-чъ много не опасался за ея жизнь. Но болѣзнь на этотъ разъ была къ смерти, старушка нежданно для всѣхъ, скончалась. Пришлось А. В—чу схоронить и ее. Не поздравивъ своевременно Невоструева со днемъ его ангела, А. В—чъ, извиняясь въ этомъ, писалъ вскорѣ ему: „не по забвенію вышло сіе, а по случаю тяжкой скорби, постигшей меня и присныхъ моихъ. Мы лишились нашей доброй матушки и лишились не приготовленные къ такой утратѣ. Была она слаба силами, но мы все еще думали, что она проведетъ съ нами еще нѣсколько недѣль. Но Господь судилъ иначе, и 3-го числа (марта) ея съ нами не стало, преселилась она ко Господу, Которому посвящена была особенно послѣдняя часть ея жизни [2]).

Самъ А. В—чъ только тремя годами пережилъ свою мать. Такіе труды, какіе ему пришлось понести, могли надломить здоровье и хоть бы чье. Въ концѣ декабря 1874 г. онъ сильно заболѣлъ. Наступившія святки и первое время послѣ нихъ А. В—чу пришлось провести въ Москвѣ, гдѣ онъ пользовался совѣтами докторовъ. Болѣзнь настолько поддалась тогда лѣченію, что въ теченіе поста испытавъ свои силы въ чтеніи студентамъ лекцій, А. В—чъ послѣ Пасхи вступилъ въ отправленіе и прочихъ своихъ обязанностей [3]); но это слишкомъ поспѣшное приступленіе къ обычнымъ сво-

---

1) См. „Соображенія о разсмотрѣніи спорныхъ вопросовъ между расколомъ и правосл. церковью“ (матеріалы для исторіи этого вопроса), въ арх. Горскаго.

2) Письмо А. В—ча, отъ 11 марта 1872 г., въ арх. Горскаго.

3) См. въ арх. Горскаго начерно составл. имъ заявленіе въ Совѣтъ о вступленіи его въ ректорскую должность.

имъ многосложнымъ занятіямъ снова подорвало еще не укрѣпившіяся должнымъ образомъ силы А. В—ча. Преосв. архіепископъ Литовскій Макарій, прибывшій въ Академію ревизоромъ, засталъ его въ такомъ разстроенномъ состояніи, что онъ едва ходилъ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода и митрополитъ, знавшіе раньше о томъ, наказывали ревизору не безпокоить А. В—ча; и хотя, дѣйствительно, всѣ дѣла по обревизованію Академіи дѣлались безъ него и ревизія кончилась благополучно, отъ этого лучше ему не стало. Доктора совѣтовали на время оставить Академію и отправиться куда нибудь на дачу. Верстахъ въ пяти отъ Хотьковскаго монастыря въ селѣ Ахтыркѣ, у приходскаго священника былъ снятъ на лѣто домъ. По окончаніи экзаменовъ А. В—чъ и поѣхалъ туда. Но не смотря на частые наѣзды къ нему академической братіи и на то, что вѣсти изъ Академіи приходили почти ежедневно, онъ не вынесъ долго своего одиночнаго заключенія: его тянуло въ Академію, и онъ чрезъ двѣ недѣли воротился въ нее. Прежде бывало онъ любилъ прогуливаться въ академическомъ саду, не могъ онъ оставить эту привычку и теперь, во время болѣзни, и часто спускался изъ своихъ покоевъ внизъ. Чтобы не утруждать слабыя силы, его помѣстили внизу въ ближайшей студенческой комнатѣ (гдѣ теперь спальня № 3). Но покой и удобство были нарушены и здѣсь: въ началѣ августа стали съѣзжатся къ пріемнымъ экзаменамъ студенты, и А. В—чу пришлось переселиться опять къ себѣ. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе никуда уже не выходилъ. Экзамены, послѣдовавшая за ними конференція,—все это прошло безъ него, подъ предсѣдательствомъ временно исправлявшаго должность ректора—покойнаго В. Д. Кудрявцева. Начались у студентовъ занятія. А. В—чъ не выносилъ томительнаго, хотя невольнаго бездѣйствія въ болѣзни и приказалъ, къ общему удивленію студентовъ, являться имъ для слушанія лекцій къ нему на квартиру. Представьте себѣ картину. За небольшимъ столикомъ, съ одной стороны на креслѣ помѣщается о. ректоръ, съ трехъ остальныхъ сторонъ на стульяхъ—студенты. Старецъ-профессоръ, надломившій свои могучія силы, удрученный болѣзнью, съ учащеннымъ дыханіемъ и прерывающимся голосомъ, продолжалъ курсъ своихъ ученыхъ лекцій, когда уже немного оставалось ему до окончанія и самой

своей жизни. Студенты внимательно, теперь больше, чѣмъ прежде, слушали предсмертные уроки пламеннаго ревнителя науки, но съ замираніемъ сердца замѣчали его угасаніе [1]). Прошло немного времени и его въ живыхъ не стало. Разсказываютъ такую подробность о его смерти. 11-го октября, въ 10 часовъ вечера, звономъ колокольчика призываетъ А. В—чъ слугу и говоритъ: „я хочу скорѣе домой". Слуга, подумавъ, что онъ желаетъ быть въ маломъ кабинетѣ, замѣтилъ, что этого сдѣлать нельзя, прибѣжалъ другой слуга; больной вдругъ вскакиваетъ съ кресель и бѣжитъ, — слуги не имѣли силъ удержать его; прибѣжавъ въ гостинную, по направленію къ иконамъ, больной палъ въ кресла, три раза громко вздохнулъ и скончался.

Было 5 минутъ 11 часа [2]).

Въ предыдущей, исторической части своего сочиненія намъ почти вовсе не приходилось касаться внутренней стороны жизни Александра Васильевича, проявленій его собственнаго духа. Въ этой части мы останавливаемся на разнообразныхъ отношеніяхъ его къ окружающей средѣ, на жизни его у себя дома, на его взглядахъ, литературныхъ трудахъ, словомъ, на всемъ, въ чемъ выражается жизнь духа.

А. В—чъ не жилъ изолированно отъ окружающей его среды. Въ Академіи, въ числѣ лицъ профессорскаго персонала, у него были близкіе ему люди и даже друзья. — Первымъ другомъ въ самую раннюю пору службы въ Академіи у А. В—ча былъ Филаретъ, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій.

Филаретъ былъ лишь однимъ курсомъ старше А. В—ча. По окончаніи курса въ Академіи, уже будучи монахомъ, онъ сначала былъ опредѣленъ при ней баккалавромъ церковной исторіи, а потомъ, въ 1833 году, назначенъ инспекторомъ; въ январѣ 1835 года былъ возведенъ въ архимандрита и въ декабрѣ опредѣленъ ректоромъ Академіи и вмѣстѣ настоятелемъ Московскаго Богоявленскаго монастыря [3]).

---

[1]) У Н. Троицкаго въ „Воспоминаніяхъ". Чт. въ Общ. Л. Д. Пр. 1881, III, 445.

[2]) „Памяти о. ректора М. Д. Академіи прот. А. В. Горскаго". Прав. Обозр. 1875, II, прилож. 6.

[3]) У С. К. Смирнова, стр. 379 и 422.

Въ Академіи, когда Филаретъ (въ мірѣ—Дмитрій Гумилевскій) сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, онъ всегда числился лучшимъ студентомъ и по успѣхамъ, и по поведенію. Среди товарищей онъ былъ, видно, добрымъ юношей, тихимъ, скромнымъ, миролюбивымъ, всегда самоуглубленнымъ и внимательнымъ къ себѣ и къ тому же настроеннымъ на какой-то особый благочестивый ладъ. Академическое начальство то и дѣло поощряло своего молодаго студента за эти добрыя качества его души; а особенно похваляло въ немъ его кротость, которую выставляло въ своихъ мѣсячныхъ запискахъ, какъ отличительное и преимущественное его свойство [1]). Такимъ поступилъ онъ и на службу. Предметъ (церковная исторія) пришолся ему по душѣ, и онъ съ неослабѣвающимъ усердіемъ дни и ночи сидѣлъ надъ разработкой его. Академію любилъ пламенно, отъ всего сердца; студентовъ считалъ за родныхъ своихъ, а благо ихъ и всей Академіи—собственнымъ благомъ. Словомъ, былъ человѣкомъ весьма симпатичнымъ и для Академіи незамѣнимымъ. Но несчастливо сложившіяся обстоятельства подъ конецъ академической службы сильно его растроили: пришлось потерпѣть разныя неудачи и огорченія, а потомъ съ нимъ приключилась какая то тяжелая хроническая болѣзнь. Все это весьма неблагопріятно повліяло на его характеръ. Всегда ровный, спокойный Филаретъ сдѣлался послѣ того нервнымъ и раздражительнымъ. Всякая мелочь теперь болѣзненно стала отзываться на его душѣ. Достаточно, бывало, дать какое-либо порученіе ему, — обозрѣть, напр., семинарію или произвести слѣдствіе въ ней,—да обстоятельствамъ и задержать его за нимъ; или и самому ему — отдать, напр., въ цензуру свою книгу, брошюру, статью, а цензурному комитету замедлить цензурой своей: Боже мой, что творилось тогда съ бѣднымъ Филаретомъ!—Всему свѣту доставалось отъ него. Начнетъ бранить человѣчество, всю неправду его, лукавство, зависть, злобу; переберетъ всѣхъ и всё, а потомъ перейдетъ и на себя, и себѣ спуску не дастъ. И выходитъ, по нему, что онъ самъ хуже всѣхъ: и грѣшникъ-то и окаянный то, и т. д. и т. д. начнетъ

[1]) См. „Книгу поведенія студентовъ Моск. Дух. Академіи высшаго и низшаго отдѣленія на 1826, 1827, 1828 и 1829 годы, хран. въ арх. Академич. Правленія.

поносить себя, пока самоуничиженіе не вызоветъ въ немъ другихъ чувствъ—безпредѣльной благости и милосердія небеснаго Отца и Его неисчерпаемой, всепрощающей любви, и на нихъ не помирится съ собою и со всѣми [1]). Съ такимъ человѣкомъ судьба и столкнула А. В—ча.

Знакомство съ нимъ А. В-ча завязалось чрезъ посредство Ѳ. А. Голубинскаго: онъ рекомендовалъ ему Филарета, какъ человѣка добраго и прекраснаго. Это было въ ту пору, когда оба они учились еще: А. В-чъ на младшемъ курсѣ въ Академіи, а Филаретъ на старшемъ. Вспоминая въ своемъ дневникѣ минувшіе годы и дни, А. В-чъ о Филаретѣ и знакомствѣ съ нимъ пишетъ: „неясныя и неопредѣленныя черты души его (Филарета) не сдѣлали на меня живаго впечатлѣнія, потому я скоро могъ отстать отъ него; долго придерживала къ нему мою одинокую и начинавшую уже чувствовать свою одинокость душу рекомендація моего благодѣтеля; но слабая привязь!“ Заключаемъ отсюда, что первыя отношенія А. В-ча къ Филарету были только формальныя, и знакомство съ нимъ, ради приличій, шапочное. Впослѣдствіи, когда А. В-чъ годъ прослужилъ въ семинаріи, перешелъ въ Академію и не мало здѣсь жилъ, они сошлись между собою, и сошлись какъ самые близкіе, неразлучные друзья. Предъ нашими глазами лежитъ начальная ихъ переписка: по ней безошибочно можно прослѣдить, какъ между ними завязывалась, постепенно росла и крѣпла ихъ дружба. Первое по времени письмо, Филарета было адресовано А. В-чу, когда онъ былъ наставникомъ въ Москвѣ. Филаретъ поручалъ ему сдѣлать какую-то выписку и описаніе нѣкоторыхъ рукописей семинарской библіотеки. „Требованія сіи, писалъ онъ, конечно не легко исполнить: но любовь облегчитъ трудъ; между тѣмъ и я не желаю быть такимъ законникомъ, который бы только отягчалъ бремена чужія; я представляю только желанія свои“ [2]). А. В-чъ исполнилъ просьбу. Какъ видно отсюда, — обоихъ начали сближать сначала интересы научные. Потомъ, на этой, неустойчивой еще совсѣмъ, почвѣ между ними мало по малу начинаетъ зарождаться болѣе прочное общеніе нравственное.

---

1) См. письма Филарета къ А. В-чу. Прибавл. XXXI, XXXIII, XXXVI тт.
2) Письмо Филарета къ А. В-чу 1 іюня 1833 г., въ арх. Горскаго.

Филаретъ, почему-то взявшій нѣсколько покровительственный тонъ въ сношеніи съ А. В-чемъ, переноситъ свой попечительный взоръ на нравственную половину его существа и, по видимому, старается подѣйствовать на нее. Разъ, по переходѣ въ Академію и, вѣроятно, вскорѣ послѣ того, А. В-чу пришлось писать проповѣдь на день Покрова. Работа была исполнена и проповѣдь въ свое время произнесена. По этому поводу между А. В-чемъ и Филаретомъ происходитъ обмѣнъ мыслей. Филаретъ, чрезъ нѣсколько дней возвращая А. В-чу проповѣдь, пишетъ ему: „я четыре раза читалъ ее. Въ Покровъ отъ инспектора я слышалъ, что въ ней много школьнаго и вообще неаккуратныхъ выраженій. Но я этого не нашелъ при внимательномъ чтеніи. То, что съ перваго взгляда казалось поспѣшнымъ, исполнено твердости и мужественности, поставлено на основаніяхъ зрѣло обдуманныхъ. И всегда мужественный и солидный языкъ рѣдокъ, но преимущественно въ нашъ „пузырный“ вѣкъ, въ который всѣ дуются. Но я тебѣ скажу о проповѣди то, что я сказалъ тебѣ почти случайно, тогда какъ сказалъ ты проповѣдь. Тебѣ какъ будто стыдно было въ своей проповѣди сойти съ высоты умозрѣнія, на которую ты, отдѣлясь отъ всѣхъ, забрался, какъ будто ты боишься унизить себя, чтобъ снизойти къ твоимъ слушателямъ, сочувствовать имъ, поскорбѣть съ ними объ ихъ искушеніяхъ, нуждахъ. Во всей проповѣди господствуетъ духъ умозрѣнія самаго отвлеченнаго хотя она и направлена къ жизни, духъ почти гностическій. Я не могу тебѣ указать на какія-нибудь мысли противныя духу православной церкви, но чувствую духъ чуждый. Развѣ укажу только на выраженія, которыя впрочемъ важны потому, что занимаютъ очень важное мѣсто: „представлять Бога въ своемъ сознаніи“; „уроки мудрости учатъ находить Бога въ своемъ сознаніи“. Ты самъ знаешь, что эти выраженія истекли изъ болота раціонализма гностическаго, Шлейермахеровскаго, Неандеровскаго. И еще православный обратилъбы вниманіе, разсматривая твой предметъ, и на содѣйствіе благодати и на то величіе, которое ожидаетъ въ царствѣ славы того, иже сотворитъ и научитъ. Не подумай, впрочемъ, что будто я причисляю тебя къ гностикамъ. Нѣтъ. Я знаю, что ты имѣешь основаніе чистой, православной

вѣры, но и крѣпко запустилъ въ тебя когти волкъ нѣмецкой, конечно безъ твоего вѣдома. Не произноси осужденія на мои сужденія, какъ сужденія человѣка поверхностнаго, страннаго, непонявшаго. Прочитай нѣсколько каѳизмъ изъ псалтири или нѣсколько каноновъ и акаѳистовъ изъ каноника—а потомъ твою проповѣдь; ты самъ ощутишь въ ней вліяніе духа чуждаго православію. Сдѣлай милость глубже осмотри твое направленіе. Ты, самъ не зная, дѣлаешься апостоломъ духа чуждаго. Пусть будетъ мое слово для тебя побужденіемъ менѣе надѣяться на твое усиліе все божественное познать умомъ твоимъ, который, можетъ быть и тебѣ незамѣтно, стоитъ или поставилъ себя высоко, высоко, и побужденіемъ для тебя чаще исходить во внѣшнюю жизнь, ближе соединяться съ православною церковью, основательнѣе оцѣнить ея малѣйшія правила, которыми ты теперь не занимаешься, но исполненіе которыхъ составляетъ отличительный характеръ православнаго христіанина, слѣдовательно — лучшаго христіанина. — Пойми всю чистоту моихъ побужденій сказать тебѣ жесткое для умнаго ума слово. Господь да даруетъ тебѣ идти царскимъ путемъ, т. е. среднимъ, который есть путь нашей церкви“ [1]). Послѣдняя въ письмѣ фраза, которой говорилось о необходимости соблюденія истиннымъ христіаниномъ всѣхъ правилъ и предписаній церковныхъ дала обоимъ тему для новыхъ разсужденій о духѣ христіанской религіи, о вѣчномъ спасеніи вообще и о сравнительномъ значеніи въ христіанствѣ вѣры теоретической и дѣятельной. А. В-чъ отдавалъ свое предпочтеніе первой и отстаивалъ её; Филаретъ старался разубѣдить. „Понимаю я, писалъ онъ ему въ другомъ письмѣ,—различіе жизни христіанина отъ разума христіанина. Но въ томъ глубоко увѣренъ, что тайны и духъ религіи заключены не въ одномъ знаніи догматовъ религіи; и потому опять съ увѣренностію сердца повторяю, что мысль, будто ученые знаютъ тайны религіи, а не ученые только поверхность, ведетъ къ погибели вѣчной. Глубоко я уважаю труды тѣхъ подвижниковъ просвѣщенія, которые посвятили жизнь свою на собраніе ученаго знанія вѣры; но если они въ этомъ знаніи поставляютъ всѣ тайны вѣры,

[1]) Письмо Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

то съ трепетомъ смотрю на нихъ, — потому, что они созидаютъ вавилонское зданіе, которое разрушится само и въ своихъ развалинахъ погребетъ своихъ зиждителей. Простое ученое знаніе религіи никогда не приведетъ къ истинному образованію христіанина, оно дѣлаетъ исправнымъ, осторожнымъ, внимательнымъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, только не истиннымъ христіаниномъ. Объ этомъ я говорю не по умозрѣнію, но по своему опыту. Безъ сомнѣнія, я не могу себя назвать большимъ подвижникомъ учености; но и я не безъ дѣла ученаго. Я глубоко и тонко *выучился* прикрывать всѣ мои недостатки и доказывать мои права на милость Господа, на участіе людей. Но въ самомъ то дѣлѣ не стою ничего. Господи спаси и помилуй. О таинствахъ и о молитвѣ и о жизни я упомянулъ, какъ о единственныхъ средствахъ познанія духа религіи. Вкусите и видите — вотъ способъ знанія христіанской религіи" [1]). Разъясненія и доводы Филарета, должно быть, подѣйствовали на душу А. В—ча. Онъ созналъ свое заблужденіе и грѣхъ и просилъ Филарета потерпѣть на немъ. Филаретъ былъ растроганъ сердечнымъ признаніемъ своего собесѣдника и на другой день въ слѣдующемъ письмѣ ему пишетъ: „если бы ты, мой другъ, могъ вчера видѣть, какая горячая слеза благодарности къ Господу выпала изъ глазъ моихъ и какимъ утѣшеніемъ было полно сердце мое, что ты слова мои принялъ не какъ поверхностное сужденіе, но какъ плодъ глубокаго (по моимъ силамъ) разсужденія и убѣжденія. А я не только тебя терплю, какъ ты требуешь, но и люблю, и уважаю" [2]). Послѣ такихъ искреннихъ изъясненій въ письмахъ, и тотъ и другой стали какъ то проще и откровеннѣе и въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Разъ, при свиданіи съ Филаретомъ, А. В—чъ позволилъ себѣ высказаться предъ нимъ на счетъ отношеній его къ ректору Поликарпу. Въ разговорѣ, онъ выставилъ Поликарпа въ довольно непривлекательномъ видѣ и совѣтовалъ Филарету дальше держаться отъ него. Добровольно взятый на себя подвигъ учительства не прошелъ А. В—чу даромъ. Чрезъ два дня онъ искренно каялся въ своемъ грѣхѣ Филарету.

---

[1]) Письмо Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.
[2]) Письмо Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

„Вотъ уже другое утро, писалъ онъ ему, встрѣчаю я безъ того мира, которымъ надѣляетъ душу увѣренность, что мы не подавали никому никакого повода къ огорченію. Не знаю, — состояніе моего духа — сочувствіе ли Вашему, или нѣтъ: но, какъ бы то ни было, оно тяжело, и въ первомъ случаѣ вдвойнѣ тяжело для меня. Меня почему-то тяготитъ то, что я высказалъ Вамъ въ послѣдній вечеръ, когда былъ у Васъ. — Чѣмъ больше вникаю въ причины, которыя произвели во мнѣ настоящее состояніе духа, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что все непріятное было-бы предотвращено, когда бы поменьше у меня было дерзости разсуждать о такихъ вещахъ, которыхъ и азбуки не знаю, — когда бы я умѣлъ болѣе себѣ разсуждать, нежели другихъ. Сдѣлайте милость, простите моему безумію. Въ Вашемъ прощеніи мнѣ миръ.. Не сочтите моего настоящаго объясненія за мѣру какой-либо политичности. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ: мои слова искренни: пишу то, что чувствую и потому, что чувствую“ [1]). Филаретъ на этомъ же письмѣ обратно писалъ А. В—чу: „если бы я встревожился словами твоими, раскаяніемъ я загладилъ-бы вину эту. Нѣтъ, я хочу, я ищу людей, которые могли бы мнѣ говорить о мнѣ самомъ. Знаю хотя и немного, что я самъ себя плохо вижу. За что же мнѣ отталкивать добрыхъ людей, которые лучше меня видятъ мое положеніе?... Скажите прямо: я право не знаю, какими словами — думаете Вы — обидѣли меня? Въ чемъ была дерзость“? А. В—чъ поспѣшилъ объяснить её. „Слова, которыми, мнѣ думалось, я могъ огорчить Васъ, писалъ онъ въ слѣдующей запискѣ Филарету, относились къ тому лицу, о которомъ мы говорили. Я откровенно говорилъ Вамъ, какимъ оно представляется моему сердцу, и какое можетъ имѣть вліяніе на Вашу душу обращеніе съ нимъ. Вы сами тогда замѣтили во мнѣ, что въ этомъ случаѣ я невольно пришелъ къ такому результату, котораго не хотѣлъ высказать, но по требованію Вашему сказалъ Вамъ. Я забылъ все, не знаю ничего теперь болѣе и не хочу знать. Да укрѣпитъ Васъ Господь въ Вашихъ чувствахъ относительно того лица. Да будетъ и еще болѣе и болѣе бдѣніе надъ самимъ собою“ [2]). Въ этой же за-

[1]) Записка А. В—ча къ Филарету (безъ даты) въ арх. Горскаго.
[2]) Записка А. В—ча къ Филарету (безъ даты) въ арх. Горскаго.

пискѣ А. В—чъ спрашивалъ у Филарета: отчего не проходитъ ему даромъ ни одно слово откровенности: когда произноситъ его, чувствуетъ себя послѣ „не въ добромъ положеніи“. Филаретъ тутъ же на ней отвѣчалъ: „это отъ того, что душа Ваша теперь не находитъ себя готовою для того, чтобы наставлять другихъ. И говорить хорошо и молчать хорошо. Каждый выбирай то или другое, смотря по состоянію духа. Если вы положите, что для Васъ лучше молчать: то храните эту заповѣдь свою. Если положите говорить, — говорите, чего бы это ни стоило для Васъ. Думаю, что лучше сперва поучиться самому хорошенько, чѣмъ учить. Если видишь или слышишь, что не хорошо ведетъ себя ближній твой: держи душу свою такъ, что будто ты и не видишь и не слышишь того. Скажи душѣ твоей: почему я знаю душу брата?.. Если впрочемъ ты сильно пожелаешь сказать слово брату близкому къ тебѣ: скажи просто, какъ исторію; не прилагай суда въ душѣ твоей, не позволяй сердцу твоему и уму — прибавлять къ тому, что видишь или слышишь. Богъ судья. Скажи напротивъ душѣ твоей: ну, по худобѣ твоей пусть будетъ такъ, что скажу: не знаю, что не я сдѣлаю пользу, а развѣ Господь; я хуже и грѣшнѣе всѣхъ. Если послѣ того душа твоя почувствуетъ тяготу, открой Господу эту тяготу и тому, кого изберетъ душа твоя. Опасайся держать помыслы на душѣ твоей; они истерзаютъ тебя безъ пользы. Живи душою простою. Пусть сердце твое работаетъ только тогда, когда дѣло идетъ о тебѣ... Смотри на міръ и людей, какъ зритель сторонній... Не забывай... во всякомъ случаѣ, — что у насъ всего болѣе можетъ грѣшить умъ, потому что онъ у насъ въ силѣ“.

Видно, — совершилось нравственное сліяніе обоихъ, началась дружба самая искренняя, сердечная. Филаретъ раскрылъ себя, какъ съумѣлъ, предъ А. В—чемъ и овладѣлъ его душою; а тотъ и самъ не замѣчая, отдался ему. Дальнѣйшая ихъ переписка лишь подтверждаетъ такія предположенія. А. В—чъ, дознавъ духовную опытность своего друга, спѣшитъ пользоваться уроками его практической мудрости, и забрасываетъ его вопросами, касающимися способовъ духовнаго надъ собой дѣланія. Въ одной, напр., запискѣ онъ спрашиваетъ его: какъ пособить совѣсти, чтобы

она могла точнѣе пересказать ему грѣхи свои. Филаретъ на это пишетъ ему: „не знаю самъ, какъ пробудить заглохшую душу мою. Надобно посмотрѣть, какъ добрые люди испытывали свою совѣсть, какъ они разсуждали о томъ или другомъ грѣхѣ, въ какой связи они представляли себѣ рожденіе грѣховныхъ дѣлъ. Не знаю, какъ тебѣ покажется это средство, а мнѣ оно было полезно. Итакъ можете взять въ руки Іоанна Лѣствичника; у него есть исчисленіе грѣховъ въ ихъ связи... Смотря на эти родословныя линіи и память Ваша приведетъ себѣ многое, чего до того времени не вѣдала она, и умъ самъ изъ своей жизни дополнитъ перечень возможныхъ и дѣйствительныхъ грѣховъ. Желаю тебѣ, другъ мой, лучше ознакомиться съ душею своею“ [1]). Въ другой запискѣ А. В—чъ спрашиваетъ Филарета, какъ ему стяжать „простоту души“. Филаретъ отвѣчаетъ ему: „ищите простоту вотъ такъ: дорожите чувствомъ смиренія, питайте чувство раскаянія, возбуждайте чаще воздыханіе о небѣ и укрѣпляйте въ себѣ чувство близости къ намъ благаго Господа. Тогда докучливая пытливость ослабѣетъ въ Васъ. Повѣрьте, другъ мой, что Вамъ очень нужна простота. Я боюсь за Васъ, что пытливость изсушитъ душу Вашу и Вы останетесь весь зоркимъ глазомъ, но глазомъ безжизненнымъ. Положеніе это не хорошо, когда хотятъ только все дознавать и мало дѣлаютъ. Правдо, очень пріятно имѣть свѣтлыя мысли, дорога душа близкая къ области ясновидѣнія, душа, которая далеко оставляетъ за собой міръ дѣйствительности не подвижной, грубой, земной, чтобы перейти въ міръ духовный. Но все хорошо въ своей степени. Извѣстное дѣло, что душа не стекло; въ ней должна быть жизнь, которая освѣщаясь проходящимъ сквозь стекло свѣтомъ, должна получать и еще какую нибудь пищу; свѣтомъ сытъ не будешь. Нѣтъ, надобно приводить всю душу въ борьбу, въ движеніе. А это что значитъ? Это значитъ, что надобно всего меньше поступать по своей волѣ, всего меньше дѣйствовать такъ, какъ хочется, и всего чаще такъ какъ заставляютъ или какъ не хочется. Самолюбіе—главная причина всѣхъ безпорядковъ въ душѣ нашей; не забравши его въ руки, Вы не успѣете ни въ чемъ должнымъ

[1]) Записка Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

образомъ; оно будетъ портить всѣ Ваши дѣла... Надобно смотрѣть за собой, не слишкомъ ли укрѣпляется въ насъ этотъ господинъ? Не онъ ли приводитъ въ безпокойное движеніе умъ нашъ? Не по его ли распоряженіямъ хотимъ мы давать всему новый видъ и считаемъ все старое плохимъ? Другъ мой! посматривайте на себя чаще съ этой стороны: это нужно, неизбѣжно нужно“ [1]). Еще какъ то разъ, тяготясь своимъ одиночествомъ, А. В—чъ жаловался Филарету на то, какъ трудно слѣдить за душею и, вообще, содѣвать свое спасеніе. Филаретъ указываетъ ему на необходимость того и другого. „Кто ищетъ спасенія,—пишетъ онъ ему,—тотъ вѣрно найдетъ его. Не тяготитесь одиночествомъ души. Не тяготитесь самою тяжестію. И одиночество и тяжесть—самыя нужныя вещи. Надобно, чтобы душа лучше ознакомилась сама съ собой, съ своими расположеніями, съ своими привычками. Одиночество лучшее дѣло въ дѣлѣ самопознанія. Одному съ собой заниматься, одному на себя посмотрѣть—просторъ! Если нужно совѣтоваться и съ другимъ: то не прежде, какъ самъ осмотришь себя. Замѣчанія другаго будутъ служить повѣркою моихъ собственныхъ. Замѣчанія другаго, не сопровождаемыя предшествующими собственными моими замѣчаніями, могутъ даже повредить вѣрному понятію о мнѣ самомъ. Но когда ознакомлюсь я одинъ съ собою, высмотрю самымъ зоркимъ глазомъ мою внутренность, обреку себя на самое тяжкое бореніе чувствъ и мыслей—какъ на средство вызнавать таящіяся въ глубинѣ души дурныя и добрыя расположенія: послѣ того могу обратиться и къ другому. Тогда я долженъ это сдѣлать; долженъ потому, иначе можетъ меня обмануть во многомъ мое самолюбіе, которое любитъ выставлять меня въ лучшемъ видѣ. Впрочемъ я говорю объ одиночествѣ Вашемъ, которому Вы пособить не умѣете. Согласенъ, что можно было бы совмѣщать одиночество съ дружбою: но Вы говорите, что не находите дружбы во всѣмъ ея истомъ видѣ. Пользуйся же, другъ мой, возможнымъ для тебя. Что-жъ дѣлать съ обстоятельствами? Будемъ молиться, и они обратятся въ нашу пользу. Ты согласишься, что я не могу не доро-

---

1) Записка Филарета къ А. В—чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

жить душею твоею. И потому не смѣю отказываться отъ близкой связи съ нею... При этомъ опять повторю о нужд ѣи пользѣ одиночества. Всему время. Въ природѣ есть періоды времени, періоды возрастанія, періоды обращенія жизни. Есть также періоды въ жизни нравственной; послѣдніе слѣдуютъ также одинъ за другимъ съ извѣстною преемственностію; преемственность эта довольно строга, такъ что если Вы захотите поставить лѣто впереди весны, или начать весну въ зимнее время,—опасайтесь бѣды. Дѣло спасенія начинается въ насъ зимою, именно сокрушеніемъ сердечнымъ, крѣпкимъ самопогруженіемъ и стѣсненіемъ воли, мыслей и чувствъ. Думаю, что это тебѣ извѣстно“ [1]). Особенно важно въ этомъ длинномъ письмѣ то, что оба они, и Филаретъ и А. В-чъ, договорились таки до своихъ взаимныхъ симпатій, которыя до того скрыто лишь таились у каждаго въ душѣ. Дружба была такимъ образомъ открыто засвидѣтельствована. Филаретъ теперь и самъ обращается къ А. В-чу, предупредительно слѣдитъ за состояніемъ его духа. „Какова душа твоя?—справляется у него онъ. Покойна ли она? Или уже слишкомъ обременилась дѣлами? Воздыхай изъ подъ тяжестей земныхъ о небѣ. Знаете ли другъ мой? Иногда бываетъ и полезно томиться подъ кучею хлама земнаго; полезно потому, что высокопарный, гордый, мечтательный духъ невольно смиряется, невольно приходитъ къ мысли о своей бѣдности и какъ запертой воздухъ сильнѣе рвется сквозь ущелья къ небу. Такъ, другъ мой! надобно только не забывать, что живемъ мы на землѣ для неба. Надобно только помнить, что душа должна когда нибудь дать отчетъ въ жизни. Тогда хорошо будетъ“ [2]). Тотъ же дружескій характеръ стали носить теперь и внѣшнія отношенія обоихъ. Бывало, Филаретъ придетъ къ А. В-чу и сидитъ у него за бесѣдой; а то и просто лежитъ на стоявшей подлѣ кровати А. В-ча [3]). Самъ А. В-чъ въ это время ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ,—стремительно и бы-

---

1) Записка Филарета къ А. В-чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

2) Записка Филарета къ А. В-чу (безъ даты) въ арх. Горскаго.

3) Письма Филарета къ А. В-чу отъ 26 янв. 1842 г. и 6 авг. 1843 г., въ прибавл. XXXI, 237; XXXIII, 604.

стро, особенно, когда идетъ жаркій разговоръ [1]). Темы больше научныя преимущественно изъ области любимой обоими церковной исторіи. Часто брали изъ библіотеки старинныя рукописи и читали ихъ вмѣстѣ, а потомъ тутъ же и разбирали ихъ сообща [2]). Ходилъ и А. В-чъ къ Филарету на такія „посидки“; и тамъ опять тѣже ученыя бесѣды. А то забирались оба въ библіотеку: по домашнему бывало раздѣнутся тамъ и копаются въ книгахъ чуть не до ночи. Гдѣ больнымъ ногамъ Филарета не подъ силу подняться куда нибудь на верхнюю полку шкафа, поможетъ услужливый А. В-чъ и самъ достанетъ ему нужную книгу [3]). Приходилось имъ заниматься такъ и въ Лаврской библіотекѣ, и въ другихъ. Филаретъ послѣ, когда былъ уже на епархіи, часто вспоминалъ объ этомъ привольѣ. Любили оба также провести вмѣстѣ время предъ какимъ либо годовымъ праздникомъ. Наступаетъ, напр., свѣтлый день, — наканунѣ позднимъ вечеромъ идетъ А. В-чъ къ Филарету или тотъ къ нему, и за благочестивыми бесѣдами готовятся къ встрѣчѣ праздника [4]). Въ 1839 г., когда въ Академіи перестроивали главный корпусъ, въ которомъ имѣлъ квартиру А. В-чъ, онъ долгое время даже и жилъ у Филарета, въ его ректорскихъ покояхъ [5]). Для Филарета А. В-чъ былъ не только другомъ, но и въ дѣлахъ управленія самымъ полезнымъ человѣкомъ. Какъ секретарь правленія, онъ являлся незамѣнимымъ для него. Съ лѣта 1841 года и до средины осени Филаретъ былъ въ разъѣздахъ: то на ревизіи Пензенской и Тамбовской семинарій, то на судебномъ слѣдствіи въ Симбирской. А. В-чъ болѣе важныя дѣла правленія всѣ до одного обязательно пересылалъ ему туда. Филаретъ, однажды, даже упрекнулъ его за такое

---

[1]) Письмо къ А. В-чу Н. К. Соколова отъ 6 сент. 1861 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 26 мая 1846 г., въ Прибавл. XXXVI, 132.

[3]) Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 19 янв. 1842 г., въ Прибавл. XXXI, 232.

[4]) Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 15 апр. 1842 г., въ Прибавл XXXI, 256.

[5]) Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 4 іюля 1840 г., въ Прибавл. XXXI, 201.

одолженіе. Вы присылаете, писалъ онъ ему; изъ своей дали, — новыхъ дѣлъ: съ кѣмъ же буду дѣлать? Подумайте и пожалѣйте о моемъ положеніи“ [1]). Нѣкоторыя дѣла Филаретъ не рѣшался вершить безъ совѣта съ А. В-чемъ и присылалъ ему ихъ обратно. Въ одномъ письмѣ изъ Симбирска онъ пишетъ ему: „препровождаю дѣла. Читайте пока, чтобы по пріѣздѣ можно было вмѣстѣ кое-о чемъ подумать и поговорить [2]). А другія и прямо возлагалъ на А. В-ча [3]). Когда Филаретъ былъ назначенъ епископомъ въ Ригу, А. В-чъ привелъ за него всѣ дѣла въ надлежащій порядокъ и сдѣлалъ все для сдачи Академіи [4]). Онъ же тогда собралъ и отправилъ его въ путь [5]). Послѣ Филаретъ былъ весьма ему признателенъ за это. Во время служенія его на разныхъ епархіяхъ, когда онъ писалъ свое „историческое ученіе объ отцахъ церкви“ и свою „исторію Русской церкви“, А. В-чъ оказалъ ему тоже не мало большихъ услугъ. Почти всѣ его письма оттуда переполнены такими къ А. В-чу просьбами: „справься... въ такой то книгѣ, и напиши, что найдешь“, „напиши по болѣе въ отвѣтъ на каждый вопросъ“, многаго жду я отъ твоей помощи. Утоли жажду души, помоги въ нуждѣ“; — или такими благодарностями; „за Ѳеодора Эдесскаго очень благодаренъ. Ожидаю окончанія“, „какъ томимый голодомъ, напалъ я на твои замѣчанія и все принялъ къ сердцу“, „извѣстія твои съ жадностію читаю. Такъ много въ нихъ пищи для меня“, „я читаю и перечитываю твои письма и пользуюсь ими для своего дѣла“ [6]). Приходилось А. В—чу и нравственно воздѣйствовать на Филарета. Филарету жилось не легко на чужой сторонѣ, особенно въ Ригѣ: непріятности то по части служенія, то по изданію сочиненій слѣдовали для него одна

---

[1]) Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 8 окт. 1841 г., въ Прибавл. XXXI, 215.

[2]) Письмо Филарета отъ 30 окт. 1841 г., тамъ же 221.

[3]) Письмо Филарета отъ 8 окт. 1841 г., тамъ же 216.

[4]) Письмо Филарета къ А. В-чу отъ 28 окт. 1841 г., въ Прибавл. XXXI, 220.

[5]) Письмо Филарета 30 окт. 1841 г., тамъ же, 221.

[6]) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 18 сент. 1841 г., 19 янв. 1842., 4 февр. 1842 г., 27 февр. 1842, въ Прибавл. XXXI, 209, 232, 238, 239, 241 и 246.

за другой. А. В—чъ входилъ въ положеніе Филарета и, какъ умѣлъ, помогалъ ему. Соскучится, напр., по родной Академіи Филаретъ, или заработается надъ сочиненіемъ,— глядишь, ко времени А. В—чъ и шлетъ ему свое письмо; Филаретъ развлечется, душею отдохнетъ, а потомъ припишетъ ему въ письмѣ такую, напр., благодарность: „отъ души благодарю Васъ за письмо Ваше. Оно—утѣшеніе и отдыхъ для меня теперь. Здѣсь дѣлъ такъ много и они такъ интересны, что для малодушія моего нужно отдохновеніе“, или: „Вы утѣшаете меня своими письмами. Здѣсь живу я въ такой глуши, что голось изъ родной Лавры для меня очень дорогъ“ [1]). На письма онъ иногда и прямо предъявлялъ свои требованія А. В—чу. „Напишите мнѣ обо всемъ Академическомъ, пишите больше, больше. Здѣсь тяжело, сыро, душно, холодно“ [2]), вотъ такъ онъ просилъ, бывало, А. В—ча. Часто, впрочемъ, онъ и самъ чувствовалъ потребность излиться въ письмѣ къ А. В—чу. Многія его письма къ нему начинаются съ такихъ предисловій: „Я ищу тебя въ Костромѣ. Хочется поговорить съ тобою“, пишу, чтобы облегчить душу въ бесѣдѣ съ душею твоею“ [3]). Въ трудныхъ обстоятельствахъ А. В—чъ былъ прямо необходимъ Филарету, чтобы то — подать ему „душевный совѣтъ“, то сказать свое „искреннее слово, что дѣлать“ ему [4]). И А. В—чъ всегда спѣшилъ къ нему на помощь. Да и самъ онъ часто предупреждалъ такія просьбы Филарета. Въ письмахъ онъ не разъ, бывало, справлялся на счетъ его душевнаго состоянія, каково оно [5]). А если самъ увидитъ изъ письма Филарета что-нибудь ненормальное въ немъ, сейчасъ напишетъ къ нему и, какъ рукой, все сгладитъ на душѣ. Бывали случаи, когда Филаретъ, говоря о чемъ нибудь, раздражался или слишкомъ далеко заходилъ, А.

---

[1]) Письма Филарета А. В—чу отъ 8 и 18 окт. 1841; въ Прибавл. XXI, 213 и 21 .

[2]) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 1 окт. 1841 г. и отъ 10 окт. 1844 г., въ Прибавл. XXXI, 212, XXXIII 642.

[3]) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 22 дек. 1841 г. и 11 дек. 1842 г., въ Прибавл. XXXI, 229 и 242.

[4]) Письма Филарета къ А. В—чу отъ 23 апрѣля 1842 г. и 14 апр. 1844 г., въ Прибавл. XXXI, 260 и XXXIII, 622.

[5]) Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 6 апр. 1844 г., въ Прибавл. XXXIII, 619.

В—чъ сдерживалъ его, успокоивалъ или вразумлялъ. Филаретъ всегда выслушивалъ правдивыя рѣчи А. В—ча и благодарилъ его за нихъ [1]) Онъ разъ даже признавался А. В—чу въ томъ, что „искреннее слово, искренній упрекъ въ ошибкахъ и слабостяхъ, его слово любви потрясало ему всю душу“ [2]). Такая, почти идеальная, дружба соединяла обоихъ во все время до самой кончины Филарета (1866 г.). Послѣднія его два-три письма къ А. В—чу, правда, какъ будто наводятъ нѣкоторую тѣнь на ихъ отношенія. Въ одномъ Филаретъ, напр., А. В—чу пишетъ: „такъ далеко отъ меня все, что около меня. Прежде больше слыхалъ я и отъ Васъ и отъ другихъ. Теперь же остаюсь будто одинокій. Прежде разговоры другихъ, встрѣчавшихся со мной, были свободны. А нынѣ и тамъ, гдѣ самому приходится что нибудь замѣтить, скрываютъ замѣченное отъ меня. Если случится что-либо услышать, то это полуслова, полумысли, изъ которыхъ съ трудомъ выводишь заключеніе. Положеніе нерадостное. Не приложи, однако, другъ мой, всего къ себѣ, хотя и то представлялось мнѣ, что и ты несвободно, не съ открытою душею во всѣхъ случаяхъ бываешъ въ отношеніи ко мнѣ. Не знаю, чему отнесть все это. Тому ли, что слишкомъ худъ и гордъ сталъ я, или чему другому. Во всякомъ случаѣ радоваться такому положенію нѣтъ охоты“ [3]). Другое, послѣднее, письмо Филаретъ начинаетъ такимъ привѣтствіемъ: „Господь мира да будетъ съ нами нынѣ и всегда“, и почему-то особенно далѣе старается убѣдить А. В—ча, что онъ и сейчасъ остается все такимъ же, какимъ былъ и прежде [4]). —По нашему мнѣнію, Филаретъ просто не умѣлъ объяснить себѣ причины, почему А. В—чъ (вслѣдствіе множества у него дѣлъ съ принятіемъ имъ на себя ректорства въ Академіи) въ послѣднее время сталъ рѣже и меньше къ нему писать и думалъ при мнительности своей, что А. В—чъ его забываетъ. По крайней мѣрѣ,

---

[1]) Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 30 іюня, 1848 г. въ Прибавл. XXXVI 140.

[2]) Письма Филарета А. В—чу отъ 25 окт. 1841 г., въ Прибавл. XXXI, 220.

[3]) Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 20 іюня 1865 г., въ Прибавл. XXXVI, 475.

[4]) Письмо Филарета къ А. В—чу отъ 5 сент. 1865 г., тамъ же, 478.

А. В—чъ до самой смерти Филарета былъ одинаково искренно расположенъ къ нему.

Былъ въ Академіи у А. В—ча, въ первую также пору службы его при ней, и еще одинъ близкій къ нему человѣкъ, котораго онъ любилъ и уважалъ, — Евсевій Орлинскій. Онъ былъ товарищемъ А. В—ча еще по Академіи. За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ нея, Евсевій Поликарповичъ Орлинскій былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Евсевія; а по окончаніи курса опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка въ Виѳанскую семинарію. Въ 1834 г. перемѣщенъ на должность инспектора въ Московскую семинарію. Въ августѣ 1838 г. назначенъ инспекторомъ въ Московскую Академію и въ октябрѣ этого года произведенъ въ архимандрита. Въ ноябрѣ 1841 года опредѣленъ ректоромъ Академіи, каковымъ и оставался до 1847 года, когда былъ переведенъ на ту же должность въ С.-Петербургскую Академію и рукоположенъ во епископа (Винницкаго, викарія Подольскаго). Послѣ, поочередно онъ былъ на Самарской, Иркутской и Могилевской епархіямъ. Умеръ въ санѣ архіепископа въ 1883 году [1]).

Евсевій былъ человѣкъ нѣсколько въ другомъ родѣ, чѣмъ Филаретъ. Не имѣя отличающихъ его способностей и такихъ обширныхъ познаній, какія были у Филарета, онъ тѣмъ не менѣе такъ велъ свое дѣло, что гдѣ бы онъ ни служилъ, — вездѣ оставлялъ по себѣ добрую память [2]).

Что собственно располагало и привязывало къ нему А. В—ча, — трудно сказать. Не это ли его невозмутимое спокойствіе, обхожденіе съ людьми, свидѣтельствующее до нѣкоторой степени о житейской его опытности? Какъ бы то ни было, — ихъ связи начинаются съ академической скамьи. Подъ 25 марта 1832 года, — когда А. В—чъ былъ еще студентомъ, въ дневникѣ его записано: „послѣ обѣда было у Евѳима Поликарповича; занимался чтеніемъ полемики архимандрита Иннокентія (знаменитаго впослѣдствіи архіепископа Херсонскаго); пилъ чай; читали съ деклама-

---

[1]) У С. К. Смирнова, стр. 380 и 426.

[2]) См. письмо Евсевія къ А. В—чу отъ 27 февр., 8 апр. и 15 іюня 1847 г., въ Прибавл. XXXII, 701, 707 и 730.

ціей проповѣди студентовъ; дѣлали другъ другу замѣчанія на счетъ произношенія. Ему не нравится моя неровность въ повышеніи и пониженіи голоса; сдѣлалъ онъ мнѣ замѣчаніе на счетъ самыхъ моихъ проповѣдей, что онѣ, будучи исполнены болѣе чувства, мало имѣютъ основательности, что произношеніе послѣдней моей проповѣди пререкается мнѣніями товарищей. Разстались"... „Послѣ ужина былъ у Евѳима П—ча и читалъ проповѣдь о Филарета (Гумилевскаго), довольно пышную, мало назидательную, не живую и не мертвую, не холодную и не горячую. Это что называется ни тепла, ни студена, — имамъ изблевати тя.— Тутъ же случилось, что когда Андрей Ивановичъ (Смѣловскій, товарищъ А. В—на) пришелъ объявить мнѣ, что о. инспекторъ назначаетъ мнѣ вмѣсто краткаго обзора сдѣлать подробное изъясненіе на 6 главъ Даніила, я высказалъ свою досаду. Здѣсь Евѳимъ Поликарповичъ тихо, кротко, шутя, съ добрымъ сердцемъ упрекалъ меня нетерпѣніемъ, убѣждая отвлекать отъ онаго примѣромъ людей вспыльчивыхъ и во время вспыльчивости много дѣлающихъ худаго"[1]). Послѣ годичнаго перерыва, когда А. В—чу пришлось служить въ Москвѣ, сношенія ихъ возобновляются опять. Въ мартѣ 1834 г. А. В—чъ въ дневникѣ пишетъ: „бывши въ Виѳаніи на имянинахъ у Ив. Степ. Маргаритова, а до гостей еще у о. Евсевія (оба, и Маргаритовъ и Евсевій, въ то время были профессорами въ Семинаріи), наговорилъ и надѣлалъ какихъ то глупостей; потомъ мнѣ мой другъ, прощаясь, замѣтилъ, сказавъ: „будь добрѣе!" Слова его запали въ мое сердце, заставили меня подумать о себѣ [2]). На этотъ годъ и падаетъ самая лучшая пора ихъ дружбы, разцвѣтъ ея. А. В—чъ отдался въ полное распоряженіе своему другу и даже просилъ его руководить имъ. „Не богатый и безъ того силою самостоятельнаго размышленія, — разъ какъ-то писалъ онъ ему, — долженъ каждый шагъ дѣлать за кѣмъ-нибудь другимъ, и легковѣріемъ страшусь увлекаться за добрыми и не добрыми водителями. Не оставляйте меня Вашею любовію, управляйте моею душею и руками. Одинъ путаюсь

---

[1]) Прибавл., XXXIV, 93—94 стр.
[2]) Прибавл., XXXIV, 107.

непрестанно“ [1]). Послѣ этого сношенія ихъ, по крайней мѣрѣ, письменныя, уже не прерывались, и когда Евсевій былъ инспекторомъ въ Москвѣ и когда изъ московской академіи перешелъ въ С.-Петербургскую.

Отъ этого послѣдняго времени сохранилась до насъ довольно обширная переписка [2]). На основаніи ея и можно кое-что сказать къ характеристикѣ взаимныхъ ихъ отношеній. Въ перепискѣ кидаются въ глаза, прежде всего, разныя послуги А. В—ча. И здѣсь онъ является тѣмъ же „всѣмъ и вся“, какъ и въ письмахъ Филарета. „Дайте Вашъ совѣтъ“, „помогите“, „укажите“, обращенные къ нему, встрѣчаются и тутъ на каждомъ шагу [3]). А. В—чъ, по обыкновенію, съ охотой откликался на эти просьбы: то собиралъ по своимъ знакомымъ пожертвованія на застроенный Евсевіемъ на родинѣ храмъ, то составлялъ по каталогамъ реэстръ книгъ для пополненія опустѣвшей за протасовское въ Синодѣ время академической библіотеки, слалъ Евсевію свои записки, по которымъ тотъ читалъ потомъ студентамъ лекціи [4]). Записки требовалось списать и переслать такъ, чтобы никто не догадался, что и для чего это дѣлается. А. В—чъ, щадя чужое самолюбіе, даже и это исполнялъ въ точности. Въ 1848 году, когда академическое, въ Петербургѣ, изданіе готово было, за недостаткомъ матеріала и сотрудниковъ, прекратиться, А. В—чъ выручилъ изъ затрудненія завѣдовавшаго имъ Евсевія и писалъ для журнала статью: „Краткая исторія собора Константинопольскаго III-го, вселенскаго VI“, которая затѣмъ и печаталась въ немъ въ четырехъ подрядъ книжкахъ [5]).

Въ 1847 году съ Евсевіемъ вышелъ такой случай. Послѣ ревизіи Академіи петербургскій м. Антоній предложилъ Св. Синоду возвести Евсевія и инспектора Академіи архим. Макарія (Булгакова) на степень докторовъ и какъ то неосторожно проговорился о своемъ предложеніи на сторонѣ.

---

[1]) Записка А. В—ча къ Евсевію (безъ даты), въ арх. Горскаго.

[2]) Письма Евсевія помѣщены въ Прибавл. XXXVII, 699—855.

[3]) Письма Евсевія къ А. В—чу отъ 8 апр., 12 мая, 10 іюня 1847 г. и 20 авг. 1848 г., стр. 708, 719, 723, 800.

[4]) Письма Евсевія къ А. В—чу отъ 8 апр. 12 мая 1847 и 25 янв. 1848 г. стр. 708, 717 и 765.

[5]) См. письма Евсевія А. В—чу отъ 12 янв. 1848 г. стр. 760.

Въ образованномъ петербургскомъ кругу объ этомъ пошла молва и разные толки. Знакомые уже начали поздравлять Евсевія съ полученіемъ высшей ученой степени. Проходитъ не мало времени,—Евсевій томился и ждалъ. И вдругъ Синодъ даетъ степень одному только Макарію. Самолюбіе Евсевія было крайне уязвлено. Кажется, кто бы рѣшился послѣ этого заговорить съ нимъ объ этой непріятной исторіи. А у А. В—ча хватило духу заговорить и помочь другу въ его горѣ. Вскорѣ онъ пишетъ Евсевію одно за другимъ письмо, осторожно подходитъ къ больному его мѣсту, раскрываетъ всю гнусность помѣшавшихъ ему людей, разъясняетъ настоящее значеніе обѣщанной было награды, незамѣтно, мало-по-малу успокоиваетъ, такимъ образомъ, его. И Евсевій благодушно переноситъ свое искушеніе [1]). Правда, Евсевій рѣже Филарета прибѣгалъ за помощію къ А. В—чу; но за то услуги ему А. В—ча несравненно большей нравственной цѣны. Самое обращеніе обоихъ носитъ на себѣ характеръ скорѣе товарищескій, къ которому люди привыкаютъ еще на школьныхъ скамьяхъ. Это особенно примѣтно, когда сличаешь переписки съ А. В—чемъ и Евсевія и Филарета. Въ письмахъ Филарета никогда, напр., не встрѣчается такихъ мѣстъ: „дивитесь Вы, почему страшаетъ меня отношеніе къ заведеніямъ [2])? А я немного дивлюсь, какъ Вамъ не представляется очевидною трудность сего дѣла“; [3]) или: „не думайте, что и Вамъ много говорю о своихъ обстоятельствахъ (о множествѣ дѣлъ): кажется, очень мало! Причины знаете, почему такъ.—Пріѣзжайте въ С.-Петербургъ, скажу!“ [4]), еще: „до того ли мнѣ, чтобы собирать новости (въ Синодѣ, о чемъ должно быть просилъ А. В—чъ)? Для этого, знаете, что нужно? Имѣть знакомаго изъ придворныхъ, да любящаго новости и могущаго знать ихъ, и чаще посѣщать его или къ себѣ принимать, нужно шататься по канцеляріямъ Св. Синода и Духовнаго Учебнаго Управленія и т. д. А та-

---

[1]) Письмо Евсевія отъ 11 ноября 1847 г., стр. 748.

[2]) —къ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ въ Петербургѣ, въ которыхъ Евсевію былъ порученъ высшій надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія.

[3]) Письмо Евсевія А. В—чу отъ 25 мар. 1847 г., стр. 704.

[4]) Письмо Евсевія—отъ 8 апр. 1847 г., стр. 708.

ково ли мое положеніе“ [1]). Такъ говорятъ другъ съ другомъ только товарищи. Правда, въ первое время, когда Евсевій былъ переведенъ въ Петербургъ и рукоположенъ во епископа, А. В—чъ попытался измѣнить свои отношенія къ нему, сталъ писать къ нему въ изысканно-вѣжливомъ, почти оффиціальномъ тонѣ; но Евсевій тогда сразу остановилъ его [2]). О товарищескихъ отношеніяхъ А. В—ча къ Евсевію можетъ свидѣтельствовать также и то, что онъ открывался ему и говорилъ о такихъ вещахъ, о которыхъ по болѣзни ли осужденія за нихъ или по чему другому, — не рѣшался говорить съ Филаретомъ. Разумѣемъ вопросъ А. В—ча о женитьбѣ по поводу предсмертнаго къ нему письма брата. Евсевію онъ цѣликомъ передалъ содержаніе этого письма и даже просилъ у него себѣ наставленія и совѣта [3]), а предъ Филаретомъ не обмолвился ни единымъ словомъ о немъ. Петербургская переписка Евсевія съ А. В—чемъ кончается ноябремъ 1850 года, когда онъ получилъ назначеніе на Самарскую епархію. Дружественныя письменныя сношенія Евсевія съ Ал. В—чемъ повидимому не прерывались до самой кончины послѣдняго. Сохранился рядъ писемъ къ А. В—чу Евсевія уже архіепископа Могилевскаго, причемъ послѣднія изъ этихъ писемъ относятся къ 1873 году.

Раньше всѣхъ, раньше Филарета съ Евсевіемъ, А. В—чъ былъ знакомъ съ Ѳеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Къ нему онъ дѣлалъ первый шагъ въ Академіи по рекомендательному письму отца. Такъ рано начавшееся знакомство съ нимъ не прерывалось до самой смерти его въ 1854 году. Мы видѣли въ какія отношенія на первыхъ порахъ сталъ къ нему А. В—чъ. Тѣмъ же характеромъ отличались они и во все послѣдующее время. А. В—чъ былъ уже профессоромъ, почти состарился на службѣ, а все-таки и тогда не могъ забыть благодѣяній, какія оказалъ ему когда-то, во время студенчества Ѳеодоръ Александровичъ. Полтора десятка лѣтъ прошли а въ письмахъ къ нему онъ все еще оставался „съ сыновнымъ почте-

---

[1]) Письмо Евсевія къ А. В—чу отъ 30 мар. 1849 г. стр. 821.
[2]) Письмо Евсевія—отъ 8 апр. 1847 г. стр. 708.
[3]) Письмо Евсевія—отъ 10 авг. 1847 г. стр. 734.

ніемъ и любовію“ къ нему [1]). Слишкомъ живая, въ свое время, должно быть, сильно засѣвшая въ голову память о немъ, какъ о мудромъ своемъ учителѣ, привмѣшала въ эту почтительность къ нему элементъ какой-то благоговѣйной робости, чуть ли не страха; отчего она у А. В—ча всегда и отзывалась чѣмъ-то школьнымъ, ученическимъ. Къ концу сороковыхъ годовъ, въ теченіи семнадцати лѣтъ совмѣстной въ Академіи службы, должны бы, кажется, установиться пріятельскія отношенія у нихъ: а А. В—чъ, напр., въ случаѣ надобностей не приходитъ къ нему, а какъ ученикъ къ учителю, все еще „является къ нему, когда тотъ благоволитъ назначить время“ на то [2]), все еще обращается къ нему: „Ваше Высокопреподобіе“; и все еще пребыть къ нему всепокорнѣйшимъ слугою „имѣетъ счастіе“ [3]). Видно, какъ привыкъ А. В—чъ титуловать благодѣтеля своего, будучи еще студентомъ, такъ и не отсталъ отъ привычки по крайней мѣрѣ на бумагѣ. — Къ этой парѣ, А. В—чу и Ѳ. А—чу, примкнулъ еще впослѣдствіи Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, и они вмѣстѣ втроемъ составили изъ себя одинъ, тѣсно сплоченный кружокъ. Онъ такъ нераздѣльно и мыслился въ представленіи знавшихъ его людей. Нужно кому-нибудь было послать привѣтствіе или поклонъ хотя А. В—чу, привѣтствовали и кланялись заразъ ужъ и обоимъ другимъ: Ѳ. А—чу и П. С—чу [4]). Троицу эту такъ всѣ и звали—ученое братство, академическое братство, академическое общество. Всю Академію воплощали въ этихъ трехъ лицахъ. А относились къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ и отзывались о нихъ съ отмѣнною похвалой. „Храню въ сердцѣ, писалъ А. В—чу одинъ знакомый его, — какъ одно изъ самыхъ сладкихъ воспоминаній недавняго странствія, память о пребываніи моемъ подъ Вашимъ дружелюбнымъ кровомъ, въ Вашемъ братствѣ, свя-

---

[1]) Письмо А. В—ча къ Ѳ. А—чу отъ 29 іюня 1843 г., у Д. Ѳ. Голубинскаго.

[2]) Письмо А. В—ча къ Ѳ. А—чу отъ 12 мая 1844 г., у Д. Ѳ. Голубинскаго.

[3]) Письмо А. В—ча къ Ѳ. А—чу отъ 8 апр. 1847 г., у Д. Ѳ. Голубинскаго.

[4]) См. письма Филарета къ А. В—чу (въ Прибавл. XXXI, XXXIII, XXXVI) и Евсевія.

зуемомъ союзомъ любви и рѣдкаго согласія; одного желаю, чтобы мнѣ хоть еще разъ привелось свидѣться и насладиться бесѣдою съ особами, почтившими меня дружескимъ вниманіемъ и глубоко многоуважаемымъ“ [1]). Это писалъ одинъ; а вотъ какъ пишетъ другой: „любовь не сдѣлала и меня лишнимъ въ Вашемъ Академическомъ обществѣ. Ласки и радушіе П. Спиридоновича и Ѳ. А—ча, совсѣмъ не равныхъ мнѣ, служатъ для меня пріятнѣйшею наградою за то уваженіе, которое я постоянно имѣлъ къ ихъ достоинству и заслугамъ [2]). Удивляешься, какъ только могли сойтись такіе разнородные характеры; и благовѣешь предъ ними, какъ скоро видишь, что сошлись.

Остальная академическая братія была для А. В—ча не болѣе, какъ сослуживцы. Съ нею особенной дружбы онъ не водилъ; впрочемъ, и не отдалялся отъ нея. Особое положеніе его у ректоровъ (Филарета, Евсевія и другихъ), близость къ митрополиту, участіе въ цензурномъ и редакціонномъ комитетахъ, наконецъ, обширная эрудиція, все это неизбѣжно сталкивало и ставило его въ отношенія къ ней, хотя по большей части только дѣловыя. Передать кому изъ профессоровъ распоряженіе ректора или приказаніе митрополита, переговорить или объясниться за нихъ предъ тѣмъ и другимъ по части службы, уроковъ, письменныхъ работъ, пропустить чрезъ цензуру чью-либо статью или книгу, сходить съ кѣмъ въ библіотеку, послужить кому своими энциклопедическими познаніями,— вездѣ и на все А. В—чъ. За то любили и уважали его профессора, за то онъ и былъ среди нихъ главаремъ. Бывало, какое ни затѣется среди нихъ общее дѣло, впереди всѣхъ обязательно А. В—чъ;—онъ укажетъ ему должное направленіе, оформитъ, какъ слѣдуетъ, его, слѣдитъ за его теченіемъ. Это—по части оффиціальной и въ дѣлахъ болѣе или менѣе важныхъ; но тоже и въ мелкихъ домашнихъ не дѣлахъ, а дѣлишкахъ.—Нужно озаботиться кому-нибудь въ началѣ года профессорской читальней: берется за это А. В—чъ. Онъ

---

[1]) Письмо къ А. В—чу іеродіакона Палладія Касарова отъ 4 ноября 1847 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо къ А. В—чу священника В. С. Пономарева отъ 28 ноября 1844 г., въ арх. Горскаго.

укажетъ, какіе выписать журналы и газеты, отберетъ на это у профессоровъ голоса, получитъ съ нихъ деньги, сколько по его разсчету придется, и выпишетъ изъ редакцій, что нужно, а потомъ самъ и наблюдаетъ за читальней и порядками въ ней [1]). Можетъ быть всѣми такими услугами профессорамъ поддерживалось и то нравственное вліяніе, которое онъ, говорятъ, всегда оказывалъ на нихъ [2]).

Съ 1862-го года А. В—чъ сталъ ректоромъ Академіи. Въ служебныхъ отношеніяхъ часто бываетъ такъ: отличатъ по службѣ человѣка, произведутъ его изъ одного чина въ другой повыше, онъ сейчасъ и даетъ это чувствовать своимъ прежнимъ сослуживцамъ: другое обращеніе, другой и разговоръ пойдетъ у него съ ними, — начальническій, тономъ выше. Съ А. В—чемъ этого не случилось. Кто служилъ съ нимъ и раньше, говорятъ, что онъ, и послѣ того, какъ сталъ ректоромъ, нисколько не измѣнился въ отношеніяхъ къ нимъ; больше того, — во многихъ случаяхъ онъ сталъ сдерживать себя, сдѣлался еще любезнѣе, ласковѣе. Бывали раньше такіе случаи: А. В—чъ въ бесѣдѣ съ кѣмъ либо изъ профессоровъ пошутитъ надъ нимъ, посмѣется, а то, вѣдь—смертный человѣкъ, въ другой разъ и уколнетъ его. Теперь и этого онъ не позволялъ себѣ, даже если и заочно приходилось судить или говорить о комъ. Никакихъ выговоровъ, замѣчаній никто изъ профессоровъ, бывало, не слыхалъ отъ него. Если кто изъ подначальныхъ сильно провинится въ чемъ, онъ только поскорбитъ душой, повздыхаетъ наединѣ; въ крайнемъ случаѣ—скажетъ ему слово, и не самъ, а чрезъ другаго. Между служащими не всегда-то бываетъ миръ да ладъ. Случались такія прорухи и за профессорами Академіи; возникали,

---

[1]) Въ архивѣ А. В—ча мы видѣли его записку съ приглашеніемъ къ профессорамъ—обозначить свою фамилію каждому желавшему пользоваться журналами изъ читальни: а сейчасъ предъ нами собственноручная его запись сроковъ, въ какіе профессорами были взяты и возвращены журналы.

[2]) См. записку ректора Филарета (безъ даты) въ арх. Горскаго. „На тебѣ важная лежитъ отвѣтственность за направленіе цѣлой Академіи. Твое вліяніе должно быть сильнѣе всѣхъ, потому что ты сильнѣе всѣхъ до одного изъ насъ (я никому не люблю льстить, а тебѣ и нѣтъ нужды)“.

напр., между ними по тѣмъ или другимъ вопросамъ несогласія, образовывались изъ-за этого партіи и т. п. А. В—чу неизбѣжно приходилось становиться на ту или другую сторону и держать ее. Онъ велъ себя при этомъ такъ достойно, прямо, что и противная сторона не могла сказать о немъ худаго слова. Замѣчательная вообще была у него выправка. Въ качествѣ иллюстраціи къ этой общей характеристикѣ отношеній А. В—ча—ректора къ профессорамъ мы приведемъ, со словъ одного изъ нихъ, два примѣра того, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращался съ ними А. В—чъ. Въ 1870 году, когда по новому уставу въ академіи вводились новые предметы и учреждались соотвѣтствующія имъ каѳедры, тотъ, кто передавалъ этотъ фактъ (только что окончившій тогда въ академіи курсъ), заявилъ свою кандидатуру на одну изъ нихъ. Предъ пробными лекціями, которыя онъ долженъ былъ для этого сдать, онъ жилъ въ академіи и готовился къ нимъ. Приходилось ему по временамъ бывать и у ректора. Бывало, придетъ къ нему,—онъ благословитъ, скажетъ, что нужно, и ускользнетъ сейчасъ же въ свои внутренніе аппартаменты, аудіенція тѣмъ, обыкновенно, и кончалась. Наконецъ, лекціи были успѣшно сданы, искатель академической каѳедры занялъ ее. Въ тотъ же самый день ему надобно было отправиться на родину. Онъ пришелъ къ ректору заручиться его изволеніемъ на то, кстати и проститься съ нимъ. И что же—тутъ былъ ему другой пріемъ. Ректоръ не благословилъ его, какъ дѣлалъ прежде, а дружески пожалъ ему руку, назвалъ по имени и отчеству, чего прежде не дѣлалъ пригласилъ съ собою сѣсть и долго бесѣдовалъ съ нимъ.—Вотъ другой случай. Въ ректорство А. В—ча одинъ изъ профессоровъ, въ Академіи уже послужившихъ, представилъ въ Совѣтъ свою докторскую диссертацію и просилъ дать дѣлу надлежащій ходъ. Диссертація была поручена на разсмотрѣніе тому самому лицу, которое объ этомъ разсказывало намъ. Въ научномъ отношеніи трудъ оказался незавиднымъ, и рецензентъ въ такомъ смыслѣ аттестовалъ его въ своемъ отзывѣ Совѣту. Ректоръ не захотѣлъ огорчать неудачей заслуженнаго профессора—автора уже составившаго себѣ извѣстность многими учеными трудами, и, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, написалъ о его дис-

сертаціи свой отзывъ, вполнѣ ему благопріятствующій. Долгое время А. В—чу не приходилось встрѣчаться съ рецензентомъ. Но потомъ вотъ что произошло: разъ какъ-то на лекціяхъ, идетъ рецензентъ профессоръ корридоромъ въ профессорскую комнату, вдругъ изъ одной аудиторіи отворяется дверь и въ ней показывается ректоръ. Это было такъ неожиданно (потому что еще не было звонка) для профессора, что онъ даже не догодался и поклона сдѣлать ему. Ректоръ взволнованный идетъ въ свои покои и чрезъ нѣсколько времени велитъ пригласить къ себѣ профессора. Тотъ приходитъ. Ректоръ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ толковать ему о томъ, что въ научныхъ вопросахъ люди могутъ не соглашаться между собою, спорить, расходиться, но это не должно портить ихъ личныхъ отношеній,—что, вотъ, въ немъ онъ замѣтилъ непріязнь къ себѣ, послѣ того, какъ написалъ онъ вышеупомянутый отзывъ,—что напрасно онъ гнѣвается на него и т. д. все въ томъ же духѣ. Профессоръ сначала долго не понималъ въ чемъ дѣло; а потомъ когда узналъ, объяснилъ свой поступокъ и успокоилъ встревожившагося ректора.—Оба эти случая характерны для А. В—ча и какъ нельзя болѣе выражаютъ его взглядъ на профессоровъ и отношенія его къ нимъ. Профессора въ его представленіи—особый въ академіи маленькій мірокъ, у котораго своя жизнь, свои интересы. Вступить въ него и сдѣлаться его полноправнымъ членомъ можно только однимъ путемъ,—путемъ, какимъ достигается профессорство; разъ человѣкъ сталъ профессоромъ, хотя бы прямо со школьной скамьи, онъ принимается въ немъ уже какъ свой, ему подается рука братскаго общенія. А самый кругъ профессоровъ, выдѣляясь и возвышаясь надъ всѣми какъ ученая коллегія, долженъ представлять изъ себя въ полномъ смыслѣ „коллегію“—дружество, общину, тѣсно сплоченную узами нравственнаго единенія. Такъ высокъ былъ идеалъ А. В—ча и за то такъ дѣятельно къ нему онъ стремился.

Въ отношеніи къ студентамъ А. В-чъ былъ рѣдкій, а въ нашей Академіи еще не встрѣчавшійся, человѣкъ. Намъ приходилось спрашивать о немъ одного изъ бывшихъ его учениковъ, и тотъ отзывался о немъ съ величайшей похвалой. Вотъ что разсказываетъ онъ. Мнѣ памятенъ А. В-чъ прежде всего, какъ библіотекарь, потому что съ нимъ пре-

жде всего и сталкивались мы, поступая въ Академію.— Радушно насъ Академія приняла къ себѣ; не успѣли мы и оглядѣться въ ней, намъ дали уже и темы для семестровыхъ сочиненій. Что тутъ дѣлать?—Идти въ библіотеку,— мы и хода-то туда почти не знали; а придешь,—все тоже не легче: ни каталоговъ, ни указателей, ничего этого въ ней при насъ не существовало; а набирать источники и пособія по памяти, при скудости вынесенныхъ нами изъ семинаріи знаній, нечего было и думать. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ совсѣмъ бы и руки опустилъ, если бы на помощь не явился нашъ добрый библіотекарь—А. В—чъ. Онъ во всемъ былъ свѣдущъ, а библіотеку и каждую въ ней книгу зналъ какъ свои пять пальцевъ. Онъ обыкновенно, и выручалъ насъ изъ критическаго положенія: бывало, укажетъ почти всю литературу по твоему вопросу, да еще и книгъ надаетъ. Дома просмотришь ихъ, и пишешь сочиненіе на назначенную тему. Библіотекарь нашъ всегда былъ такъ добръ къ студентамъ. Бывали, напр., такіе случаи. Придетъ студентъ въ библіотеку и требуетъ себѣ для сочиненія книгу. Библіотекарь освѣдомится на счетъ темы, да и начнетъ иной разъ подсмѣиваться надъ нимъ: да знаете ли вы эту книгу, да что вы хотите найти въ ней, да этого ли касается ваша тема,—и все въ такомъ родѣ; наконецъ и скажетъ совершенно серьезно: въ требуемой вами книгѣ того нѣтъ, чего вы ищите; а въ этихъ вотъ есть,—и начнетъ ихъ пересчитывать одна за другой. Послѣ студентъ убѣдится, что, дѣйствительно, его книга не могла содержать въ себѣ того, что ему было нужно. Библіотека въ наше время не открывалась, какъ теперь, въ опредѣленные часы. Насъ студентовъ было немного: 80—90 человѣкъ, требованій на книги мы предъявляли, значитъ, тоже немного, да и то не каждый день: зачѣмъ же, поэтому было и сидѣть библіотекарю въ ней. Но случалось студенту надобилась какая-нибудь книга. Онъ смѣло шелъ къ библіотекарю въ его квартиру и объяснялъ свою нужду. Тотъ никогда не отказывалъ въ просьбѣ, пойдетъ въ библіотеку во всякое время и книгу дастъ; а то, если тамъ ее не было, дастъ свою; у него не мало и своихъ было. Безотвѣтный былъ библіотекарь! На счетъ профессорства А. В-ча этотъ же его ученикъ разсказывалъ

намъ; „мы ближе, говорилъ онъ, узнавали А. В—ча, когда намъ приходилось писать ему сочиненія. Дастъ, бывало, онъ намъ тему, мы и сидимъ надъ ней, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Пройдетъ половина срока, а у тебя не только написаннаго, а и подготовленнаго ничего нѣтъ. Возьмешь, наконецъ, по совѣту другихъ, да и отправишься къ самому А. В—чу и объяснишь чистосердечно ему въ чемъ дѣло: и задачи-то, собственно, я не понимаю, и матеріалу-то у меня на тему нѣтъ и т. д. и т. п. А. В—чъ сейчасъ все растолкуетъ и укажетъ. Въ сочиненіяхъ нѣкоторые студенты приходили и не къ тѣмъ выводамъ, какія А. В-чъ дѣлалъ самъ, а иногда—прямо противоположнымъ: А. В-чъ допускалъ и это; онъ съ спокойною снисходительностію относился ко всякимъ рѣшеніямъ предложеннаго имъ вопроса, лишь бы они были достаточно обоснованы. На старшемъ отдѣленіи особенно доставалось тѣмъ, кто писалъ А. В-чу курсовое сочиненіе. Завалитъ онъ работой. А придетъ кто изъ такихъ кліэнтовъ къ нему за пособіями, онъ, вѣдь бывало, не дастъ ему всѣхъ книгъ сразу, а будетъ выдавать время отъ времени по одной, и начнетъ, при этомъ, съ такихъ, которыя только косвенно и какъ-нибудь отдаленно касаются его предмета, и лишь потомъ, когда увидитъ что студентъ читаетъ ихъ, интересуется вопросомъ, втягивается въ работу, онъ станетъ предлагать ему болѣе идущія къ дѣлу. Не всѣ изъ студентовъ до конца выносили такую пытку: нѣкоторые побываютъ у него разъ-другой, а потомъ, видятъ, что онъ даетъ все неподходящее имъ,—и перестанутъ обращаться къ нему. Разумѣется, сочиненія такихъ студентовъ рѣдко выходили хорошими. Но были и такіе студенты, у которыхъ хватало терпѣнія дрочитывать все, что ни предлагалъ имъ А. В—чъ. У нихъ, дѣйствительно, темы были разработаны полно и обстоятельно, и сочиненія многихъ изъ нихъ, благодаря указаніямъ и корректорской затѣмъ рукѣ А. В—ча, увидѣли свѣтъ".

Особенно полно раскрылись расположеніе и любовь А. В—ча къ студентамъ, когда онъ сдѣлался ректоромъ Академіи. Студенты сами охарактеризовали его отношеніе къ нимъ, когда одинъ изъ нихъ подъ фотографическою группою съ А. В—чемъ среди нея,—едва ли не первой по времени общей студенческой группой, снятой 15 мая

1870 года,—подписалъ слова пророка Исаіи: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“ (VIII, 18) [1]. Отеческая попечительность и любовь А. В—ча къ студентамъ сказывались главнымъ образомъ въ его неустанныхъ заботахъ объ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи ихъ, какъ людей приготовляемыхъ къ высшему служенію въ Церкви, на которомъ они должны являть себя образцами истинныхъ христіанъ во всемъ величіи гармонически развитыхъ духовныхъ ихъ силъ.

Само собою разумѣется,—для того, чтобы дѣйствовать въ качествѣ опекуна надъ студентами, надобно было знать ихъ. И А. В—чъ, дѣйствительно, зналъ каждаго изъ нихъ съ перваго же дня прибытія въ Академію. Придетъ,—разсказываютъ,—поступающій въ Академію представляться о. ректору,—тотъ съ нимъ въ бесѣду: „Желаете ли вы поступить въ Академію?“ — конечно, для того пріѣхалъ. „А что вы тутъ будете дѣлать и надѣетесь получить?“—подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ получить образованіе.—„А развѣ вы его не имѣете?“—высшее.—„Какое-же это образованіе высшее?“—высшій кругъ богословія, исторіи...—„Какое же именно знаніе вы ставите выше—богословское или историческое?“—богословское.—„Почему же въ вашемъ аттестатѣ по Св. Писанію баллъ только очень хорошій, а по другимъ предметамъ лучше?“—да такъ-съ... у насъ... такъ пришлось... Отвѣчающій чувствуетъ себя не свободно, замѣчаетъ, что надъ нимъ работаетъ тонкій анализъ. Однако кроткая улыбка о. ректора и перемѣна вопросовъ снова выводитъ юношу изъ стѣсненія, и бесѣда продолжается.—„У васъ въ аттестатѣ весьма хорошіе баллы по древнимъ и по нѣсколькимъ новымъ языкамъ,—и къ чему вамъ языки, особенно, новые?“—это орудіе знанія. „И вы готовы имъ воспользоваться?“—Да, если Богъ дастъ поступить въ Академію. „А развѣ въ Семинаріи вы не пользовались языками, особенно древними для пріобрѣтенія знанія?“—Да, нѣсколько.—„Вы читали творенія Отцовъ Церкви и Св. Писаніе, напр., по гречески?“ —Нѣсколько... немного...—„Отчего же не-

---

[1]) Въ Душ. Чт. 91, III, „изъ студенческ. дневника (Воспомин. объ А. В—чѣ Горскомъ“), стр. 276.

много, если по вашему мнѣнію богословское образованіе есть высшее?“ — Употреблялъ время на чтеніе другихъ книгъ.— „А какія книги вамъ больше нравятся?“—Произведенія отечественныхъ классиковъ, біографіи историческихъ дѣятелей...—„А не богословскаго содержанія? вѣдь оно по вашему мнѣнію выше, нежели историческое?“ и т. д. [1])

Уже эти бесѣды не мало помогали А. В—чу узнать студента. А придетъ онъ на пріемный экзаменъ, тутъ онъ сразу увидитъ его. По своей наукѣ—Догматическому Богословію онъ не много предлагалъ вопросовъ, но въ отвѣтахъ умѣлъ видѣть многое, для другихъ сокровенное. Спрошенный едва начиналъ говорить по одному вопросу изъ догматическаго Богословія, какъ ректоръ начиналъ съ нимъ свой colloquium и діалектически переходилъ отъ одной науки къ другой, отъ догматическаго Богословія къ Св. Писанію, литургикѣ, исторіи философіи и пр., находя возможность къ такимъ переходамъ въ аналитическомъ разборѣ отвѣтовъ, данныхъ на его вопросы. Достанется, напр., студенту билетъ о Промыслѣ Божіемъ, изложитъ онъ по учебнику „опредѣленіе“ промысла,—ректоръ цѣлый рядъ ему вопросовъ:—вездѣ ли въ мірѣ очевидно дѣйствіе промысла Божія? Нѣтъ ли основанія признать противное въ ученіи Дарвина о происхожденіи видовъ? гдѣ по преимуществу видно промышленіи Божіе? въ какомъ именно обществѣ людей? кѣмъ поддерживается порядокъ въ церкви земной? какъ дѣлится іерархія? степень діаконская можетъ ли быть признана самостоятельною, если священникъ можетъ служить и безъ діакона? что знаменуетъ ѳиміамъ, воскуряемый діакономъ? гдѣ и что говорится въ Апокалипсисѣ о дымѣ кадильномъ? кто въ Апокалипсисѣ разумѣется подъ „Ангеломъ церкви?“ Судьбы церкви, открытыя въ Апокалипсисѣ, можно ли поставить въ зависимость отъ Промысла Божія и частію указать въ церковной исторіи? Какое имѣли значеніе для церкви гоненія со стороны язычниковъ? и т. д. [2]) въ такомъ родѣ. Тутъ отъ ректора

---

[1]) У Н. Троицкаго въ „воспом. о прот. А. В. Горскимъ. Чт. въ Общ. Люб. Духов. Просв. 81 г. Сент. 437.

[2]) У Н. Троицкаго. „Чт. въ Общ. Л. Д. Пр.“ 1881, стр. 438.

не укроешься никакъ: онъ все увидитъ и способности и познанія студента. Замѣтитъ студента немного слабоватаго или просто даже—робкаго, неувѣреннаго въ себѣ, онъ послѣ все время не упускаетъ его изъ виду; ласковѣе обращается съ нимъ, помогаетъ ему совѣтами, дѣлится своими знаніями, когда въ томъ нужда. Многихъ студентовъ такимъ путемъ о. ректоръ и отъ гибели спасалъ:—съ теченіемъ времени они выправлялись и кончали въ Академіи курсъ, а послѣ благодарили его. Предъ нами письмо смотрителя одного духовнаго училища, писанное имъ къ А. В—чу чрезъ годъ по выходѣ изъ Академіи. Вотъ что пишетъ въ немъ бывшій студентъ своему бывшему ректору: „безъ предварительной подготовки, съ бѣднымъ запасомъ отрывочныхъ свѣдѣній, безъ навыка къ систематическому труду, попавши въ недоступный для меня храмъ науки, я только здѣсь началъ свое развитіе, я только здѣсь понялъ важность труда и прежде всего долженъ былъ научиться ему. Труды мои не могли имѣть требуемыхъ успѣховъ; плоды могли ограничиться лишь тѣмъ, чего достигалъ бы я своими комнатными занятіями: познанія, выносимыя изъ класса не были приращеніемъ къ пріобрѣтеннымъ уже, а всегда, особенно на первыхъ порахъ, были для меня новымъ богатствомъ, отъ котораго только утомлялась душа, и потому она всегда проявлялась въ робости и смущеніи. Ваша мудрая прозорливость разгадала это и Вы не дозволили мнѣ загибнуть. Такъ многократно обласканный Вами, поощряемый, наставляемый, я не палъ духомъ, усугубилъ свои старанія, напрягъ слабыя силы свои, сталъ трудиться; я понялъ, что здѣсь, хотя, къ несчастію, поздно, должно начаться мое правильное образованіе, а для этого нужно пріобрѣсти навыкъ къ правильному, ровному, но постоянному труду и умѣніе заниматься. И теперь сознаю только одно, что всѣмъ, что знаю, что могу, я исключительно обязанъ Академіи. Поэтому понятна моя глубочайшая признательность ей и Вамъ, какъ моему руководителю, благодѣтелю и отцу. Это чувство для меня священно; его лелѣю въ своемъ сердцѣ и лишь смерть разлучитъ меня съ нимъ [1]). Это, надо замѣтить,

---

[1]) Письмо смотрителя Мировицкаго дух. уч. Ив. Токаревскаго отъ 16 іюля 1871 г., въ арх. Горскаго.

писалъ студентъ, занимавшій далеко не первое мѣсто въ разрядномъ спискѣ своихъ товарищей. Но А. В-чъ нерѣдко наблюдалъ и за лучшими студентами Академіи, заставлялъ ихъ работать. Бывало, придетъ кто изъ перваковъ къ нему за совѣтомъ или пособіемъ, онъ сейчасъ предложитъ ему прочитать и нѣмецкую книжку, и ново-греческую, и сербскую рукопись, писанную глаголицей, изданную со всѣми спеціальными учеными аксессуарами, а иногда порекомендуетъ заглянуть и въ сирійскій текстъ какого либо изданія. Если студентъ не рѣшался взять на себя весь подобный трудъ, отнѣкивался, ставилъ на видъ свою неподготовленность,—А. В-чъ начнетъ рекомендовать ему поучиться тому да другому, приговаривая, напр., такъ: „вы не рѣшаетесь потрудиться прочитать этотъ памятникъ, уже обработанный другими, а чего стоило его обработать и такъ издать? [1]) Чувство нѣкотораго стыда порождало невѣдомую прежде охоту и дѣло студентомъ дѣлалось. Въ такомъ направленіи А. В-чъ дѣйствовалъ и на всю массу студентовъ. Соберетъ ихъ гдѣ нибудь, бывало, и толкуетъ имъ, чтобы дорожили своимъ временемъ и больше работали для себя. Что это были за внушенія студентамъ, въ какомъ духѣ они дѣлались, можно судить по слѣдующему отрывку очевидно — рѣчи, обращенной А. В-чемъ къ студентамъ, уцѣлѣвшему въ черновыхъ его бумагахъ. „Желая сколько возможно содѣйствовать собственному развитію каждаго и успѣхамъ духовнаго просвѣщенія, которому Академія должна служить всѣми своими средствами, считаю долгомъ совѣсти предложить Вамъ нѣкоторые совѣты.—Много тратится у насъ времени отъ того, что мы не имѣемъ у себя опредѣленнаго дѣла, никакой въ душѣ озабочивающей мысли. Готовы заниматься то тѣмъ, то другимъ, и будто бы занимаемся, удѣляя по нѣскольку времени этимъ разнороднымъ занятіямъ, но не сосредоточивая своихъ силъ ни на чемъ опредѣленно, привыкаемъ къ поверхностному обращенію съ наукой.—Хорошо каждому выбрать себѣ вопросъ, разработкѣ котораго посвящалось бы все время, свободное отъ оффиціальныхъ занятій въ классѣ и дома. Пусть будетъ вопросъ богословскій, историческій, философскій и др.,

[1]) Н. Троицкаго Чт. въ Общ. Л. Д. Пр., стр. 441.

только бы принадлежалъ къ кругу предметовъ духовнаго образованія. Знаю, что нѣкоторые такъ и поступаютъ; но не всѣ, даже не многіе. Между тѣмъ, сколько бы могло выйти добра, если бы это сдѣлалось правиломъ для каждаго. Это научало бы дорожить временемъ, дало бы пробу силамъ, усилило бы серьезность умственнаго и нравственнаго направленія, пріучило бы, сосредоточивая свои силы на полезномъ трудѣ, достигать чрезъ то большихъ результатовъ, помогло бы приготовленію и развитію у насъ спеціалистовъ по разнымъ частямъ. Много такихъ примѣровъ, что еще въ школѣ, среди ученическихъ занятій, полагалось начало великихъ трудовъ, впослѣдствіи расширившихъ область науки. Для успѣха въ такомъ самообразованіи Академія могла бы представить особенное удобство. Потому, что здѣсь по каждой наукѣ желающій нашелъ бы въ наставникѣ спеціальнаго руководителя. Академическая библіотека помогла бы каждому своими большими средствами.— Особенныя свѣдѣнія въ той или другой наукѣ и расположеніе ей наиболѣе посвятить свои труды будутъ служить начальству основаніемъ къ опредѣленію такихъ людей на должности, соотвѣтствующія ихъ наклонностямъ и опытности.— Спеціализируя свои занятія домашнія, не должно однако-же пренебрегать общими классическими уроками. Не должно быть одностороннимъ, особенно когда возрастъ, неопредѣленность наклонностей и др. обстоятельства заставляютъ еще со многимъ знакомиться. Но какъ въ тѣлѣ при общемъ стремленіи всѣхъ членовъ къ благосостоянію цѣлаго, каждый однако-же развивается по своему: такъ каждый благородный человѣкъ Академическаго общества, благоразумно пользуясь временемъ и стараясь воздать каждому свой урокъ, въ тоже время долженъ на свой спеціальный талантъ пріобрѣтать новый талантъ. И универсальность и исключительность — это крайности. Первая почтенна, но удѣлъ немногихъ. И послѣдняя можетъ быть почтенна, когда кто, окончивъ общее образованіе по рѣшительной наклонности посвящаетъ себя одной извѣстной наукѣ“... Этой полуфразой, къ сожалѣнію, и оканчивается черновая запись рѣчи А. В-ча. Не настаиваемъ крѣпко на томъ, чтобы подобныя наставленія А. В-ча обязательно дѣйствовали на всѣхъ студентовъ; но что для нѣкоторыхъ изъ нихъ—

десятковъ, единицъ,—они не проходили безслѣдно, въ этомъ не сомнѣваемся. Студенты, преимущественно изъ тѣхъ, которые не особенно прилежали книжному ученію, — знали струнку А. В-ча и, бывало, вечеромъ какъ пронесется по номерамъ вѣсть: „папашка идетъ“ всѣ настороживаются, а первокурсники кладутъ около себя на видное мѣсто нѣмецкую книжку [1]). Видѣть потрепанный лексиконъ въ рукахъ студентовъ доставляло истинное наслажденіе А. В-чу и потому онъ всегда оставался доволенъ такими встрѣчами его.—Понуждая студентовъ, больше заниматься надъ книгами, больше читать, А. В-чъ и самъ въ этомъ помогалъ имъ въ классѣ, какъ профессоръ. Здѣсь отъ него студентамъ приходилось слышать то, чего сами они, быть можетъ, никогда бы и не вычитали нигдѣ: лекціи его въ особенности—по русской церковной исторіи были полны *эрудиціи*, въ нихъ предлагались дѣйствительныя научныя новости по предмету [2]). Набивая студенческія головы книжными знаніями, нельзя сказать, чтобы А. В-чъ дѣлалъ это безъ разбору, какъ и чѣмъ попало. Нѣтъ, онъ наблюдалъ за направленіемъ умственнаго развитія студентовъ и его трудъ на пользу этого развитія былъ въ полномъ смыслѣ созидающимъ. Самъ онъ, живо слѣдя за развитіемъ науки въ западно-европейскихъ обществахъ во всѣхъ направленіяхъ, долженъ былъ неизбѣжно изучать и изучалъ и крайнія, столь увлекательныя для многихъ, направленія: но при этомъ онъ сохранилъ въ полной не прикосновенности всю строгость истинно православныхъ церковныхъ убѣжденій, и заботился объ этомъ въ другихъ. Разъ, студентъ,—разсказываютъ, — пришелъ къ нему попросить книжку Гегеля. А. В-чъ сначала не далъ ея; и только на другой день, убѣдившись, должно быть, что просившій студентъ надеженъ, не подумавъ надъ прочитаннымъ не увлечется имъ, позвалъ его къ себѣ и удовлетворилъ его просьбу. Да и сами студенты свидѣтельствуютъ то, говоря о строго-охранительномъ характерѣ его дѣятельности вообще [3]).

---

1) Въ Душ. Чт. 1890, III „Изъ студ. дневника“. стр. 276.
2) Въ Прав. Обоз. 75, III. „Прот. А. В. Горскій“ 417.
3) См. надгробныя слова и рѣчи по А. В—чѣ въ Прав. Обозр. 1875, III.

Верхомъ всѣхъ заботъ и попеченій А. В — ча, несомнѣнно, было религіозно-нравственное воспитаніе ввѣреннаго ему юношества. И по Уставу, ректоръ Академіи — высшій наблюдатель за нравственнымъ поведеніемъ студентовъ. Но у А. В — ча не этимъ мотивомъ опредѣлялись заботы о нравственности питомцевъ высшей духовной школы; — онѣ проистекали у него изъ другаго болѣе глубокаго и болѣе облагороженнаго источника, чѣмъ одно уставное требованіе, — изъ сознанія важности предназначенія этихъ питомцевъ. Еще Филарету (Гумилевскому) распространялся А. В — чъ на счетъ этой важности и говорилъ, что студенты требуются прямо на высокое служеніе, что отъ нихъ зависитъ образованіе всѣхъ пастырей церкви, и что общество наставниковъ духовныхъ такимъ образомъ выше становится по своему званію каждаго въ своемъ кругу дѣйствующаго священника. Соотвѣтственно такому высокому понятію о цѣли образованія и воспитанія молодыхъ людей въ Академіи у А. В — ча были выработаны и способы къ нему. Въ частности, относительно инспекторскаго надзора за студентами тому же Филарету онъ говорилъ: „надзирателю ихъ, — тому, кому ввѣрено смотрѣніе за самою существеннѣйшею стороною въ пастырѣ церкви — нравственно-духовною, нельзя ограничиваться такимъ тѣснымъ кругомъ, въ какомъ они имѣютъ обыкновенно обращеніе. Это свѣтильникъ, которому недовольно того, что онъ издаетъ свѣтъ, но нужно, чтобы возжегъ своимъ огнемъ. Поэтому, онъ долженъ имѣть въ виду не простой надзоръ за благопристойностью студентовъ, предупреждать, пресѣкать ихъ какіе-либо внѣшніе безпорядки; но проникая до самаго корня всѣхъ безпорядковъ, стараться о переобразованіи ввѣренныхъ ему людей нравственномъ, христіанскомъ [1])“. Этому началу онъ остался вѣренъ и въ собственной дѣятельности, когда, какъ ректоръ, самъ сталъ заправлять воспитаніемъ студентовъ. — Замѣтивъ за студентомъ проступокъ, А. В — чъ не ограничивался однимъ наказаніемъ за него, часто даже и совсѣмъ не прибѣгалъ къ нему, а, пригласивъ къ себѣ виновнаго, раскрывалъ предъ нимъ всю нравственную неблагопристойность его поступка и только въ заключеніе,

[1]) Дневникъ. Приб. XXXIV, 119.

и то мимоходомъ, касался юридической его стороны. Вотъ одинъ примѣръ къ тому. На четвертомъ году ректорствованія А. В. —ча, какъ то по осени, собралась едва-ли не половина старшихъ и устроила у себя въ номерѣ водочное угощеніе. Къ концу компанейскаго засѣданія, когда всѣ уже изрядно выпили, одинъ, болѣе рьяный изъ пировавшихъ, позволилъ себѣ рѣзко отозваться о своемъ присутствующемъ товарищѣ. Этотъ, не стерпѣвъ оскорбленія, самъ пустилъ по его адресу нѣсколько словъ, и между ними произошла крупнѣйшая ссора. Другіе свидѣтели этой непріятной исторіи, чтобы такъ или иначе покончить её, вызвались рѣшить дѣло третейскимъ судомъ, но дѣла не рѣшили, а только болѣе осложнили его: приговоренный ими, можетъ быть — въ раздраженіи, пожаловался на нихъ ректору. Вотъ тутъ особенно и сказался А. В—чъ съ своими началами. Онъ собралъ студентовъ и произнесъ предъ ними цѣлую рѣчь. „Я собралъ васъ,—обращался онъ къ нимъ, по поводу непохвальной исторіи, на прошлой недѣлѣ среди васъ совершившейся. Къ сожалѣнію долженъ замѣтить, что она болѣе или менѣе касается едвали не половины вашего представительства. Какъ прискорбно такое несчастіе.— Начинаю съ того, съ чего дѣло началось. Прилично ли учреждать студентамъ въ стѣнахъ Академіи, и гдѣ бы то ни было, водочныя угощенія; и въ особенности тѣмъ, кому ввѣренъ надзоръ надъ другими? Молодые люди позволяютъ себѣ увлекаться подражаніемъ дурнымъ обычаямъ, начинаютъ развивать въ себѣ наклонности, совсѣмъ не требующіяся ихъ возрастомъ, укоризненныя особенно въ духовномъ сословіи.— Это открываетъ случай къ обидѣ товарища грубымъ, неприличнымъ словомъ! При самомъ снисходительномъ изъясненіи этого слова, которое и говорить не принято, больно слышать его, и оно во всякомъ случаѣ показываетъ дурную привычку, можетъ быть наслѣдство бурсы. Не могу не замѣтить къ удовольствію своему, что при всемъ недостаткѣ должнаго вниманія къ словамъ своимъ, когда добрый товарищъ замѣтилъ неприличіе и оскорбительность произнесеннаго слова, виновный не позволилъ себѣ увлечься до самозабвенія, сейчасъ принесъ извиненіе предъ тѣми, кого слово не хотѣло коснуться! Для чего же извиненіе не простерлось далѣе?— Оскорбленный не стер-

пѣлъ. Не виню. Товарищи участники не позаботились смирить поссорившихся: дурно. Сдѣлали еще хуже: не умѣя или не желая сдѣлать добро, дали разгорѣться злу. Перенесли споръ на общее разсужденіе. Кто учредилъ эту инстанцію? Кто далъ право подчинять подсудимаго ея рѣшеніямъ, противъ собственной его воли?—Я понимаю благотворное дѣйствіе благороднаго товарищества: оно могло смирить взаимно размолвившихся, взаимно представить и объяснить обязанности и вину каждаго. Но это возможно для голоса дружбы или тогда, когда та и другая сторона обращаются къ третейскому суду товарищества добровольно. Никому нѣтъ дѣла до частныхъ моихъ личныхъ отношеній, если я не позволяю другимъ касаться ихъ. Тутъ всякое принужденіе становится насиліемъ. Тутъ имѣетъ права только законная власть.—Коль же скоро товарищество беретъ на себя право этой власти, оно дѣйствуетъ незаконно, самоуправно. Товарищество не полиція, которая имѣетъ право забирать всякаго,—не уголовная палата, которая судитъ всѣхъ, обвиняемыхъ предъ нею.—Между тѣмъ нашлись между вами не только судьи непризванные, но и добровольные исполнители приговора... Развѣ такъ должно дѣйствовать товарищество? Такъ ли мы должны жить и дѣйствовать духовные воспитанники? Невѣсте коего духа есте? Беремся мы съ каѳедры поучать духу любви: гдѣ же онъ между нами? Но я раскрылъ вамъ только нравственную сторону этого дѣла. Здѣсь есть еще сторона юридическая. Здѣсь столько допущено нарушеній отъ узаконеннаго порядка, такъ много подлежащаго отвѣтственности, въ различныхъ степеняхъ, что я прихожу въ недоумѣніе. Нѣкоторыя изъ нихъ искупаются дѣлаемымъ теперь общимъ замѣчаніемъ и осужденіемъ; другія требуютъ гораздо большаго взысканія. Я удерживаю у себя донесеніе г. инспектора и буду особенно смотрѣть за тѣми, которые наиболѣе въ этомъ дѣлѣ оказываются виновными,—до окончанія курса, если только Богъ приведетъ окончить курсъ, и всѣмъ заявляю, что при окончаніи курса мы не будемъ слишкомъ снисходительны, какъ въ прошедшемъ курсѣ, раздавая мѣста всѣмъ. Насъ тогда вскорѣ стали осаждать извѣстіями о нѣкоторыхъ личностяхъ. Мы постараемся нынѣ избѣжать этого. Припоминаю вамъ примѣръ предше-

ствующаго этому курса, когда нѣсколько человѣкъ было выпущено студентами [1])". Думаемъ, такое слово, представившее глазамъ студентовъ ихъ поступокъ во всей его неприглядной наготѣ, сильнѣе подѣйствовало на виновниковъ, чѣмъ какая угодно бы кара за него. Но вся сила, обращеннаго А. В—чемъ къ студентамъ, слова заключалась, собственно говоря, не въ построеніи его и даже не въ безапелляціонности доводовъ въ немъ, а въ томъ, изъ чьихъ устъ лилось это слово, въ собственной нравственной силѣ того, кто его говорилъ. Говорилъ его любвеобильный отецъ, имѣвшій въ виду благо, и только одно благо, своихъ, Богомъ данныхъ, дѣтей. Это чувствовали студенты, когда сами въ своемъ кругу не иначе звали его, какъ „папаша".

И дѣйствительно, А. В—чъ былъ сущимъ для нихъ „папашей". Въ его ректорство Академія представляла прелестнѣйшую картину не школы, а скорѣе обширной семьи старшихъ и младшихъ братьевъ во главѣ съ маститымъ отцомъ, веселящимся о дѣтяхъ, благоговѣйно любящихъ его. Возьмите его отношенія къ студентамъ,—помимо тѣхъ, которыя вызывались его прямыми ректорскими обязанностями. Какъ были просты эти отношенія. Изъ длиннаго ряда ректоровъ въ Академіи до А. В—ча кто снисходилъ, напр., до простыхъ, дружескихъ бесѣдъ со студентами, и у себя на дому и въ студенческихъ номерахъ. А. В—чъ не видѣлъ въ этихъ бесѣдахъ ничего унижающаго достоинства ректора и всегда въ нихъ приближалъ къ себѣ студентовъ. Темы и предметы бесѣдъ со студентами обыкновенно были самаго разнообразнаго свойства: начиная съ простаго — кто ты, откуда и пр., и кончая какимъ-либо богословскимъ или философскимъ положеніемъ. Въ бесѣдахъ о научныхъ матеріяхъ со студентами А. В—чъ будилъ молодую мысль, снисходя до диспутацій и, какъ будто, уступокъ имъ. Добромъ поминая старыя времена, одинъ бывшій студентъ, изъ питомцевъ А. В—ча, пишетъ объ этихъ бесѣдахъ: „теперь, спустя слишкомъ двадцать лѣтъ, перелистывая студенческій бѣдный дневникъ, съ болѣе нежели удивленіемъ читаешь слова, наскоро къ сожалѣнію набросанныя послѣ бесѣдъ съ этимъ пѣстуномъ юношества,

---

[1]) Черновая запись рѣчи. Въ арх. Горскаго.

и недоумѣваешь, какою степенью снисхожденія къ малосильнымъ обладалъ онъ, богатый столь же широкимъ и глубокимъ знаніемъ, какъ и широкою любовію, если молодой студентъ записывалъ въ своемъ дневникѣ, напр., слѣдующее: 27 марта 1869 г. говорили о предполагаемомъ Ватиканскомъ соборѣ. Папаша высказывалъ мысль о возможности въ церкви новыхъ догматовъ, разумѣется при санкціи ихъ вселенскимъ соборомъ. Кстати, когда онъ доказывалъ непогрѣшимость собора, мнѣ казалось это недостаточно доказательнымъ... Долго спорили“ [1]). Особенно были теплы, задушевны бесѣды и рѣчи А. В—ча, обращенныя къ студентамъ въ выдающіеся чѣмъ-либо моменты года: предъ началомъ и концомъ учебнаго года, въ Новый годъ, Пасху. Никогда, бывало, не проходили эти сроки безъ того, чтобы А. В—чъ не сказалъ студентамъ нѣсколько назидательныхъ и приличныхъ случаю словъ. Вотъ какъ, напр., начиналъ А. В—чъ свое чтеніе лекцій, по воспоминанію одного изъ бывшихъ студентовъ. „Когда мы,— пишетъ онъ,— въ первый разъ собрались слушать уроки наставника нашего по исторіи церкви (—обычая говорить предъ студентами „вступительныя“ рѣчи А. В—чъ держался всегда и до своего ректорства), то онъ прежде всего обратилъ наше вниманіе на слѣдующее прошеніе великой эктеніи: „о святѣмъ храмѣ семъ, и съ вѣрою, благоговѣніемъ, и страхомъ Божіимъ входящихъ въ онь, Господу помолимся“. Одушевленнымъ и увлекательнымъ словомъ своимъ онъ разъяснилъ намъ, какъ должны помнить и исполнять это вступающіе въ храмъ богословской науки, съ какою вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ должны они изучать дѣла провидѣнія и благодати Божіей, раскрывающіяся въ исторіи церкви. Слово нашего наставника было сильно, ибо оно сопровождалось самымъ дѣломъ: самъ онъ исполнялъ это наставленіе при своемъ изученіи судебъ Божіихъ въ царствѣ благодати. Это было доброе сѣяніе: прошло двадцать три года, а память объ этомъ

---

[1]) Душ. Чт. 1891, III. „Изъ студенч. библіотеки“, стр. 283—284.— Въ архивѣ, въ бумагахъ А. В—ча намъ встрѣтилась одна, на которой рукою его было записано: „Студенту Волкову указать на слова Евстафія противъ тѣхъ, которые признаютъ бездѣйствіе души по смерти“.

сохраняется въ душахъ учениковъ его“ [1]). Сильный также слѣдъ оставляли въ студентахъ пасхальныя рѣчи А. В—ча— въ пріемной ректорской, послѣ службы Свѣтлаго дня при христосованіи. Одинъ изъ бывшихъ студентовъ прекрасно описалъ пасхальное утро въ квартирѣ А. В—ча. Мы приводимъ его здѣсь,— тѣмъ охотнѣе, что сами чувствуемъ всю прелесть изображенной имъ семейно-школьной картины. „Послѣ глубоко-утренняго,—пишетъ онъ,—пасхальнаго богослуженія всѣ студенты собирались въ квартирѣ о. ректора и подъ столѣтними сводами одной изъ ея залъ дружно, громогласно, русски—церковно пѣли древнюю побѣдную пѣснь: „да воскреснетъ Богъ!“... Торжественная всегда и вездѣ, эта пѣснь еще торжественнѣе звучала теперь въ стѣнахъ Академіи, созданной для оплота св. вѣры отъ враговъ св. Креста и Евангелія. Какая торжественная радость сіяла тогда на благообразномъ лицѣ высокосозерцательнаго мужа, предстоящаго въ молитвенномъ славословіи Бога—Спасителя. Невольно воображалось тогда, какъ предъ умственными взорами мужа, историка-прозорливца, вѣдущаго судьбы отжившихъ поколѣній и свѣтомъ Божественнаго откровенія открывающаго отдаленную судьбу современныхъ обществъ, возникали необходимыя скопища враговъ Христа и многочисленные сонмы исповѣдниковъ и защитниковъ Его достопоклоняемаго Имени, какъ рисовалась будущая судьба современныхъ „овецъ, иже не суть отъ двора“ Его и хищниковъ, стремящихся разсѣять Его вселенское стадо. Видящіе наставника своего среди себя, окрыляемаго его молитвеннымъ духомъ, твердо вѣрившіе въ чистоту его убѣжденій, хранимыхъ христіанскою совѣстію, студенты съ живѣйшимъ чувствомъ вѣры привѣтствовали своего отца ректора православнымъ: „Христосъ воскресе!“ и затѣмъ по одному подходили къ нему, чтобы принять троекратное цѣлованіе“ [2]).

Особенно симпатична была въ А. В—чѣ другая черта, располагавшая къ нему студентовъ — его чуткость и от-

---

[1]) Слово въ сороковой день по кончинѣ А. В—ча Д. Ѳ. Голубинскаго Въ Прав. Обозр. 1875, III.

[2]) Н. Троицкій.—„Воспом. о прот. А. В. Горскомъ“. Чт. въ Общ. Л. Д. Пр. 1881, стр. 437.

зывчивость на всѣ ихъ невзгоды и нужды. Люди науки, обыкновенно, чѣмъ глубже посвящаютъ себя ея интересамъ, тѣмъ болѣе становятся сухими и недоступными въ области чувства. Съ А. В—чемъ, замѣчательное дѣло, этого не было. Сами студенты удивлялись, откуда у него была такая воспріимчивость къ обстоятельствамъ ихъ жизни [1]). Бывало, узнаетъ стороной или самъ замѣтитъ на чьемъ лицѣ мрачную скорбь, горе,—призоветъ къ себѣ, поразговоритъ, поразспроситъ, и—свѣтло и отрадно станетъ у студента на душѣ [2]). Также былъ отзывчивъ А. В—чъ и на каждую радость студента. Она становилась его собственной радостью [3]). Студенты не разъ наблюдали, какъ лицо его просвѣтлялось, появлялась на немъ улыбка и самъ онъ весь оживлялся, когда ему сообщали, напр., о томъ, что болѣвшій отецъ студента выздоровѣлъ, что студентъ, работавшій много надъ своимъ сочиненіемъ получилъ высшую отмѣтку на немъ, что студентъ, которому было некуда отправиться на лѣтнія каникулы, приглашенъ на урокъ и т. п. „Услышитъ онъ объ этомъ, — говоритъ намъ самъ испытавшій на себѣ любовь и ласки А. В—ча,—и пришлетъ студенту либо просфору, либо книжку какую; вообще, всегда старался такъ или иначе запечатлѣть этотъ моментъ въ душѣ студента". Безотложно и предупредительно оказывалъ А. В—чъ студентамъ помощь и въ матеріальной ихъ нуждѣ. Пріѣдетъ ли чужестранецъ какой въ Академію, поступитъ ли въ нее сирый какой изъ своихъ,—всѣхъ онъ, бывало, пріютитъ, обласкаетъ, ободритъ участливыми разспросами, а то, если нужно, окажетъ и „протекцію" ему. Намъ самимъ приходилось читать переписку А. В—ча съ однимъ высокопоставленнымъ въ С.-Петербургѣ лицомъ, котораго онъ проситъ пристроить въ школу какого-то болгарина пріѣхавшаго учиться въ Россію [4]). Иностранцевъ славянъ А. В—чъ, надо замѣтить, особенно любилъ. Въ 1863 году онъ даже задумалъ было, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Караveловымъ, устроить для нихъ семинарію

---

[1]) „Памяти о. ректора М. Д. Ак. А. В. Горскаго". Прав. Обозр. 1875 III., Прил. 24.

[2]) Прав. обозр. 1875, III, Прил. 37.

[3]) „Прот. А. В. Горскій" Прав. Обозр. 1875, III, 417.

[4]) Въ арх. Горскаго.

въ самой Болгаріи. Былъ ими составленъ уже и проэктъ устава для нея [1]); но ихъ благое намѣреніе, такъ и осталось намѣреніемъ. Студентамъ бѣднымъ А. В—чъ помогалъ деньгами. Многіе у него кредитовались и притомъ на довольно значительныя суммы; А. В—чъ не отказывалъ никому. Въ числѣ разныхъ писемъ, адресованныхъ на его имя, намъ не мало попадалось такихъ, которыя были присланы ему „со вложеніемъ“ и благодарностями, а одно изъ нихъ и сейчасъ подъ руками. Авторъ его, извиняясь предъ А. В—чемъ въ несвоевременной подачѣ курсоваго сочиненія и объясняя ее, между прочимъ, пишетъ; „очень жалѣю, что до настоящаго времени не имѣлъ возможности возвратить Вамъ съ большою благодарностью, Вашихъ денегъ, которыя, въ продолженіи цѣлаго года вывели бы изъ стѣснительнаго положенія не одного студента [2]). Съ особенною благодарностію прежніе студенты вспоминаютъ заботливость А. В—ча объ ихъ больныхъ товарищахъ. Говорятъ,—больнаго онъ окружалъ такимъ нѣжнымъ участіемъ, что родной отецъ и мать увидали бы въ немъ свои родительскія чувства. Никуда такъ часто онъ не ходилъ, какъ въ больницу [3]). А придетъ, бывало, и—сидитъ у изголовья больнаго, поправляя ему подушку, если тотъ не въ силахъ уже ни говорить, ни дѣйствовать [4]); или заведетъ съ нимъ какой либо разговоръ, бесѣду. Больные бываютъ иногда капризны; А. В—чъ понималъ и это. Вотъ что пишетъ о себѣ одинъ бывшій студентъ, которому приходилось лежать въ академической больницѣ и пользоваться участіемъ къ себѣ А. В—ча: „Въ концѣ 1868 года вспоминающій теперь былое настолько разстроился нервами, что легъ въ больницу и отсюда долженъ былъ сдавать экзаменъ. И нѣкоторыя постороннія интересамъ Академіи обстоятельства, тревожнаго однакожъ характера для студента, и наступившая сдача экзаменовъ въ такомъ положеніи, когда мысль никакъ не могла сосредоточиться на отправленіи прямой

---

[1]) См., письма къ А. В—чу К. И. Невоструева отъ 6 марта 1863 и 25 февр. 1865 г., Въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо къ А. В—чу препод. Тифлисской семинаріи Н. Цхветадзе отъ 21 янв. 1872 г., въ арх. Горскаго.

[3]) Прав. Обозр. 1875, III, прил. 37.

[4]) Пр. Обозр. 75, III, 417.

студенческой обязанности, имѣла слѣдствіемъ немаловажную подавленность духа,—и это не укрылось отъ внимательнаго посѣтителя больничныхъ палатъ. Замѣтивъ и подавленность и вмѣстѣ едва умѣрявшуюся высокимъ уваженіемъ къ посѣтителю раздражительность, А. В—чъ спросилъ: „что нужно“? И нужно же было случиться тому, что совершенно серьезно и сознательно было больнымъ высказано желаніе, чтобы, напр., палата была пульверизована чѣмъ-либо ароматическимъ. Тотчасъ же было сдѣлано распоряженіе — напрыскать вездѣ ароматическимъ спиртомъ... Очень понятна болѣзненная и даже дѣтски-капризная причуда студента,—ей не можетъ быть иного названія; но не малымъ, мнѣ кажется, снисхожденіемъ къ ней со стороны такого человѣка, какъ А. В—чъ. „Что дѣлаете? чѣмъ развлекаетесь“? — Ничего не могу дѣлать. Ѣмъ самъ себя. Едвали не въ тотъ же самый вечеръ въ больницу отъ ректора присылается на имя студента связка книжекъ... Помню изъ нихъ только нѣкоторыя сочиненія Фонвизина. И это дѣлаетъ такой серьезный ученый, какъ протоіерей Горскій“ [1]). Смерть студента доставляла А. В—чу истинное горе. Тутъ особенно и обнаруживалось предъ всѣми, какъ онъ любилъ своихъ учениковъ. Говорятъ, ручьями лились слезы изъ глазъ старца при прощаніи съ юнымъ покойникомъ. Рыданія отца по безвременно утраченномъ сынѣ слышались среди надгробныхъ рѣчей его, рѣчей полныхъ высокаго истинно-христіанскаго лиризма [2]). Самыя похороны студента и тѣ иногда ложились на счетъ А. В—ча. Въ 1847 году, когда А. В—чъ былъ еще только профессоромъ, въ Москвѣ, въ больницѣ лежалъ и скончался студентъ А. Дроздовъ. А. В—чъ не только пріѣхалъ въ Москву навѣстить больнаго, но и принялъ на себя издержки въ похоронахъ его, когда тотъ умеръ [3]). Отеческое участіе А. В—ча въ больныхъ не только цѣнилось студентами, но и слышалось далеко за предѣлами Академіи, въ кругу ихъ родныхъ и знакомыхъ. Доказательства—письма ихъ съ выраженіемъ самыхъ глу-

---

[1]) Душ. Чт. 1891, III. Изъ студент. дневника“. 280.

[2]) „Прот. А. В. Горскій“. Пр. Обозр. 1875, III, 418.

[3]) Письмо А. В—чу свящ. Моск. Екатерининн. больницы А—ндра Каринскаго отъ 30 іюня 1847 г., въ арх. Горскаго.

бокихъ и искреннихъ ему благодарностей. Вотъ одно такое письмо. „Въ стѣнахъ обители Пр. Сергія — говорится въ немъ, — въ Московской Академіи, во главѣ которой стоять съ давнихъ временъ Богъ судилъ Вашему Высокопреподобію, недавно была жертва смерти.. Эта жертва, этотъ лежавшій во гробѣ молодой человѣкъ былъ надеждою своей вдовы-старушки матери, чаемою опорою своего старшаго брата, незабвеннымъ братомъ, другомъ и совѣтникомъ моимъ, былъ, наконецъ, общимъ любимцемъ всѣхъ родныхъ и знаемыхъ его. Ваше Высокопреподобіе были свидѣтелемъ болѣзни молодаго человѣка — жертвы смерти; молились съ своими дѣтьми студентами объ упокоеніи студента—сына; проводили усопшаго въ могилу, мѣсто для которой избрали тамъ, гдѣ заботы Ваши не могли бы прекратиться съ минутою погребенія покойнаго, гдѣ друзья усопшаго, видя свѣжую могилу, и послѣ погребенія не забывали бы своего друга. Мало сего, Вы благоволили оставить себѣ на память карточку усопшаго. Все это возлагаетъ на меня обязанность повергнуться къ стопамъ Вашего Высокопреподобія и принести глубочайшую благодарность Вамъ, какъ отъ имени самого усопшаго (съ дерзновеніемъ на что да простить мнѣ его скромная память) такъ и отъ имени матушки, отъ имени своего и всѣхъ родныхъ усопшаго“. Это писалъ братъ, умершаго на рукахъ А. В—ча студента. Человѣкъ посторонній и тотъ отнесся бы къ нему съ полнымъ уваженіемъ за такое радѣніе о больномъ.

Отзываясь всегда на прямыя нужды студентовъ, А. В—чъ понималъ и другія потребности ихъ, которыя хотя и не имѣли за собою настоятельности, но въ возрастѣ студентоъ были неизбѣжны—напр., потребность въ развлеченіи,—и готовъ былъ помочь и въ нихъ. Въ ректорство А. В—ча въ Академіи впервые начали устроиваться литературные и вокальные вечера. Самъ онъ былъ такого взгляда на нихъ: „на лекціяхъ студенты являются только пріемлющими; интересы лекцій болѣе умозрительные. На чтеніяхъ студенты участвуютъ самодѣятельно, и хотя чужими словами, но могутъ высказывать свои чувства. Интересы чтеній могутъ быть разнообразны, не вопреки доброму направленію, которое должно отмѣчать будущихъ служителей алтаря“. Объ этомъ болѣе всего и заботился А. В—чъ. Студентамъ

больше по вкусу приходились комическія статьи [1]); ими они и наполняли программы своихъ литературныхъ вечеровъ. Такое одностороннее направленіе этихъ вечеровъ не могло нравиться А. В—чу, и онъ, явившись однажды на студенческое собраніе [2]), горячо говорилъ противъ какой-то только что прочитанной на немъ статьи: „не должно быть исключительною цѣлію (чтеній)—зубоскальство. Не надобно давать господства одной партіи (студентовъ, которая стояла за комическаго содержанія статьи) и заставлять всѣхъ ей подчиняться. Говорятъ: развиваетъ талантъ—говорить одному за десятерыхъ? Хорошо въ театрѣ: но къ чему онъ полезенъ у насъ? Какое приложеніе къ проповѣднической дѣятельности? Есть еще талантъ говорить на языкахъ животныхъ, лаять по собачьи, мяукать, пѣть и издавать птичьи звуки—ужели и это надобно развивать въ духовной Академіи?—Есть статьи одуряющаго свойства (напр., Помяловскаго), гдѣ не встрѣтишь ни одной одушевляющей мысли и чувства, выставляется наружу только пошлое, низкое, надъ чѣмъ не смѣяться, а плакать надлежало бы, если бы на самомъ дѣлѣ все было такъ безотрадно, глупо, низко, подло. Ужели поддерживать и къ этому вкусъ?—Нѣтъ, литературныя чтенія не должны быть такъ низко поставлены. Они должны выказывать и поддерживать болѣе благородныя стремленія, должны помогать нравственному самовоспитанію юношества. Они не должны быть обязательны ни для кого, но надобно стараться, чтобы различные умственные и нравственные интересы находили себѣ въ нихъ удовлетвореніе, сами собою привлекали благовоспитанныхъ. Элементъ комическій или сатирическій не долженъ быть исключенъ, но никакъ не долженъ господствовать. Разсказы допускаются, но не исключаются и отрывки изъ духовныхъ твореній. *Пусть покажетъ себя талантливый проповѣдникъ и оживитъ эту часть, существенно и исключительно на насъ лежащую.* Пусть выступитъ и живой, поэтически настроенный юноша и дастъ почувствовать всю силу и достоинство какого-нибудь благороднаго стихотворенія. Пошлость, грязь—вонъ, безъ того

---

[1]) См. Дневникъ А. В—ча. Приб. XXXV, 235, 237.

[2]) Дневникъ А. В—ча. Приб. XXXV, 237.

ихъ много на свѣтѣ. Пѣніе церковнаго хора пусть умиротворяетъ душу, низводя на нее духъ умиленія: но и торжественнымъ моментамъ есть мѣсто, они возвышаютъ душу, исторгая ее изъ бразды обычнаго порядка. Не воспрещаются и національныя пѣснопѣнія, но съ надлежащимъ выборомъ. Всякое чистое выраженіе глубокаго чувства, не противное требованіямъ нравственности и общественнаго порядка, можетъ быть допущено. Пусть на основаніи этихъ началъ составляется для каждаго чтенія своя программа, и заблаговременно представляется на разсмотрѣніе о. Инспектора, и если будетъ одобрена, сдается къ исполненію.—Если не будетъ стѣснительно, приду и я, придетъ и кто нибудь изъ наставниковъ, посидитъ сколько кому можно, сколько захочется, не въ видахъ полицейскаго надзора: потому что довѣряемъ добросовѣстности исполнителей, а для того, чтобы самимъ принять участіе въ общемъ удовольствіи. Вообще, одни могутъ оставаться долѣе, другіе менѣе—какъ кому угодно. Здѣсь обращеніе безъ чиновъ [1]).

Послѣднія слова А. В—ча относительно его довѣрія къ студентамъ заставили бы, пожалуй, иныхъ, кто не имѣлъ съ А. В—чемъ никакого дѣла, заподозрить въ нихъ что-нибудь неладное и понять, какъ скрытую западню говорящаго съ ними начальства. Но ученики А. В—ча достаточно уже знали своего отца ректора: довѣріе къ студентамъ, дѣйствительно, составляло у него главную основу отношеній къ нимъ. Полагаясь на студентовъ, онъ иногда даже, какъ говорится, черезъ край переливалъ и тѣмъ подавалъ имъ поводъ злоупотреблять своею довѣрчивостію. Прежніе студенты сами разсказывали намъ, какъ нѣкоторые изъ ихъ товарищей, провинившіеся въ чемъ-нибудь предъ А. В—чемъ, шли къ нему, притворно распускали слезы и потомъ, получивъ прощеніе, со смѣхомъ передавали въ своемъ номерѣ, какъ имъ пришлось обмануть и провести своего отца ректора. А. В—чъ вѣрилъ въ благородство юношеской души, въ искренность и чистоту ея стремленій. Вотъ примѣръ къ тому. Въ 1873 году въ южныхъ нашихъ губерніяхъ, вслѣдствіе недорода хлѣба: былъ голодъ. Сочувствуя всею душой людскому несчастію, А. В—чъ хо-

[1]) Рѣчь эта въ чернов. видѣ хранится въ арх. Горскаго.

тѣлъ привлечь къ благотворительности и своихъ студентовъ. 5-го декабря, съ этою цѣлію, онъ разослалъ по студенческимъ комнатамъ приглашеніе „добрымъ внимательнымъ слушателямъ слова Христова“ такого содержанія: „вопли страждущихъ и гибнущихъ отъ голода поселянъ и нашей братіи духовныхъ лицъ съ ихъ семействами въ Самарской губерніи давно уже раздаются по Россіи,—и еще не близки надежды на удовлетвореніе нуждающихся въ насущномъ хлѣбѣ плодоприношеніями земли, еслиГосподь благословитъ.—Доброму христіанину не нужно много словъ, чтобы склонить его къ посильной помощи безпомощнымъ. Сердце его слышитъ и знаетъ, кто въ лицѣ нуждающихся его братій взываетъ: „взалкахся“.—Можетъ быть, кто-нибудь или запоздалъ исполненіемъ сердечнаго желанія оказать эту помощь, или затрудняется и совѣстится послать малое.—Предлагаю свое посредство. Соберемъ что можемъ, и пошлемъ вмѣстѣ, не стѣсняясь никакими мелочными представленіями. Апостолъ насъ успокоиваетъ: „усердіе принимается смотря потому, кто что имѣетъ, а не потому, что не имѣетъ“.—Въ заключеніе да будетъ мнѣ позволено обратить къ просвѣщенному въ духѣ Христовомъ юношеству и сіе возбуждающее слово Апостола, не постыдившагося принять на себя собирать милостыни на іерусалимскихъ бѣдныхъ: „какъ вы изобилуете всѣмъ: вѣрою, и словомъ, и познаніемъ, и всякимъ усердіемъ, и любовію, такъ изобилуйте и сею добродѣтелію“ (2 Кор. 8, 8) [1]). А. В—чъ разумѣется, очень хорошо зналъ, что тѣ, къ кому онъ обращался, сами воспитываются на чужія средства, и однако—приглашалъ ихъ. Въ этомъ случаѣ надо быть глубоко увѣреннымъ въ добротѣ и отзывчивости человѣческаго сердца чтобы взывать къ нему о помощи. А. В—чъ былъ увѣренъ и рѣдко обманывался въ своей вѣрѣ. Студенты сами открывали предъ нимъ свою душу и не боялись за свою откровенность, чего бы она ни касалась,—взглядовъ, убѣжденій, состоянія духа, внѣшнихъ обстоятельствъ: знали что отъ этого кромѣ добра имъ ничего не будетъ. Неудивительно поэтому, если они и такъ писали иной разъ своему отцу ректору: „безъ предварительныхъ извиненій обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой: помочь мнѣ

[1]) Воззваніе это—въ арх. Горскаго.

Вашимъ мудрымъ совѣтомъ. Просьба моя такого рода: держать ли мнѣ экзаменъ, или прямо безъ экзамена остаться на третьемъ курсѣ? Я не слушалъ по своей спеціальности ни одного предмета. Какъ же послѣ этого я буду держать экзаменъ? Придется краснѣть предъ каждымъ экзаменующимъ. И если, сисходя моей болѣзни, будутъ ставить мнѣ сносные баллы, не будетъ ли тогда мой переходъ на четвертый курсъ christi causa? Потомъ, какъ я могу выбирать предметъ для занятія на четвертомъ курсѣ, когда я не слушалъ почти половины предметовъ? Ваше Высокопреподобіе! осчастливьте меня хоть тремя строчками Вашего отвѣта на мои тревожные вопросы. Я буду Вамъ очень, очень благодаренъ [1]). Или такъ: „соблаговолите Высокопреподобнѣйшій о. ректоръ, милостивѣйшій второй отецъ и единственный благодѣтель, помочь моему горю, какъ и чѣмъ благоугодно Вамъ будетъ. Вино совсѣмъ бросилъ пить, да и смотрѣть на него что-то ужъ не хочется, ей, ей! говорю предъ Вами, какъ передъ Богомъ". А. В — чъ всѣмъ помогалъ, все покрывалъ своею снисходительностью, но только въ томъ случаѣ, когда студентъ сознавалъ свою слабость. Людей, которые въ минуту откровенности съ ректоромъ проговаривались предъ нимъ о какихъ либо своихъ грѣхахъ, безъ искренняго сожалѣнія о нихъ, которые иногда, пожалуй, хвастались ими предъ нимъ или лгали ему, онъ терпѣть не могъ; считалъ ихъ вредными въ обществѣ въ какомъ бы то ни было, держалъ ихъ всегда у себя на виду и старался исправить ихъ или удалялъ изъ Академіи, — впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ и то со слезами на глазахъ. У насъ въ рукахъ тетрадь А. В — на, собственнаго его изготовленія, съ фамиліями студентовъ на бѣлыхъ листахъ. Вотъ что записано въ ней противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Извѣковъ Дм. 1864 г. сент. 18. Первый у меня репортъ по дежурству, и первая жалоба на столовую: пирожки малы; супъ картофельный не хорошъ. Супъ оказался на пробу вкуснымъ". — „Корольковъ Дм. 1864 сент. 15. При разговорѣ по дежурству высказалъ желаніе заниматься преимущественно по Русской ц. исторіи,

[1]) Письмо А. В—ву студ. А. Спасскаго отъ 3 мар. 1873 г., въ арх. Горскаго.

а о занятіяхъ Писаніемъ выразился очень неразсудительно: („мораль“).—Я взялъ съ него слово устроить порядокъ въ чтеніи Писанія съ толкованіемъ“. — „Крутиковъ Ник. 1864 г. сент. 21. Было длинное разсужденіе о повиновеніи власти, вопреки либеральнымъ теоріямъ. К — въ высказывалъ желаніе, чтобы начальникъ всегда объяснялъ причину, почему онъ такъ или иначе распоряжается, чтобы начальникъ нравственнымъ характеромъ своимъ и вліяніемъ заслужилъ себѣ повиновеніе. Я высказалъ, что это желательно, но не всегда бываетъ удобно сего достигать: между тѣмъ долгъ повиновенія требуется во всякомъ законномъ дѣлѣ“. — „Тороповъ Конст. 1864 сент. 19. Проповѣдь пустая; поспѣшно написана. Указываетъ на „обиды отъ начальствующихъ“, говорится объ учрежденіи раздѣла имуществъ между всѣми по примѣру церкви іерусалимской.— Сказывать не дозволено [1]). Довѣрчивость студентовъ, къ чему бы она тамъ ни вела, всетаки много упрощала для А. В—ча ректорское дѣло.

На первыхъ порахъ, когда онъ вступилъ въ должность, разумѣется, не все то шло такъ мирно, хорошо. Не привыкли студенты къ нему, и онъ не умѣлъ обращаться съ ними. Какъ только ушелъ его предшественникъ, они сейчасъ налегли на новаго ректора съ заявленіями своихъ неудовольствій и съ различными требованіями отъ него: хотѣли воспользоваться его неопытностью и извлечь изъ нея выгоды себѣ. Новый ректоръ горячился, выходилъ изъ себя, все дѣло повелъ круто: очевидно—тоже не выработалъ надлежащаго такта для себя [2]). Отсюда первоначально и пошли разные недобрые слухи про него: „будто съ новою администраціею порядки въ Академіи пошли хуже; студенты не довольны разными ненужными стѣсненіями; будто даже шпіонство и доносы нашли для себя благопріятную почву; невинныя или, по мнѣнію людей прогресса, даже очень полезныя занятія и развлеченія студенческаго круга преслѣдуются и т. п. [3]). Съ теченіемъ времени это

[1]) Тетрадь хранится въ арх. Горскаго.

[2]) См. Дневникъ А. В — ча. 1862. Окт. 1864. Сент. Приб. XXXV 230—246.

[3]) Письмо А. В — чу Н. К. Соколова отъ 30 янв. 1863, въ арх. Горскаго.

все исправилось, улеглось: благодушествовали и студенты подъ ректорствомъ А. В—ча, и самъ онъ былъ спокоенъ. Тѣ, которымъ при немъ привелось учиться въ Академіи, говорятъ, что онъ за всѣмъ слѣдилъ, что дѣлалось среди нихъ, но слѣдилъ всегда тихо и незамѣтно. „Каждый зналъ,—высказывалъ откровенно одинъ изъ студентовъ въ своей надробной рѣчи по А. В—чѣ,—что все дѣлалось въ насъ отъ его имени, всякій ощущалъ на себѣ его всепроникающую силу, чуствовали себя въ его незримомъ присутствіи и никто не тяготился излишествомъ дозора“ [1]). Ученики его соорудили ему памятникъ надъ могилой. Если-бы они и не сдѣлали этого,—доброе имя его все равно бы вѣчно жило въ Академіи: студенты одинъ другому, поколѣніе ихъ поколѣнію, стали бы передавать, что въ Академіи когда то былъ добрый ректоръ—А. В. Горскій.

Академія всегда стояла подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Митрополитовъ: сначала, въ продолженіи почти полсотни лѣтъ,—Филарета, потомъ, въ теченіи восьми лѣтъ при жизни А. В-ча—Иннокентія. Служа ректоромъ Академіи, А. В-чъ служилъ, собственно говоря, митрополитамъ, и служеніе это было безкорыстнымъ и честнымъ, потому что вытекало изъ такихъ же убѣжденій и взглядовъ его на предержащую власть. Припомнимъ, что отвѣчалъ онъ В. М. Ундольскому, когда тотъ, явившись къ нему, просилъ отдѣлить ему съ Погодинымъ для описанія часть синодальныхъ рукописей: „это дѣло не наше. Порученіемъ, сдѣланнымъ отъ начальства мы не можемъ располагать по своему. Можемъ все передать другому, если будетъ приказано, и не имѣемъ права ничего сами по себѣ передавать“. Какая преданность волѣ начальства! Совсѣмъ по апостольски: „нѣсть власть, аще не отъ Бога“ и „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется“. (Римл. 13, 1.). власть—учрежденіе Божественное, постоянное, твердое и устойчивое, которое покрываетъ собою все; все отъ нея, а она одна отъ Бога. Все остальное, простые смертные—ея покорнѣйшіе слуги: что она имъ прикажетъ, то и дѣлаютъ, какъ повернетъ ихъ судьбу, такъ имъ и быть. Такъ глу-

---

[1]) Иванъ Соколовъ. Прав. Обозр. 1875, Ш. Прилож. 38.

боко вѣровалъ А. В-чъ, такъ безотвѣтно и служилъ. Судить начальство, власть, указывать ему, входить въ пререканія съ нимъ, не было въ его обычаѣ, и онъ этого не любилъ. Въ 1857 г. К. И. Невоструевъ, встревоженный тѣмъ, что митр. Филаретъ долго не опредѣляетъ ни на какое мѣсто выслужившаго у нихъ одного писца—семинариста, жаловался въ письмѣ на это А. В-чу и говорилъ, какъ бываетъ иногда несправедлива епархіальная власть и просилъ его еще разъ напомнить митрополиту о писцѣ. А. В—чъ отвѣтилъ ему: „не считаю себя вправѣ повѣрять и обличать дѣйствія моего начальства. Не до того мнѣ, чтобы наблюдать его правду; хотя бы мои то дѣла не уклонялись отъ правды“[1]). Оттого онъ всегда и былъ въ мирѣ съ начальствомъ—митрополитами, и они были съ нимъ мирны. Съ м. Филаретомъ, кромѣ того, у него были еще и личныя отношенія, которыя упрочивали ихъ миръ. Филаретъ приблизилъ А. В—ча къ себѣ[2]), а тотъ платилъ ему за это: любилъ, уважалъ, благоговѣлъ предъ нимъ. „Святитель нашъ“, „милостивый Святитель“, „владыка“—только было у него и названій ему[3]). Каждое слово его внимательно выслушивалось имъ, всякій разговоръ исправно записывался[4]). Когда умеръ Филаретъ, А. В—чъ сильно сожалѣлъ о томъ. Въ первое время онъ никакъ не могъ забыть о немъ, вспоминалъ и думалъ о немъ денно и нощно. Съ 6-го на 7-е декабря онъ видѣлъ его во снѣ. Записывая для памяти себѣ этотъ сонъ, А. В—чъ такъ объяснилъ его: „съ вечера, предъ сномъ на молитвѣ вспомнивъ о немъ (Филаретѣ), я почувствовалъ сильное желаніе увидѣть его во снѣ, и думалъ про себя, почему бы я не могъ его видѣть въ настоящемъ его положеніи[5]). Филаретъ былъ строгій, суровый человѣкъ; надо было умѣть, чтобы обра-

[1]) Письмо къ К. И. Невоструеву отъ 15 мар. 1857 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Чит. его дневникъ.

[3]) См. дневникъ 1848 г. февр. 18, 1849 г. окт. 23 и мн. др. въ немъ мѣста; также письма А. В—ча къ Невоструеву отъ мая 1859, отъ 20 мая 1860 и др.

[4]) См. дневникъ А. В—ча.

[5]) Небольшой клочекъ бумаги, съ котораго мы списали это, хран. въ арх. Горскаго.

щаться съ нимъ. Многіе, изучивъ его, дѣйствительно, и умѣли. На первомъ или второмъ году службы въ Академіи, когда А. В—чу пришлось предъ экзаменомъ составлять для митрополита конспектъ по своему предмету, ректоръ Филаретъ (Гумилевскій) училъ его: „мнѣ кажется, что если Вашъ опытъ на бѣду составленъ будетъ вовсе не по его мыслямъ: то Вы тѣмъ вызовете его на бой открытый и безъ нужды растрогаете его вспыльчивый характеръ. Надобно наперед узнать его мысли. Тогда, если эти мысли не совсѣмъ будутъ вѣрны: можно сначала слегка сказать о ихъ невѣрности; или лучше не говоря прямо о ихъ невѣрности выставить свой планъ, и тогда когда онъ, замѣтивъ несходство его съ своимъ, будетъ настаивать на преимущества своего; то можно слегка и сказать кое-что въ свою защиту. Но замѣтьте, надобно говорить только слегка. Не надобно сильно настаивать. Это сочтутъ за упорство и сочтутъ быть можетъ справедливо. Тогда (чего сохрани Богъ) и хорошее не назовутъ хорошимъ. Зачѣмъ же предъ нимъ и настаивать на свое? Я и послѣ могу сдѣлать тоже, что теперь защищаю слегка,—когда т. е. мысль моя свята. И меня никто не укоритъ за то. Я поступаю по убѣжденію совѣсти. А давать всю своемыслію не дознавши его основательности—нехорошо [1]). И училъ, оказывается, не напрасно: въ сношеніяхъ съ Филаретомъ А. В—чу приходилось часто и къ такимъ пріемамъ прибѣгать, особенно когда требовалось его отъ чего-либо, „отклонить“ или направить на что [2]). Въ другихъ случаяхъ онъ ограничивался по большей части одними краткими вопросами и отвѣтами ему.—Иннокентій, наоборотъ, былъ слишкомъ мягокъ, къ тому же не имѣлъ высшаго образованія и вступилъ на Московскую каѳедру съ силами уже значительно ослабѣвшими подъ вліяніемъ преклоннаго возраста и многотрудныхъ подвиговъ прежней миссіонерской дѣятельности. Всѣ академическія дѣла рѣшались имъ такъ, какъ указывалъ А. В—чъ (припомнимъ, наприм., дѣла объ устроеніи академ. церкви, о кладбищѣ при ней), на него онъ полагался во

[1]) Письмо Филарета (безъ даты)—въ арх. Горскаго.

[2]) См. письмо А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 30 мая 1860., и къ В. Д. Кудрявцеву отъ 15 апр. 1861 г.,—въ арх. Горскаго.

всемъ: гдѣ А. В—чъ, тамъ, значитъ, онъ самъ (въ Академіи-ли или на сторонѣ — въ Учебномъ Комитетѣ [1]). Съ полнымъ уваженіемъ къ нему относился А. В—чъ, но уже не съ прежнею, какъ при Филаретѣ вѣрой, смотрѣлъ на его начинанія и выслушивалъ его слова. Тонкій критицизмъ у него невольно пробивался и здѣсь, хотя А. В—чъ самъ никогда не обнаруживалъ его митрополиту въ глаза. Въ 1871 году Иннокентій прислалъ А. В—чу свой проэктъ на счетъ соединенія православныхъ съ раскольниками и просилъ исправить его и, гдѣ нужно, дополнить. А. В-чъ, работая надъ нимъ у себя дома, не оставилъ въ немъ ни одной частности безъ замѣчанія [2]). Въ отвѣтъ митрополиту, тонко и незамѣтно направляя его на болѣе цѣлесообразный путь, въ общемъ онъ всетаки одобрилъ его мысль. Какъ видно, случаи критическаго отношенія къ планамъ Иннокентія у А. В—ча бывали, но только тогда, когда напрашивался онъ самъ.—Въ 1872 году А. В—чъ справлялъ сорокалѣтіе своей служебной дѣятельности. Въ тепломъ и задушевномъ письмѣ м. Иннокентій по достоинству оцѣнилъ его заслуги [3]).

Послѣ Академіи все вниманіе и вся любовь А. В—ча были сосредоточены исключительно на его родныхъ. Одинъ изъ профессоровъ, родственникъ А. В—ча, въ надгробной рѣчи предъ его отпѣваніемъ говорилъ: „при этомъ гробѣ нѣтъ дѣтей, но не мало сиротъ и сродниковъ, для которыхъ покойный былъ всегда самымъ заботливымъ и нѣжнымъ отцомъ. Какъ орелъ собираетъ птенцовъ подъ крылья свои, такъ и онъ всегда окруженъ былъ дорогими для него сиротами, заставляя ихъ забывать горе и нужды подъ надежнымъ покровомъ своей нѣжной горячей любви“ [4]). И дѣйствительно, кто изъ нихъ не пользовался его помощью, совѣтомъ и заступленіемъ? За одного, бывшаго смотрителя духовнаго училища, которому грозила опасность быть уволеннымъ отъ службы, онъ ходатайствуетъ въ академическомъ Правленіи [5]); другому, занимавшему экономскую въ

[1]) См. дневникъ А. В—ча 1869 г. февр. 5—25. Приб. XXXV, 254—263.
[2]) См. черновые матеріалы по этому вопросу въ арх. Горскаго.
[3]) Письмо Иннокентія отъ 29 авг. 1872 г., въ арх. Горскаго.
[4]) В. А. Соколовъ. Прав. Обозр. 1875, Ш. Прилож. 23 стр.
[5]) См. черновое письмо къ нему А. В—ча (безъ даты) въ арх. Горскаго.

семинаріи должность, совѣтуетъ оставить ее, въ виду непріятностей, которыя можно нажить на ней [1]); за сына третьяго, окончившаго семинарскій курсъ и намѣревающагося поступить на гражданскую службу, проситъ въ Семинаріи и выхлопатываетъ ему званіе студента [2]). Больной теткѣ (Аннѣ Косминичнѣ, проживающей въ собственномъ домѣ въ Костромѣ) посылаетъ сначала 35 р., потомъ, чрезъ мѣсяцъ 50 руб. [3]); дядѣ, выдававшему свою дочь, помогаетъ въ покупкѣ нѣкоторыхъ вещей приданаго, пересылаетъ ихъ и дѣлаетъ ей къ свадьбѣ подарокъ [4]). Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Москвѣ учились племянники А. В—ча: одинъ—въ университетѣ (Алекс. Павл. Птицынъ), другіе два—въ военномъ училищѣ (Владиміръ и Василій Губастовы); А. В—чъ присылалъ имъ денегъ, а маленькимъ, кромѣ того, гостинцевъ [5]); а въ 73 году на свои средства нанималъ въ Москвѣ квартиру, столъ и репетитора для своего внука [6]). Дѣтей А. В—чъ особенно любилъ; покупалъ для нихъ игрушки, книги, ноты [7]); бывало въ молодости, что онъ и самъ забавлялся съ ними какъ маленькій. Разсказывали намъ про него такой случай. Пришелъ онъ въ посадѣ къ одному изъ профессоровъ; самого его не было дома, а супруга ушла хлопотать по хозяйству. Въ комнатѣ остался А. В—чъ и маленькія дѣти. На полу лежалъ коверъ; А. В—чъ легъ на него, посадилъ дѣтей на себя и чуть-ли не разсказывалъ имъ сказки. Входитъ мать-хозяйка и застаетъ такую идиллическую картину. И дѣти любили А. В—ча. Въ его присутствіи они держались непринужденно; обращались съ

---

[1]) См. черновое письмо къ нему А. В—ча отъ 26 сент. и 3 окт. 1838 г. въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо къ А. В—чу В. С—ча отъ 11 мар. 1854 г., въ арх. Горскаго.

[3]) Писма къ А. В—чу Ѳ. Альбова отъ 21 февр. и 15 мар. 1871 г. въ арх. Горскаго.

[4]) Письмо къ А. В—чу В. Зарина, прот. изъ Костромы, отъ 13 окт. 1850 г., въ арх. Горскаго.

[5]) Письма къ А. В—чу студ. Гр. Виноградова (безъ даты) и Іосифа іером. Высокопетровск. монаст. отъ 29 сент. 1861 г. въ арх. Горскаго.

[6]) Письмо къ А. В—чу В. Крестовоздвиженскаго, учит. 1-й военн. гимназіи отъ 30 мар. 1873 г., въ арх. Горскаго.

[7]) Письма А. В—ча къ К. И. Невоструеву отъ 25 мар. 1853 г., 20 янв. и 24 апр. 1854 г. въ арх. Горскаго.

нимъ тоже свободно. Вотъ какъ писалъ ему, наприм., четырнадцатилѣтній племянникъ изъ Москвы: „милый мой папаша! Я слава Богу здоровъ и благодарю Васъ за письмо и за поздравленіе. Простите меня въ томъ, что я не писалъ Вамъ писемъ, хотя и бываю въ отпуску каждый праздникъ. Учусь я порядочно. У насъ въ Москвѣ холера ужасная, такъ что утромъ заболѣваютъ а вечеромъ умираютъ. У насъ въ корпусѣ, благодаримъ Бога, ее нѣтъ пока. Напишите мнѣ, папаша, пріѣдете ли вы на святую въ Москву, или останетесь въ Лаврѣ. Прощайте [1])!“ Письмо, какъ видно,—безъ всякихъ титулованій и формальностей; написано такъ, какъ вылилось то изъ чистой дѣтской души. А это свидѣтельствуетъ только о томъ, что А. В—чъ и самъ былъ всегда естественъ и простъ.—Отношенія его къ родителямъ заслуживаютъ подражанія. А. В—чъ не только ихъ любилъ,—всѣ любятъ своихъ родителей,—но и уважалъ. Благодаря этому придатку къ его сыновней любви, который не всегда встрѣчается въ другихъ, и отношенія къ нимъ были у него не такія, какъ у другихъ. А. В—чъ выросъ и на мѣстѣ уже былъ, а за спросами да совѣтами все обращался въ Кострому. Нужно сшить ему теплую шинель, спрашиваетъ у родителей, какъ лучше ее сдѣлать [2]); нужно отправиться въ Іерусалимъ,—напередъ совѣтуется съ ними, ѣхать ли ему [3]);—въ Вологду ѣздилъ, и то докладывалъ о томъ своимъ родителямъ [4]). Или—занимается у себя въ Академіи надъ своими рукописями и фоліантами—пишетъ объ этомъ въ Кострому и сообщаетъ, что имъ сдѣлано, что онъ нашелъ [5]), хотя объ этомъ мало могъ понимать В. С—чъ и еще меньше Ольга Косминична. Все дѣлалъ съ ихъ воли и согласія. Съ своей стороны и родители считали себя обязанными все ему указать, на все направить. А. В—чъ былъ профессоромъ въ Академіи, а В. С—чъ училъ его, какъ должно вести хозяйство, какъ

---

[1]) Письмо А. В—чу Вл. Губастова отъ 29 мар. 1853 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо къ А. В—чу В. С—ча отъ 9 мар. 1834 г., въ арх. Горкаго.

[3]) Письмо В. С—ча отъ 8 апр. 1845 г. у О. И. Салмановой.

[4]) Письмо В. С—ча къ Влад. В—чу отъ 22 апр. 1846 г., у О. И. Салмановой.

[5]) Письма В. С—на къ А. В—чу отъ 21 ноябр. 1833 г. въ арх. Горкаго и къ Влад. В—чу отъ 24 мар. 1841 г., у О. И. Салмановой.

блюсти семейные порядки [1]).—Въ письмахъ своихъ къ А. В—чу онъ иногда приписывалъ ему: „утѣшай собою насъ"; то же дѣлала и мать [2]). А. В—чъ ставилъ это для себя священнымъ долгомъ. И какъ онъ, бывало, умѣлъ утѣшать ихъ! Не говоримъ уже о томъ, что всегда радовалъ ихъ своими успѣхами—въ занятіяхъ и по службѣ;—случится годовой праздникъ, или именины чьи изъ домашнихъ,—А. В—чъ шлетъ домой письмо. Оно попадаетъ туда въ самый нужный моментъ и усиливаетъ общее настроеніе; отцу приходится благодарить его за это „отъ полноты своего сердца" [3]). Или—сдѣлаетъ неожиданно такой сюрпризъ: возьметъ да и пріѣдетъ къ такому дню домой [4]). Разъ въ присутствіи всѣхъ домашнихъ кто-то спросилъ А. В—ча, почему онъ не женится. Указывая на сестру и ея дѣтей, онъ отвѣчалъ: „вотъ моя жена, вотъ и мои дѣти". Родителямъ это было весьма пріятно. Когда они состарились уже, А. В—чъ присылалъ матери душеспасительнаго содержанія книжки: въ долгіе зимніе вечера она сидѣла и разбирала ихъ понемногу; а отцу выхлопоталъ за долголѣтнюю службу пенсію. В. С—чъ, тронутый такою заботливостью о немъ сына писалъ тогда ему: „благодарю Васъ за Ваше обо мнѣ великое попеченіе. Оно предваряетъ мои желанія—слава Богу, что имѣю въ Васъ такого о мнѣ попечительнаго, заботливаго ходатая [5]). Въ томъ же году онъ померъ. А. В—чъ, извѣщая о своей скорби, писалъ К. И. Невоструеву: „Богъ даровалъ мнѣ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что я могъ быть свидѣтелемъ послѣднихъ дней родителя моего, послужить ему въ чемъ могъ, и похоронить его".

А. В—чъ оставилъ намъ послѣ себя въ наслѣдіе свои литературные труды. Если иногда по однимъ произведеніямъ составляютъ характеристики писателей, то намъ приходится воспользоваться ими лишь въ дополненіе къ тому, что уже сказано объ А. В—чѣ.

---

[1]) Письмо А. В—чу В. С—ча отъ 23 мар. 1834 г., въ арх. Горскаго.

[2]) Письмо В. С—ча и приписка на немъ О. К—ны отъ 10 янв. 1833 г., въ арх. Горскаго, отъ 15 сент. 1831 г., 2 сент. 1840 г. 5 авг. 1834 г., у О. П. Салмановой.

[3]) Письмо В. С—ча А. В—чу отъ 9 мар. 1834 г., въ арх. Горскаго.

[4]) А. В—чъ пріѣзжалъ такъ иногда на именины своей матери.

[5]) Письмо В. С—ча А. В—чу отъ 18 мар. 1857 г. въ арх. Горскаго.

Всѣхъ названій сочиненій А. В—ча болѣе сорока [1]), не считая въ томъ числѣ объемистой „исторіи евангельской и церкви апостольской“, „о церкви греческой съ 1453 года до начала XVIII ст.“, представляющихъ изъ себя перепечатку его академическихъ лекцій (въ Приб. 1882 г., XXIX—XXXI и 1883 г., XXXII) и „описанія славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки“. Принимая во вниманіе постоянно лежавшія на немъ ученыя порученія начальства, а также занятія его по должности—профессор-

---

[1]) Выписываемъ ихъ въ порядкѣ появленія сочиненій изъ подъ пера. — Извѣстіе объ Аврааміи Палицынѣ (Москвитянинъ 1841, V). Возраженіе противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры (Москвит. 1842, VI). Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевой Лавры (Отдѣльное изданіе). Кириллъ II, М. Кіевскій и всея Россіи. О дѣвственникахъ христіанскихъ до монашества (прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ 1843, I). О Св. Кириллѣ и Меѳодіи (Москв. 1843, III). Св. Петръ М. Кіевскій и его исповѣданіе вѣры. Памятники духовной литературы временъ Вел. Кн. Ярослава (Приб. 1844 г. II). О походахъ русскихъ на Сурожъ (Записки Одесск. Общ. истор. 1844, I). Жизнь Св. Василія Великаго. О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVIII стол. (Приб. 1845, III). Св. Іона м. Кіевскій. Петръ Могила (Приб. 1846, IV). Краткая исторія собора Константинопольскаго III, вселенскаго VI (Христіанск. чт. 1847, янв.—апр.) Внѣшнее состояніе церкви Восточной въ IX и XIII ст. (Христіанское чт. 1848, I). Св. Алексій м. Кіевскій и всея Россіи. Св. Кипріанъ м. Кіевскій. О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями до XVIII стол. (Приб. 1848, VI). О митрополіи русской въ концѣ IX в. (Приб. 1850, IX). Жизнь св. Аѳанасія Александрійскаго. Посланіе къ Василію архим. Печерскому XII ст. Отношеніе иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей въ XVI в. (Приб. 1851, X). Фотій м. Кіевскій. Подвижники вѣры на востокѣ послѣ паденія имперіи Греческой. (Приб. 1852, XI). О томъ, совершалъ ли Господь I. Христосъ пасху іудейскую на послѣдней вечери своей съ учениками (Приб. 1853, XII). Митрополія Кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ Московской. (Приб. 1854, XIII). Жизнь бл. Ѳеодорита еп. Кирскаго (Приб. 1855, XIV). О древнихъ канонахъ Св. Кириллу и Меѳодію. О священнодѣйствіи вѣнчанія и помазанія царей на царство (Приб. 1856, XV; 1882, XXIX). Митрополиты Московскіе Ѳеодосій и Филиппъ (Приб. 1857, XVI). О древнихъ словахъ на Св. Четыредесятницу (Приб. 1858, XVII). Максимъ Грекъ (Приб. 1859, XVIII). О славянскомъ переводѣ пятокнижія Моусеева, испр. въ XV вѣкѣ по еврейскому тексту (Приб. 1860, XIX). Письмо Мары Самосатскаго къ сыну его Сераціону (Приб. 1861, XX). Нѣсколько свѣдѣній о Паисіи Литаридѣ. О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной (Приб. 1862, XXI). Св. Епифаній Кипрскій (Приб. 1863 г. XXII) Притязанія апологета австрійскаго священства (Приб. 1870, XXXIII). О соборѣ іерусалимскомъ 1672 г., Образованіе канона Св. кн. Н. Завѣта (Приб. 1871, XXIV).

ской, секретарской, библіотекарской и наконецъ ректорской, надо сказать, что число это очень велико для него. Но вотъ что особенно бросается въ сочиненіяхъ въ глаза: они очень разнообразны по содержанію. Просматривая ихъ заглавія, мы найдемъ въ нихъ касающіяся: и общей церковной исторіи, и русской, и русской гражданской исторіи и введенія въ книги Св. Писанія и каноническаго права; найдемъ нѣсколько сочиненій библіографическихъ. А сопоставляя сочиненія каждой этой области науки отдѣльно, мы увидимъ, что они ничѣмъ между собою не связаны и ни одно нельзя назвать продолженіемъ другаго; о мотивахъ, по которымъ то или другое изслѣдованіе писано именно по этому, а не по другому вопросу, — можно лишь догадываться.

Внѣшняя обстановка сочиненій очень скромна и незатѣйлива. Нѣтъ въ нихъ и слѣда того блеска и той роскоши, которой нерѣдко разукрашены книги и статьи современныхъ писателей. Возьмемъ для примѣра цитаты въ сочиненіяхъ А. В—ча. Не разъ, не два пришлось бы намъ помножить ихъ количество само на себя, чтобы получить произведеніе хотя немного близкое къ тѣмъ цифрамъ, которыми обозначаются итоги цитацій въ теперешнихъ ученыхъ и историческихъ изслѣдованіяхъ. А еще замѣчательнѣй въ его сочиненіяхъ однообразіе и ограниченное число тѣхъ источниковъ, на которые онъ ссылается въ своихъ немногочисленныхъ цитатахъ: всего десятокъ книгъ, и того меньше — авторовъ. Если вспомнить при этомъ современные ученые труды по богословскимъ предметамъ, то контрастъ получится самый рѣзкій. Здѣсь мы встрѣтимъ что ни цитату, то новаго автора, новое сочиненіе. — Но ученая роскошь отсутствуетъ не въ однѣхъ только подстрочныхъ сноскахъ сочиненій А. В—ча; ея нѣтъ и въ срединѣ самаго текста. Мы не найдемъ здѣсь отборныхъ выписокъ изъ самыхъ знаменитыхъ сочиненій корифеевъ науки, не встрѣтимъ подробнаго разбора различныхъ теорій и гипотезъ, не прочтемъ цѣлой исторіи разработки даннаго вопроса. Авторъ, очевидно, не считалъ нужнымъ показывать читателю весь матеріалъ своей ученой лабораторіи, знакомить его со всѣми обстоятельствами своихъ богословско-историческихъ экскурсій. Краткимъ простымъ замѣчаніемъ онъ сообщаетъ только итоги своихъ

ученыхъ операцій. Равнодушіе къ ученой нарядности и блеску доходитъ иногда даже до какой-то застѣнчивости. Часто невольно чувствуете, что просто и скромно высказанный взглядъ автора стоилъ ему многихъ кропотливыхъ изысканій, долгихъ, серьезныхъ размышленій; но авторъ, какъ будто стѣсняется признаться, какъ дорого обошлась ему извѣстная мысль, и говоритъ о своей драгоцѣнной находкѣ, какъ о предметѣ, который находится у всякаго подъ руками. Остаются только неясные слѣды, темные намеки на тотъ продолжительный процессъ, результатомъ котораго явилось извѣстное воззрѣніе автора.

Изложеніе во всѣхъ сочиненіяхъ А. В—ча весьма сжатое. Каждое событіе онъ описываетъ въ очень немногихъ словахъ, и вычеркнуть изъ его описанія — не только нѣсколько фразъ, но даже нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, безъ ущерба для содержанія,—дѣло невозможное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разсказѣ событія слѣдуютъ одно за другимъ, эта сжатость изложенія переходитъ даже въ сухость. Рѣчь въ сочиненіяхъ, большею частію, періодическая, когда А. В—чъ что нибудь описываетъ; но когда ему приходится передавать факты, онъ почти всегда пишетъ отрывистой рѣчью. Языкъ вездѣ точный: нигдѣ не встрѣтите у него выраженій, которыя бы видимо не соотвѣтствовали понятіямъ или которыя можно бы понимать такъ и иначе. — Сразу замѣтенъ въ авторѣ положительный характеръ и сильный критическій умъ.

Вникая во внутреннюю, идейную сторону содержанія сочиненій А. В—ча,—обращая вниманіе на тотъ принципъ, которымъ онъ руководился, на ту цѣль, которую онъ преслѣдовалъ въ своихъ богословско-историческихъ изслѣдованіяхъ, мы увидимъ, что цѣль эта—нравственная назидательность. Она очень ясно, очень прозрачно выступаетъ въ сочиненіяхъ по церковной исторіи. Авторъ преслѣдуетъ ее съ особеннымъ напряженнымъ стараніемъ. Онъ не пропускаетъ ни одного удобнаго случая, чтобы не выставить на видъ нравственную поучительность указываемаго имъ факта. Историческій разсказъ его часто прерывается лирическими изліяніями благочестиво-назидательнаго характера. Всегда такія отступленія запечатлѣны особенною воодушевленностью, восторженностью. Преподать нравственный урокъ, основан-

ный на историческомъ фактѣ, вызвать въ читателѣ благочестивый восторгъ историческимъ разсказомъ — было, очевидно, самою завѣтною цѣлію А. В—ча.

Это — ближайшая цѣль, которую онъ преслѣдовалъ въ своихъ сочиненіяхъ; а дальнѣйшая и конечная — чистое служеніе наукѣ и просвѣщенію на пользу ближнихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ свои ученые труды самъ А. В—чъ. „Какихъ силъ, — писалъ онъ однажды своему другу Евсевію, — какихъ трудовъ будетъ жалко, когда знаешь, что найдется не одинъ, а нѣсколько людей — съ душею, которые поймутъ эти труды, воспользуются этимъ пріобрѣтеніемъ, передадутъ его другимъ, пойдутъ сами за этими открытіями къ новымъ, и сообщатъ ихъ намъ, когда мы уже, можетъ быть, не въ состояніи будемъ продолжать далѣе поиски и изслѣдованія? Утѣшаясь этою мыслію, усталая голова снова пріободряется, утомленная рука еще разъ омокаетъ перо и и труженикъ просвѣщенія празднуетъ всенощное бдѣніе въ въ честь истины“ [1]).

Великій урокъ всѣмъ труженикамъ на полѣ церковной науки въ вѣкъ прогресса, отрицанія, разрушенія, религіознаго индифферентизма, легкомысленнаго, а иногда и умышленнаго злоупотребленія драгоцѣнной наукой [2]).

Мы не станемъ дѣлать въ заключеніе объ А. В—чѣ особой характеристики его; личность достаточно уже выяснилась изъ тѣхъ его писемъ, записокъ и рѣчей и изъ тѣхъ разсказовъ о немъ, которые мы, говоря объ отношеніяхъ его къ окружающей его средѣ, имѣли возможность привести. Намъ остается лишь указать, какъ сложился такой характеръ, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями онъ выросъ. Это и будетъ нашимъ заключительнымъ словомъ объ А. Васильевичѣ.

Говорятъ — „человѣкъ продуктъ обстоятельствъ“, „человѣка вырабатываетъ жизнь“. Можетъ быть, это изъ сотни только въ пятидесяти случаяхъ вѣрно; можетъ быть, и въ каждомъ случаѣ только на половину вѣрно: нельзя катего-

---

[1]) Письмо А. В — ча къ Евсевію Орлинскому (безъ даты); въ арх. Горскаго.

[2]) Подробнѣе характеристическія черты сочиненій А. В—ча указаны въ статьѣ А. П. Лебедева: „нѣсколько свѣдѣній о покойномъ Горскомъ, какъ профессорѣ Церк. Исторіи“. Чт. въ Общ. Л. Д. Пр. 1879 г. I.

рически о всѣхъ утверждать этого. Но въ данномъ случаѣ, сколько мы ни размышляли объ А. В—чѣ, это оказывается вѣрно: А. В—чъ принесъ съ собою въ свѣтъ одну только основную черту въ своемъ характерѣ; а осложнилась, выросла и развѣтвилась она потомъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ и условій его жизни.—Когда приходилось читать письма Василія Сергѣевича, была замѣтна въ авторѣ какая-то поэтическая жилка: онъ пишетъ складно, слово его какъ рѣка льется, плавно, безъ запинки, пишетъ картинно, съ воодушевленіемъ. Это сказывалась въ немъ его живость характера. Её то и передалъ онъ по наслѣдству своему сыну; она-то и легла у А. В—ча въ основу всего его характера. Онъ самъ впослѣдствіи такъ разгадывалъ себя: „во мнѣ живетъ два я; но они — тотъ же одинъ я самъ, только въ двухъ различныхъ болѣе или менѣе остепенившихся и укрѣпившихся положеніяхъ — тотъ же я съ двухъ сторонъ, которыхъ первоначальное образованіе и постепенное возрастаніе и укрѣпленіе я мало постигаю. Есть я всеугодливое, которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ, существуетъ ко внѣшнему счастію моему — это я, мнѣ кажется, родилось во мнѣ въ лѣта моего дѣтства, можетъ быть, отъ воспитанія. Другое я самостоятельное, которое родилось со мною; это природная живость, упругость и саморазгибаемость моихъ силъ“ [1]). — Суетливо, вся въ хлопотахъ проходила его жизнь. А. В—чъ какъ-то разъ даже жаловался на нее и писалъ одному: „извѣстна вамъ моя хлопотливая жизнь. День за днемъ, дѣло за дѣломъ: и не видишь, какъ время проходитъ. Весь разбредаюсь на мелочи и эти мелочи одолѣваютъ меня“ [2]). Это теперь понятно отъ чего: выдался такой характеръ. Въ частности, нѣжность и доброта, которымъ всѣ удивлялись въ немъ, это отчасти увлеченіе А. В—ча: воображеніе его было такъ живо, что сразу и всего захватывало его картинно изображеннымъ счастіемъ или несчастіемъ людскимъ; А. В—чу оставалось послѣ того только отдаться ему. Любовь къ дѣ-

---

[1]) Дневникъ приб. XXXIV, 86.

[2]) Капитону Ивановичу Невоструеву отъ 1 ноября 1863 г.; въ арх. Горскаго.

тямъ, которой многіе не понимали въ немъ, это значитъ опять то, что живой характеръ А. В—ча чувствовалъ и какъ бы искалъ въ нихъ нѣчто сродное себѣ.

Мальчикъ отъ природы бойкій и живой воспитывается вдругъ „подъ грозящимъ жезломъ скромности“ [1]) въ домѣ родительскомъ. А что это былъ въ домѣ за жезлъ, можно судить по такому случаю, гдѣ было готово приложеніе его. Влад. В—чъ, въ дѣтскіе годы еще, игралъ разъ во что-то на лужайкѣ предъ домомъ, да нечаянно и свалился подъ гору къ рѣкѣ и попортилъ свой костюмъ. Бѣда была такъ велика, что надо было полдня просидѣть гдѣ-то за угломъ— „чтобы не узнали папаша съ мамашей“.—Такимъ то жезломъ учили А. В—ча скромности—„благонравію да вѣжливости“, сказать бы языкомъ попечительныхъ родителей. Само собою разумѣется, при такой наукѣ живость и бойкость А. В—ча по неволѣ должны были осѣсть, войти въ рамки; а параллельно имъ явиться „я всеугодливое“, „которое подчиняется всякому обстоятельству, уживается со всякимъ отвратительнымъ существомъ существуетъ ко внѣшнему счастію“; и изъ А. В—ча долженъ былъ выйти больше молчаливый, самоуглубленный, и внѣшне-степенный и пристойный мальчикъ, „монастырка“, какъ выразился онъ [2]). У него природный характеръ уравновѣшивался воспитаніемъ, поэтому въ результатѣ и получился характеръ ровный, спокойный, невозмутимый. У насъ такіе характеры принято называть „безхарактерными“, а въ сущности это очень хорошіе характеры. И А. В—чъ склоненъ былъ видѣть въ себѣ безхарактерность, когда ею объяснилъ отсутствіе у себя привычки исправно каждый день заносить по нѣскольку строкъ въ свой дневникъ [3]); но онъ въ этомъ случаѣ ошибался на счетъ себя.

Шестнадцати лѣтъ А. В—чъ перешелъ въ Академію: въ самое время развитія юношеской мечтательности попалъ въ уединеніе и глушь. Здѣсь подъ вліяніемъ живыхъ примѣровъ у него выработалось „направленіе“ жизни—въ аскетическую больше сторону. И теперь уже онъ два раза

---

1) Дневникъ. Приб. XXXIV, 86.
2) Дневникъ. Приб. XXXIV, 88.
3) Дневникъ. Приб. XXXIV, 109.

порывался въ монашество, но останавливала только отеческая рука. Здѣсь, въ Академіи, гдѣ онъ далеко стоялъ отъ людей, развилась въ немъ застѣнчивость, которая въ соединеніи съ вынесенною изъ дома всеугодливостью въ итогѣ дала скромность, которою онъ всегда отличался потомъ. Здѣсь же зародилась въ немъ страсть къ чтенію, — единственная страсть, которая была въ его натурѣ и поглощала все свободное время: мертвые друзья, книги, замѣняли для него товарищей; а такъ какъ въ Академіи тогда лучшимъ считалось „то сочиненіе, которое исперщено было цитатами изъ отцовъ церкви“ [1]), то страсть его направлялась больше къ святоотеческимъ твореніямъ, т. е. въ ту самую область, изъ которой впослѣдствіи онъ заимствовалъ матеріалъ для своихъ богословскихъ и историческихъ трудовъ. Книжная страсть А. В—ча была вмѣстѣ съ тѣмъ и почвой для образованія въ немъ сильнаго критическаго ума, который послѣ не только сказывался во всѣхъ его ученыхъ работахъ, но замѣтно участвовалъ и въ выработкѣ всего его житейскаго такта.

Молодымъ человѣкомъ съ такими задатками и характеромъ поступилъ А. В—чъ на службу,—чрезъ годъ опять въ ту же Академію. Здѣсь онъ подпалъ сильнѣйшему вліянію сначала Ѳеодора Александровича и ректора Филарета, потомъ—Евсевія. Ѳ. А. передалъ ему частицу своего мистико-созерцательнаго настроенія духа: по его примѣру А. В—чъ сталъ вѣровать въ знаменательность сновидѣній и пророчественное значеніе на удачу попавшихся изъ Н. Завѣта словъ [2]). Филаретъ усилилъ прежде всего его аскетическое направленіе жизни. По его совѣту А. В—чъ принялъ бы въ 1840 году и монашество, но этому помѣшали его родители [3]). Не добившись этого, Филаретъ раньше добился въ А. В—чѣ другого: онъ пересталъ вкушать мясное [4]); сталъ чаще прибѣгать къ молитвѣ. Бывали такіе

---

[1]) С. К. Смирновъ,—Исторія Академіи, стр. 179.

[2]) См. Дневникъ Приб. XXXIV, 91, 95, 106 и мн. др.; также—98, 340; XXXVI, 253; 263 и др.

[3]) См. Дневникъ Приб. XXXIV, 303; и письмо В. С—ча къ А. В—чу отъ 2 сент. 1840 г., у О. П. Салмановой. См. письмо В. С—ча къ Вл. В—чу отъ 24 мар. 1841 г., у ней же.

[4]) Приписка матери на письмѣ къ А. В—чу В. С—ча отъ 27 сент.

случаи, когда утомившись вечерней молитвой, А. В—чъ ложился отдыхать и потомъ съ новой силой опять принимался за нее [1]). Чаще сталъ вспоминать о душѣ, о вѣчности, глубже вѣровать въ промыслъ Божій, весь отдался волѣ высшей власти [2]). Филаретъ вліялъ и на самыя занятія А. В—ча. Онъ говаривалъ ему: „если духовные отстаютъ въ познаніяхъ отъ свѣтскихъ, это будетъ чрезвычайно вредно для святой вѣры“ [3]), и вмѣстѣ съ нимъ просиживалъ за книгами дни и ночи. Онъ будилъ литературную его дѣятельность. „Пишите, пишите, что знаете“,—побуждалъ не разъ онъ его [4]); „пишите,—внушалъ,—имѣя въ виду пользу вѣчную, пользу своей души, пользу тѣхъ, которые будутъ читать. Что дѣлать, если иногда и встрѣчаютъ насъ очень не ласково? Быть можетъ, впослѣдствіи признаютъ что-нибудь и доброе въ трудѣ немощи, въ трудѣ грѣшника, но трудѣ искреннемъ“ [5]). Относительно писательства онъ давалъ ему и болѣе частныя наставленія—писать сжато, давать мѣсто своему чувству, но не выставлять себя всезнающимъ [6]), А. В—чъ все это слушалъ и слагалъ въ своемъ сердцѣ.—Такіе же только рѣже совѣты преподавалъ ему и Евсевій [7]). Вся разница вліяній того и другого на А. В—ча состояла въ томъ, что Филаретъ дѣйствовалъ на душу А. В—ча и поучалъ его, какъ „беречь ее при добрыхъ расположеніяхъ истиннаго христіанина“ [8]); а Евсевій училъ А. В—ча просто, какъ жить съ людьми на свѣтѣ, и если иногда касался въ разговорѣ съ нимъ душеспасительнаго, развивалъ въ немъ больше созерцательность [9]).

1837 г., у О. П.—„Что намъ пользы видѣть, что ты вянешь какъ цвѣтокъ? Сжалься надъ отцомъ и матерью. Зачѣмъ ты перемѣнилъ пищу? Развѣ ты монахъ?“

[1]) Письма Филарета. Приб. XXXIII, 602. См. Дневникъ. Приб. XXXIV, 107.

[2]) Письма Филарета. Приб. XXXVI, 92., 103.; XXXI, 234, 264, XXXIII, 560. Чит. Дневникъ А. В—ча.

[3]) Письма Филарета. Приб. XXXVI, 143.

[4]) Письма Филарета Приб. XXXVI, 98.

[5]) Письма Филарета Приб. XXXI, 215.

[6]) Письма Филарета Приб. XXXIII, 567, 595, 596, 629,—601.

[7]) Письма Евсевія Приб. XXXVII, 748, 749; 702, 763.

[8]) Письма Филарета. Приб. XXXIII, 551.

[9]) См. въ арх. Горскаго два письма его къ Евсевію (безъ даты).

Въ то время, когда А. В—чъ служилъ въ Академіи, во главѣ ея стоялъ знаменитѣйшій изъ московскихъ іерарховъ Филаретъ. De facto онъ былъ почти полновластнымъ и единственнымъ начальникомъ Академіи: высшее начальство смотрѣло на нее глазами Филарета, а низшее (конференція, правленіе и ректоръ) могло только исполнять его распоряженія. Вліяніе его въ Академіи было такъ обширно и сильно, что было какъ бы непосредственнымъ. Поступивъ въ Академію А. В—чъ сразу подвергся незримому дѣйствію той духовной атмосферы, какую раньше создалъ въ ней строгій и внимательный во всемъ къ себѣ и другимъ Филаретъ. Отсюда появилась въ немъ та точность въ словѣ и дѣлѣ, которую многіе, когда А. В—чъ былъ ректоромъ, считали за самую скрупулезную формальность въ немъ; отсюда же его обдуманность и размѣренность каждаго поступка, каждаго шага въ частной жизни; а въ ученыхъ работахъ и трудахъ—глубокое убѣжденіе въ истинѣ Христа, пламенная ревность о православіи и благодатное и сильное слово учительское. Поэтому-то, когда А. В—чъ скончался, панегиристы надъ гробомъ его и говорили: „духъ великаго іерарха осѣнялъ мысли и дѣйствія въ Бозѣ почившаго отца нашего и былъ для него всегдашнимъ, достойнымъ подражанія, образцомъ и руководителемъ“ [1]).

А. В—чъ въ своемъ дневникѣ когда-то писалъ: „каждыми сутками кладется въ личности нашего характера, умственнаго или нравственнаго, какая-нибудь новая черта“ [2]); а мы теперь добавимъ:—и каждой встрѣчей, каждымъ обстоятельствомъ жизни, какъ было съ нимъ. Блаженъ А. В—чъ что могъ вмѣстить въ себѣ всѣ эти черты.

Гос. Историч. научн. б-ка
НА РСФ
Инвент. №
„ 193 г.

---

[1]) Прав. Обозр. 1875, III. Прил. 49.
[2]) Приб. XXXIV, 113.

Цѣна 1 руб.

КОПИРОВАНИЕ
25-11-03.